

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 11, № 2 2022

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Editorial Council of «Journal of Public and Municipal Administration»

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Litvov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по економика, Ph.D, профессор Нового българского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Ливцов В. А.,
Саран А. Ю.	Насильственная депортация населения временно оккупированных территорий Орловской области в Германию в 1941-1943 гг.	11

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Выходов А. А.	Функции министерства внутренних дел в сфере государственного управления Российской империи в начале второй половины XIX века	25
Елисеев А. Л.,
Матвеева Е. С.	Международные стандарты и национальные традиции в формировании современной молодёжной политики России	34

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Полухин О. В.	Административно-территориальные преобразования Новосиль и Новосильского уезда в период губернских реформ XVIII столетия	47

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Шихер Н. Д.	Дискуссии о формировании современной модели российских государственно-конфессиональных отношений	58

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Чернышева Н. В.	Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 года на территории Волго-вятского региона	68
Мартынова М. В.,
Степанченко О. В.,
Цыганкова Е. А.	История интернационального взаимодействия: опыт пионерской организации	78

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Лупандин В. Н.	Представления о логике как учебной дисциплине в контексте реформ российского образования XIX-начала XX веков	89

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гелла Т. Н.	Общественно-политическая жизнь российского общества середины XIX века в оценках британских современников	103
Мамайко И. А.	Становление и развитие милиции Республики Беларусь (1917–1920-е годы)	114
Арбеков А. Б.	Египет и военная стратегия Великобритании по восточному вопросу во второй половине 70-х годов XIX века	124
Кичаев П. А., Цыбакова О. В.	История политико-дипломатической борьбы СССР и Японии по поводу принадлежности Южных Курил в XX столетии	136

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Гребенкин А. Н.	Охрана Николая II во время поездки в Нижний Новгород в 1913 г.	144
Ланник Л. В.	Германские оккупационные войска и формирование антибольшевистских армий на Украине и на Юге России в 1918 г.	154

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

- Livtsov V.A. Abduction of the population from the temporarily occupied 11
Saran A.Y. territories of Orel region to Germany in 1941-1943.

HISTORY AND MODERN PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Vykhodov A.A. Functions of the Ministry of Internal Affairs in the sphere of 25
Public Administration of the Russian Empire at the begin-
ning of the second half of the 19th century
- Eliseev A.L. International standards and national traditions in the for- 34
Matveeva E.S. mation of modern youth policy in Russia

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

- Polukhin O.V. Administrative-territorial transformations of the City of No- 47
vosil and Novosilsky District during the provincial reforms
of the 18th century

STATE, RELIGION, CHURCH

- Shikher N.D. Discussions on the prerequisites and the results of the for- 58
mation of the modern model of state-confessional relations
in Russia

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

- Chernysheva N.V. Preparation and conduction of the All-Union Population 68
Census of 1939 on the territory of Volga-Vyatka region
- Martynova M.V. History of international interaction: experience of the 78
Stepanchenko O.V. Pioneer Organization
Tsygankova E.A.

HISTORY OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

- Lupandin V.N. The ideas about Logic as an academic discipline in the 89
context of the reforms of Russian education in the 19th -
early 20th centuries.

CONTENTS

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Gella T.N.	Social and political life of Russian society in the middle of the 19th century in the view of British contemporaries	103
Mamaiko I.A.	The formation and development of the Militsiya of Belarus (1917-1920's)	114
Arbekov A.B.	Egypt and British military strategy on the Eastern question in the second half of the 70s of the 19th century	124
Kichaev P.A. Tsybakova O.V.	The history of the political and diplomatic struggle between the USSR and Japan over the ownership of the Southern Kuriles in the 20th century	136

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

Grebenkin A.N.	The security of Nicholas II during the trip to Nizhny Novgorod in 1913.	144
Lannik L.V.	German occupation troops and the formation of Anti-Bolshevik forces in Ukraine and the South of Russia in 1918.	154

УДК 341.346(470.319)''1941/1943''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-11-24

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru, AuthorID: 690485

SARAN A.Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Science and Technology, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru, AuthorID: 690485

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГЕРМАНИЮ В 1941–1943 ГГ.

ABDUCTION OF THE POPULATION FROM THE TEMPORARILY OCCUPIED TERRITORIES OF OREL REGION TO GERMANY IN 1941-1943

Аннотация. Цель статьи – анализ политики геноцида советского народа, проводившейся оккупационными властями Германии и их пособниками, на территории временно оккупированной части Орловской области в 1941–1943 гг. Одной из составных частей политики геноцида является насильственный угон населения с мест постоянного проживания. Значительная часть жителей Орловской области, оставшихся на захваченной территории, была насильственно перемещена как по территории Орловской области, так и за ее рубежи в границы Советского Союза – на Украину, в Белоруссию, Прибалтику – и за границу – на территорию Германии, Италии, Франции, Чехословакии, Польши, Румынии. Условия депортации и режим содержания перемещенных лиц создавал угрозы для их здоровья и самой жизни, о чем свидетельствуют многочисленные показания выживших орловчан, а также вещественные улики, собранные чрезвычайными государственными комиссиями (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба мирным гражданам, создаваемыми сразу после освобождения оккупированных территорий Орловской области в сельских советах, районах и областном центре. Работа ЧГК продолжалась в течение нескольких лет, они периодически обобщали собранные сведения, документировали их и предавали гласности. Поскольку данные постоянно пополнялись, менялись и цифры в обобщенных результатах, что не было противоречием.

Ключевые слова: геноцид советского народа, Орловская область, СССР, Германия, оккупация, угон мирного населения.

Abstract. Much attention is given to abduction of the population as one of the components of the policy of genocide. The authors draw attention to the fact that a significant part of the residents of Orel region were forcibly displaced both on the territory of Orel region and beyond its borders within the borders of the Soviet Union – to Ukraine, Belarus, the Baltic States, and abroad – to Germany, Italy, France, Czechoslovakia, Poland, Romania. The conditions of involuntarily deportation and the regime of detention of displaced persons endangered their life and health. The authors cite the testimony of survivors, as well as materials collected by the Extraordinary State Commissions of inquiry the atrocities of the Nazi invaders and the damage caused to civilians. The Extraordinary State Commissions were created immediately after the liberation of the occupied territories of Orel regions in rural councils, districts and the regional center. As a result, the authors draw conclusions that the work of the Extraordinary State Commissions continued for several years. The results of their work on collecting, documenting and making public information are summarized. It stressed that the constant updating of data and the change of figures in the generalized results is not a contradiction.

Keywords: genocide of the Soviet people, Orel region, USSR, Germany, occupation, abduction of the population.

ВВЕДЕНИЕ

Определение геноцида, который является преступлением против мира и безопасности человечества, дано в ст. 357 Уголовного кодекса РФ, где, в частности, говорится, что это «действия, направленные на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства... насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение» [21]. То есть угон мирного населения нацистскими захватчиками с временно оккупированной территории Орловской области в 1941–1943 гг. полностью подпадает под определение геноцида.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Орловской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба мирным гражданам в своем обобщающем акте от 15 марта 1945 года был подведен следующий итог расследованиям, проводившимся в течение полутора лет: гитлеровские палачи угнали в Германию на каторжные работы 56 490 чел. [4, С. 24].

Правда, позднее, 19 октября 1945 года, секретарь Орловского обкома ВКП(б) Н. Г. Игнатов в своем отчете о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 4 августа 1945 года «Об организации политико-воспитательной работы с репатрированными советскими гражданами», poslanном секретарю Центрального комитета коммунистической партии Георгию Максимилиановичу Маленкову, сообщил уже новые, скорректированные в сторону увеличения данные о том, что за время оккупации области немецкими захватчиками в Германию было угнано 97 769 чел. [6, Л. 163–163 об.]. Разница в обобщенных цифрах угона населения с мест постоянного проживания более чем в 40 тыс. человек, то есть почти вдвое, могла быть вызвана тем, что за истекшие к тому времени

полгода, с одной стороны, вернулось большее количество угнанных советских граждан, чем их вернулось в марте 1945 года, а с другой стороны, система учета стала располагать более полными и достоверными сведениями, учитывая проведенную за этот период работу органов статистики.

Оккупанты серьезно подготовились для доставки рабочей силы с захваченных территорий в Германию, которая испытывала дефицит рабочих рук в связи с постоянно проводившимися мобилизациями в армию мужчин призывного возраста. Необходимо отметить, что дефицит квалифицированной рабочей силы особенно обострился в 1942 году, когда после серьезных потерь вермахта на Восточном фронте борьбы с Советским Союзом в Германии стали снимать бронь с работников оборонных предприятий и посылать их на фронт. Это вынудило оккупационные немецкие власти в СССР усилить работу по насильственной депортации трудоспособного населения, в том числе с территории Орловской области, которую они проводили и ранее.

Орловская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем акте от 27.01.1945 г. зафиксировала, что начиная с октября 1941 года после занятия города немецко-фашистские оккупанты начали проводить насильственный угон советских людей в рабство в Германию. Для угона оккупанты организовали биржу труда с лагерем, силою заставили подписывать трудовые обязательства о якобы добровольной поездке в Германию. За отказ немцы арестовывали граждан и держали в подвале гестапо, принуждали к формальному согласию угрозами, побоями, расстрелом. А всего из Орла насильственно угнали 1221 чел. [11, 33 об. – 34]. Подчеркнем, что это были данные исключительно по городу Орлу без учета сведений по другим временно оккупированным районам Орловской области.

Всех обнаруженных девушек 1917–1926 годов рождения через биржу труда немцы отправляли в Германию. Генерал-

майор Гаман – командующий Орловским административным округом – 28 мая 1943 года издал приказ, в котором говорилось, чтобы «скрывающаяся женская молодежь в селах вылавливалась органами полиции и под силой оружия направлялась в Германию» [18, С. 268]. По имеющимся на настоящее время у исследователей данным, с территории Орловской области было угнано более 20 000 женщин и девушек.

Эти сведения орловских источников нашли свое подтверждение в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) от 6.09.1943 г.: «...за весь период немецкого хозяйничанья в городе Орле было угнано в рабство только одних девушек и женщин свыше 20 000 человек. Ужас германского рабства толкал советских граждан на причинение себе тяжелых увечий. Многие девушки и женщины сознательно увечили себя, лишь бы не попасть на фашистскую каторгу. Например, гражданки Сысоева Александра и Ковалева Александра с этой целью обожгли себе руки серной кислотой и стали инвалидами. Таких случаев было немало» [16, С. 2–16].

Сознательная самоинвалидизация кандидатов на угон демонстрирует действительно отношение населения к депортации в Германию, в то время как гитлеровская пропаганда расписывала прелести жизни и работы на Западе в оккупационной прессе, в листовках, передачах по радио (радиоприемники у населения были конфискованы, но радиовещание велось с громкоговорителей, установленных в местах массового присутствия населения). В этой фашистской пропаганде постоянно приводились ложные примеры хороших отзывов от самих «остовцев». Частью такой пропаганды была и переписка угнанных жителей Орловской области с оставшимися родственниками и знакомыми. Дело в том, что письма угнанных, направлявшиеся на Родину, писа-

лись ими исключительно по образцам на специальных почтовых бланках, подвергались цензуре и могли содержать только позитивную информацию. Но все усилия фашистской пропаганды аннулировались правдивыми сведениями, которые просачивались к жителям Орловской области, в том числе через немногочисленные листовки советских органов власти из-за линии фронта, которые становились доступны жителям временно оккупированных территорий через подпольщиков, нередко с опасностью для своей жизни доносивших правду до населения, посредством устных сообщений, слухов, которые через все границы просачивались из Германии. Одним словом, отношение местных жителей к депортации в Германию было категорически отрицательным, о чем свидетельствует не только широкое использование оккупантами методов принуждения и насилия в ходе мобилизационных кампаний, но и указанные выше случаи самокалечения жителей, чтобы избежать угона.

Когда в начале августа 1943 года советские войска развернули широкое наступление на Орловском плацдарме и подошли к Орлу, немецкий военный комендант города Гаман опубликовал оповещение, что город Орёл объявлен боевой зоной, и поэтому «гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспрепятствовано силою оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет избегают задержания, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице¹. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречаться на улице, будет расстреляно» [17, С. 149–150]. Этот документ демонстрирует планы гитлеровцев, которые намеревались оставлять после своего ухода с временно оккупированных территорий СССР лишь «выжженную землю» – все постройки предполагалось уничтожить путем сожжения или взрыва, а население в полном составе либо угнать с собой, либо уничтожить.

¹ Ныне – ул. Красноармейская.

Оставшееся мирное мужское население города Орла должно было быть сконцентрировано в так называемом Орловском центре на Казарменной (Красноармейской) улице, где размещался концентрационный лагерь для военнопленных и мирных граждан. Учитывая массовые расстрелы, которые проводились в указанном концлагере, с большой долей уверенности можно предположить, что фашисты готовились к тотальному уничтожению мужчин-орловчан, чтобы лишить мобилизационного ресурса наступающую Красную армию, которая подходила к Орлу. Избегая угона в фашистское рабство, многие жители орловской Пятницкой слободы после ознакомления с приказом военного коменданта Адольфа Гамана стали прятаться в пещерах, которые в незапамятные времена образовались в каменоломнях, расположенных у реки Оки под её обрывистым правым берегом. Узнав об этом, фашисты закидали пещеры гранатами, а входы в них подорвали, устроив искусственные завалы. Однако часть спрятавшихся смогла спастись и дожидаться прихода освободительной Красной армии.

В Глазуновском районе, согласно акту, подготовленному после освобождения территории районной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в марте 1943 года по приказу оккупационных властей солдаты вермахта начали насильственно угонять население района в Германию. 18 марта в 12 часов ночи немецкие солдаты заходили в дома, выводили целыми семьями, многих полураздетыми, и не давали брать с собой не только вещи, но и продукты. К вечеру было собрано около 3000 человек, их погрузили в товарные вагоны и отправили в сторону Германии [8, С. 1].

Жительница поселка Глазуновки Нина Яковлевна Борискина рассказала, что «...в Германию в 1942 году ехали в закрытых вагонах, охраняемые немецкими патрулями. В дороге кормили 2 раза в сутки супом с гнилой картошкой и 250 г хлеба. По приезде в город Нербург нас вывели в большой огороженный двор. Пришел фабрикант чернильной фабрики, отобрал нас 20 девушек и под охраной

жандармов привёл и поселил в темный барак. На работу и с работы водили под охраной жандармов. За разговор с девушками литейной фабрики меня и других наших девушек жандармы избили, после чего я заболела...» [8, Л. 2].

Во время отступления с территории Глазуновского района по распоряжению немецкого командования 24–25 июля 1943 года солдаты забирали и уводили всё еще оставшееся местное население. Житель посёлка Глазуновки тракторист Глазуновский машинно-тракторной станции Фёдор Алексеевич Петрикин 1917 года рождения вспоминал, как 25 июля немецкие солдаты вывели всех жителей и повели по направлению города Кромы. Стариков по дороге избивали, а кто не мог дальше идти, расстреливали. Угнанных загнали в лагерь, обнесённый колючей проволокой. Было их больше одной тысячи человек [8, Л. 2]. Только из трех сельсоветов этого района оккупанты угнали в немецкое рабство 922 человека [8, Л. 2 об.].

В Должанском районе, согласно докладной записке, подготовленной сотрудниками Орловского обкома коммунистической партии 3 апреля 1943 года для секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, сообщалось, как во время сбора немцы согнали жителей с. Вышнее Ольшаное в холодную церковь, где замерзло много советских граждан, в том числе двое детей [2, С. 33–37]. Только из указанного села фашисты угнали 860 человек, а всего из Должанского района было угнано 1974 человека.

Другой районной комиссией по выявлению злодеяний, учиненных немецко-фашистскими палачами над мирным населением Кромского района во время оккупации, в своем обобщающем акте, датированном 22 октября 1944 года, было установлено, что «страшнее смерти был угон в немецкое рабство, об этом говорят письма, полученные из Германии. 26-летний Букин Николай Сергеевич был угнан в Германию 17 февраля 1942 года за отказ работать на [рытье] окопов. Он пишет: «...жизнь моя очень плохая, работаю почти сутки, спать приходится мало, кормят очень плохо, дают 300 г хлеба, хожу почти разутый, обещают

дать колодки. Я думаю убежать. Выручайте...» [9, Л. 9–10]. С территории Кромского района за период оккупации было угнано в немецкое рабство 1140 человек.

Малоархангельской районной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем итоговом акте, составленном в 1944 году, было заключено, что, как и в Кромском районе, пособники фашистов подвергали отказывающихся от угона жителей арестам: «за отказ выехать в Германию арестовано 10 человек... на десять суток. После этого большинство их было отправлено в Германию» [1, Л. 7]. Всего за весь период оккупации в немецкое рабство было угнано 1406 человек [10, Л. 1].

Судьба многих оstarбайтеров, как часто называют угнанное население из-за нашивок «OST», которые они были обязаны носить в германской неволе, складывалась драматически, о чём жительница города Малоархангельска А. З. Семенова сообщила: «...6 июня 1942 года насильно угнали моего сына Виктора, 1925 года рождения, в рабство в Германию. От моего сына не было ни одной весточки, за исключением справки о его смерти в Германии от голода...» [10, Л. 2]. Как видим, оккупанты цинично сообщали родственникам на временно оккупированной территории Орловской области о смерти угнанных в неволю, то есть у них была отработана не только система учёта рабочей силы, насильственно доставленной в Германию, но и система хранения данных об их родственниках и система оповещения о смерти оstarбайтеров.

Жительница Мценска Тамара Петровна Полохина (в девичестве Казакова) 1927 года рождения вспоминает, как вышел приказ немецкого коменданта выселить всех жителей из города, а «в январе 1942 года дали время на сборы. Тех, кто не подчинялся, немцы находили и убивали. А люди прятались, как могли. Немцы после очистки квартала забрасывали погреба гранатами» [20, С. 75]. Обратим внимание на несколько моментов воспоминаний Т. П. Полохиной, прежде всего на масштаб операции по насильственному переселению –

оккупанты выселяли весь город, что соответствовало немецкой политике ликвидации советских городов, а в Мценске по переписи населения 1939 года проживало 11 480 человек.

Свидетельница дает сведения и относительно технологии проведения операции по насильственному угону населения. Вначале издавался приказ, содержание которого доводилось до населения. Но в документе или отсутствует указание о конечной точке маршрута, или сведения не вызывают доверия, и население не знает, куда его переправляют фактически. При этом населению дают незначительное время, чтобы подготовиться к угону. Естественно, что часть жителей пытается скрыться от насильственной депортации. Обращает на себя внимание жестокость оккупантов, которые убивают беглецов, а спрятавшихся в укрытиях забрасывают гранатами, что в целом соответствует политике геноцида мирного населения, проводившейся захватчиками. Наконец, свидетель не упоминает об участии в депортации полицейских из числа местного населения, то есть данная операция в январе 1942 года проводилась исключительно силами захватчиков.

Угоняемое население было разделено по гендерному признаку – женщин с детьми депортировали сразу, а мужчин вначале использовали для сооружения укреплений вокруг Мценска, который превращался в узел обороны, а лишь после окончания работ перемещали в другие местности. Т. П. Полохина сообщает, что её отец Пётр Иванович Казаков после работ под Мценском догнал семью в одной из деревень, но потом был немцами отправлен в Германию вместе с другими омчанами. Его «...отправили в трудовой лагерь. Всю войну они работали на фермеров, обрабатывали землю, жили тяжело, голодали, но выжили...» [20, С. 77]. В конце 1945 года П. И. Казаков вернулся домой.

Свидетель Т. П. Полохина сообщает дополнительные сведения о технологии проведения насильственной депортации мирного населения из Мценска: «город зачищали кварталами и людей сгоняли в одно место.

Более 2000 человек согнали в здания на улице Ленина¹. В неимоверной тесноте стояла огромная толпа народу – на ногах, без еды и питья, несколько суток в лютый мороз. Замерзшие и умершие стояли в толпе вместе с живыми, мучились семь суток. За это время умерло 20 детей. Я видела, как у одной женщины замерз на руках ребенок, несчастная, подняв доску, сунула его тельце под пол сцен². Хоронить было некогда, так как отстающих пристреливали» [20, С. 75]. Как видим, операция по депортации не отличалась стремительностью, после объявления приказа, после истечения времени, выделенного на сборы, концентрация жителей и зачистка жилого сектора всего лишь одного квартала заняли целую неделю. При этом продолжается бесчеловечное обращение с запуганными мирными жителями – их несколько дней держат на ногах в условиях крайней скученности, им не дают продовольствия и воды, не оказывают медицинской помощи, даже не дают возможности похоронить умерших от невыносимых условий.

Не менее жестоко, чем сбор угоняемого населения, проходило и его перемещение. Омчанка Т. П. Полохина рассказывает о событиях января 1942 года: «...нас, голодных, измученных, погнали в сторону Орла. Шли пешком... Немцы гнали людей, никого не щадя... В одной колонне было очень много детей, движение из-за них задерживалось. Немцы подогнали подводы, посадили самых маленьких и слабых и повезли их вперед. Колонна стала двигаться быстрее. Через несколько километров наткнулись на тела 15 детей, сброшенных в канаву. Немцы убили их, чтобы не мешали движению. Идти было страшно тяжело: снег глубокий, мороз» [20, С. 75].

Пеший маршрут из Мценска до Орла для угоняемого городского населения строился следующим образом: людей перегоняли по-

этапно – сначала определили на зимовку в д. Савенково, потом в д. Богатово, а после этого направили в Кикино [20, С. 75]. Отметим, что эти населенные пункты находятся недалеко друг от друга, примерно в 20 км от Мценска, то есть 2-тысячную колонну обессиленных людей одного из кварталов Мценска не смогли разместить в одной деревне, и конвоиры пытались их пристроить,водя по окрестным деревням по заснеженным дорогам. Как вспоминает Т. П. Полохина, «прокормить беженцев местным было не под силу. В очередной деревне нас надолго расселили» [20, С. 75].

Весной 1942 года оккупанты погнали омчан дальше в сторону Орла, но областной центр обошли стороной, провели через Кромы и остановились в селе Ломовец Троснянского (ныне Кромского) района. То есть жители Мценска отделились от родных мест почти на 100 км, зимой сделав один дневной переход в 20 км, а весной прошли пешком ещё более 80 км в южном направлении.

В Ломовце, сообщает Т. П. Полохина, «расселил нас староста по домам, где было меньше народу. Питаться прикрепили в другие дома по 1–2 человека» [20, С. 76].

Следует отметить, что, в отличие от зимы 1941–1942 гг. во Мценске, в Ломовце летом 1942 года уже действовала местная администрация в лице русского старосты. Это село стало прибежищем для перемещенных лиц не только из Мценска, поскольку омчан подсаляли в дома, где уже находились переселенцы из других временно оккупированных районов Орловской области. Наличие администрации из состава местного населения давало угнанным, хотя бы некоторый шанс на выживание. Вот как описывает Т. П. Полохина старосту села Ломовец по имени Яков: их «...всех спасло то, что староста был добрый и справедливый. В других деревнях переселенцы умирали семьями...» [20, С. 76].

Угнанное население никак не снабжалось продовольствием со стороны оккупантов, а обеспечивалось питанием исключительно за счет местных жителей, что в условиях перенаселенности, постоянных реквизиций за-

¹ Перекресток улиц Ленина и Карла Маркса в современном городе Мценске.

² То есть семья свидетеля находилась в неотапливаемом здании мценского Дома культуры.

хватчиками продовольствия приводило к голоду. О последствиях полуголодного существования рассказывает Т. П. Полохина, которая подростком пережила угон из родных мест: «Маленький Генка постоянно просил есть, он открывал ротик, показывал туда пальчиком и просил: «Ам, ам, ам». Стал он опухать. Малыш умер» [20, С. 76]. Напомним, что из Мценска угонялось всё население в зимних условиях, во время трескучих морозов 1941 года, затем следовало полуголодное существование в местах временного расселения – всё это приводило к ослаблению первоначально здоровых депортируемых и массовой гибели наиболее уязвимой части жителей – младенцев и стариков.

Помимо проблем с недостатком продовольствия, отсутствием медицинского обслуживания, то есть базовых потребностей для жизни, перед угнанным населением стояла также менее значимая, но вполне важная проблема с отсутствием одежды и обуви. Юная в то время жертва оккупационного режима Т. П. Полохина вспоминает, что «все обносились, оборвались. Одевались единственным доступным тогда способом: раздевали убитых немцев¹, стирали эти вещи и перешивали» [20, С. 77].

Однако, решая созданные оккупационным режимом нацистов тяжелейшие бытовые проблемы, от которых нередко зависела сама жизнь, часть беженцев находила возможность помогать партизанам и советским разведчикам. Т. П. Полохина рассказывает, как это происходило в селе Ломовец Кромского района в период оккупации при участии её юного брата Валентина Петровича Казакова: «Дети ходили в лес за дарами природы. Часто под-

ходили «дяденьки», спрашивали, есть ли в деревне немцы. Это были партизаны. Наш Валька всюду ездил со старостой по делам: отвозил продукты в жандармерию, видел и знал больше других, был связным или разведчиком у наших. По ночам вползают к нам разведчики в масках: «...как тут дела, Рыжик?» Он им обстоятельно всё расскажет, где и что у немцев» [20, С. 76]. Летом 1943 года 14-летний В. П. Казаков был смертельно ранен немецким снайпером. Советские разведчики, с которыми Валентин был связан, уничтожили немца прямо на месте его засады на дереве и попытались спасти своего информатора, но юный герой позднее умер в госпитале.

Орловская районная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своем заключительном акте от 28 декабря 1944 года сообщала, что немецко-фашистским командованием с территории района были насильственно угнаны на каторжные работы 1034 советских гражданина [12, Л. 15]. Тех, кто сопротивлялся насильственному угону, ждала следующая участь: «Сорокин Василий Иванович и Шельменков Максим Ильич, проживавшие в колхозе «РККА» Сабуровского сельсовета, были расстреляны, за отказ отступить с немцами...» [12, Л. 15]. Как видим из этого документально подтвержденного факта, в Орловском районе дело обстояло так же, как и в других частях Орловской области, то есть угон населения проводился насильственно, под угрозой смерти, и фашисты легко применяли оружие против мирного населения не только для устрашения, но и для убийства.

Об условиях работы в Германии рассказывает после возвращения на Родину в 1945 году житель Орловского района С. Ф. Барков: «...жили мы в лагерях, огороженных колючей проволокой в несколько рядов, в каждой комнате находилось 40–60 чел. – мужчины, женщины, дети – все вместе, работали по 10–12 часов, кормили нас один раз в день: 1,5 литра супа из бруквы и 100–150 граммов хлеба. Часто нас избивали палками» [5, Л. 23]. Другой житель Орловского

¹ Вероятно, речь идет о периоде после освобождения Кромского района от захватчиков и до возвращения свидетельницы во Мценск, т. е. о лете 1943 года. В период оккупации работали немецкие похоронные команды, за раздевание убитых немцев могло последовать суровое наказание, а сразу после освобождения советские войска хоронили своих погибших, но санитарная очистка территории от вражеских трупов оставалась на долю местных властей, у которых было множество других задач, и поэтому какое-то время трупы немецких солдат оставались неубранными, чем и пользовалось население.

района – В. Н. Сазонов – рассказывает о подобных условиях работы в неволе: «Нас пригнали в Германию и заставили одних работать на военном заводе, а других в шахтах. Имя своего не имели, носили номера» [5, Л. 23]. Из этих показаний видно, что угнанное население на месте насильственной депортации обезличивалось через присваивание лагерных номеров. Проживали свидетели в бараках трудовых лагерей, обнесённых колючей проволокой порой в несколько рядов, то есть были лишены свободы передвижения. Непосильный труд, бесчеловечное обращение с остарбайтерами немецкого персонала и недостаточное питание создавали условия для высокой смертности среди угнанного населения Орловской области, что является одним из признаков геноцида.

Хотынецкая районная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в своём акте от 15 декабря 1944 года зафиксировала, что в немецкое рабство с территории района было угнано 1444 чел. [13, Л. 4]. В акте раскрыты и некоторые подробности угона населения: «...в 1943 году 9 августа гр-ка Еськова Дарья Ивановна из дер. Баздревой Пятницкого сельсовета за то, что отказалась ехать в германский тыл, была расстреляна немцами. Немецкие преступники применяли насильственные меры, под силой оружия угоняя граждан в Германию на каторжные работы. Летом 1942 года на станции Хотынец немцы собрали около 100 человек, погрузили их в вагоны и под охраной отправили в Германию...» [13, Л. 3–4].

Во время своего отступления под натиском советских войск с Орловского плацдарма гитлеровские захватчики только в июле 1943 года осуществили угон в Германию 100 269 семей местных жителей [22]. Как сообщал на X пленуме Орловского областного комитета ВКП(б) 15 января 1944 года первый секретарь обкома А. П. Матвеев, фашисты угнали на каторжные работы в Германию 250 тыс. жителей области [3, Л. 3]. По уточнённым данным из докладной записки секретаря обкома партии в ЦК ВКП(б) от 13 августа

1945 года, в которой сообщается о количестве угнанных граждан, «угнано в неметчину 99 280 человек» [5, Л. 22–25].

Согласно акту от 7 июля 1943 года комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в д. Петрово Вокзального сельсовета Залегощенского района «во время угона населения из села, в пути следования, ввиду 40-[градусного] мороза, люди замерзали насмерть. Так замерзла гр[аждан]ка Бухтеева Анастасия Филатовна, 50 лет. Кроме того, весь путь был устлан трупами крохотных детей и взрослыми гражданами, замерзшими насмерть» [18, Л. 78–78 об.]. Эти сведения практически повторяют описание картины насильственного угона населения из города Мценска, где также в суровых зимних условиях во время длительных пеших переходов гибли самые слабые – дети и старики. Они тоже оставались лежать непогребёнными на обочинах дорог – как во Мценском, так и в Залегощенском районах. Подобные факты, зафиксированные в нескольких районах, позволяют говорить о типичности условий угона, которые приводили к массовой гибели мирного населения на всех временно оккупированных территориях Орловской области. Эти преступления геноцида совершали именно военные части вермахта, который не был признан Нюрнбергским трибуналом преступной организацией, в отличие от СС.

О судьбе жителей Орловской области, угоняемых отступающими оккупантами, мы узнаем из частных писем очевидцев событий, которые проверялись и копировались органами почтовой цензуры. Так, военнотрудовой Першунов (п/п 47671) в адрес Жалобиной А. А., проживающей в городе Нижнем Тагиле, писал, что «при занятии одного села вышла из землянки старушка, она повела нас в овраг, мы там увидели множество расстрелянных крохотных детей и стариков. По неполным данным, мы насчитали 993 человека. Всех этих людей гнали изверги на каторгу, но не успели их угнать, они их расстреляли в этом овраге» [17, С. 412]. Свидетель Першунов, скорее всего, не был военным медиком,

он не мог точно определить времени смерти погибших на территории Орловской области, это могли быть жертвы, как угонявшиеся в зимнее время 1941–1942 гг., о которых говорилось выше, так и убитые во время летнего отступления фашистов в 1943 году. В любом случае это были мирные жители Орловщины, старики и дети, погибшие во время насильственной депортации от рук захватчиков, жертвы нацистского геноцида советского народа.

Горькой была участь абсолютного большинства орловцев, которые были угнаны насильственно: по большей части они находились в центральной Германии, а также в Восточной Пруссии и Померании, являлись в полном смысле слова рабами немецких помещиков и фабрикантов, подвергались жестокой эксплуатации, голодовкам и издевательствам, работали все по 12–14–16–18 часов в сутки, получая в день 150–200–300 граммов хлеба-суррогата и по одному литру бульона из буряков, картошки и различных отбросов. За работу платили 15–25 марок в месяц, а многие работали бесплатно. Из обуви получали деревянные колодки, одежды совсем не получали, жили в лагерях, в грязных, сырых бараках, на скотных дворах, на работу многие выходили под конвоем [5, Л. 23].

Свидетельствуют жители Болховского района, подвергшиеся насильственному угону в Германию в 1942 году. К. Н. Козин, 60 лет, из колхоза «Сила Октября» в д. Рогозинке Заикинского сельсовета [19, С. 289]: «Погрузили в эшелон и направили в Германию (район Берлина). Поселили в лагерях за проволочную изгородь. Работали под охраной. На питание выдавали по 300 граммов хлеба и по литру супа из брюквы или моркови без всяких жиров. С марта 1945 года норму хлеба сократили до 200 граммов» [5, Л. 23].

Т. Е. Новикова из того же Болховского района Орловской области говорит, что она «находилась в лагере вместе с военнопленными в 18 километрах от Берлина, работала на авиационном заводе чернорабочей. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда

высотой 4 метра. Работали под надзором жандармов, которые часто избивали резиновой плетью, особенно русских. Питание состояло из 2 килограммов хлеба в неделю и 1 литра брюквенного супа в день, одежды и обуви не давали. Все русские носили на руках белые повязки с надписью «ОСТ». Вследствие невыносимых условий жизни многие пытались бежать, но их ловили и расстреливали» [5, Л. 23–24]. Из показаний Новиковой ясно, что она находилась в интернациональном лагере, где к русским относились хуже, чем к заключенным других национальностей, что характеризует именно геноцид национальной группы. Остальные детали лагерной жизни орловчанки в германской неволе совпадают с показаниями других свидетелей, что может служить подтверждением предположения о том, что для содержания насильственно угнанных мирных жителей Советского Союза по всей территории Германии были созданы унифицированные условия проживания, питания, труда, содержания и снабжения.

Похожую картину описывает и жительница Малоархангельска Ю.И. Агаркова после возвращения на Родину в августе 1945 года: «...в Германию мы ехали товарными вагонами под охраной. По пути питание было плохое, давала 1 раз пол-литра горячего, которое составляло воду, смешанную с мукой, хлеба получила 250 г. В пути мы находились 12 суток. По прибытии на распределительный пункт над нами устроили торги. Я попала на одну из фабрик Bosch. Питание было плохое. Получала горячее 2 раза в день: брюква, хлеб 250 г в день, 50 г маргарина, 15 г сахара. Заработная плата была 2 марки в месяц. Поработав на этой фабрике 2 месяца, я решила убежать с этой фабрики. За этот побег я сидела в штрафлагере 56 дней, где подвергалась избиениям резиновой палкой...» [15, 16].

Сравним заработную плату Ю.И. Агарковой в фашистской неволе с оплатой немецких рабочих в этот же период. Ей начислялось 15,4 рейхсмарки за неделю, но при этом в обязательном порядке ежедневно вычитали 1,5 рейхсмарки за жилье и питание, какими бы скромными они ни были, то есть

реально еженедельная оплата составляла 4,9, а ежемесячная – 19,6 рейхсмарки. В 1942 г. среднему немецкому рабочему платили по 21,3–22,4 марки в неделю, если пересчитать на месяц, то получается 88 марок. Разница между оплатой труда оstarбайтера и немца составляет более 400 %. Правда, разные угнанные жители Орловской области, работавшие в разных местах Германии, одинаково называют сумму оплаты – не официальные почти 5 рейхсмарок, а только 2, что позволяет заключить, что их немецкие работодатели повсеместно нашли способ более чем вдвое снизить и так грабительскую плату за труд. Это предположение подтверждает и отчет Центрального управления по делам народов Востока, поданный 30 сентября 1942 года, в котором говорится, что питание оstarбайтеров в промышленности плохое, недостаточное, от этого работоспособность их очень низкая, а заболеваемость высокая, растет и смертность; заработная плата в промышленном секторе в среднем составляет всего 2–3 рейхсмарки в неделю, а вовсе не 5 по принятым нормативам, занятым же в сельском хозяйстве помещики платят ещё меньше или вовсе не оплачивают их труд.

При таких подсчетах следует учитывать, что различия в положении рабочих лежали гораздо глубже. Дело в том, что в Германии давно действовала карточная система снабжения, и немецкие рабочие, получавшие карточки на себя и свои семьи, тратили свои марки на продовольствие и прочие необходимые для жизни товары. А для оstarбайтеров карточек для покупок в магазинах не было, оставался лишь черный рынок с его баснословными ценами, где, например, килограмм муки стоил 300 марок (то есть оstarбайтеру нужно было копить такую сумму три с половиной месяца). Но и здесь перед оstarбайтерами было существенное препятствие, ведь угнанные россияне были лишены свободы передвижения, они жили под охраной в трудовых лагерях за колючей проволокой или под контролем немецких фермеров, которые неохотно выпускали работников из своих поместий. То есть потратить даже свои крайне

небольшие суммы оstarбайтеры не имели возможности.

Практичный немецкий ум придумал схему для изъятия и этих фактически бесполезных для самих владельцев-оstarбайтеров, но желанных для рейхсминистерства экономики Германии рейхсмарок. Отметим, что вывоз валюты за пределы рейха, в том числе на оккупированные территории, был запрещен. Оstarбайтерам говорили, что после окончания войны, а фашисты твердо верили (до 1943 года) в свою победу, их всех отпустят по домам. И уедут они не с пустыми руками, нужно будет только конвертировать свои накопленные рейхсмарки в марки сберегательные. То есть нужно покупать эти «шпармаки оstarбайтеров», они были похожи на почтовые марки, только имели соответствующие надписи, наклеивать их на специальные карточки, карточки отдавать в банк, а после возвращения домой отделение немецкого банка в соответствующем регионе выдаст суммы, накопленные на карточках, в местных валютах. Дело в том, что оккупанты проводили разнообразную финансовую политику на захваченных территориях. Например, на Украине они ввели свои оккупационные карбованцы, а на захваченных территориях Российской Федерации оставили советские рубли, правда, ввели принудительный курс – 10 к одному, в то время как реальное соотношение рубля и марки было 2:1. Расчёт немецких экономистов был на то, что полновесные, хотя и постоянно обесценивающиеся рейхсмарки оstarбайтеры отдадут за бумажки в виде марок с совершенно неопределенным будущим. Их расчёты полностью оправдались: власти фашистской Германии вернули в финансовый оборот деньги, накапливаемые миллионами угнанных оstarбайтеров, а сберегательные марки к 1944 году превратились, как и следовало ожидать, в обыкновенные бумажки, не имеющие никакой стоимости, поскольку не осталось оккупированных территорий Советского Союза, который начал добивать фашистского зверя в его собственном логове. То есть труд угнанных, в том числе с временно оккупированной части Орловской области, окончательно стал бес-

платным для немцев. То есть по внешней форме фашисты в отношении оstarбайтеров в некоторой мере поддерживали элементы капиталистических отношений, как бы оплачивая их труд в денежном эквиваленте. Однако широкое применение насилия в отношении насильственно угнанного населения, отсутствие для них прав и свобод, присущих капиталистическому обществу, характеризуют эти отношения близкими, скорее, не к феодальному строю, который основывался на изъятии продукта у крестьян, трудящихся в собственном хозяйстве, а к рабовладельческому, при котором раб являлся лишь «говорящим орудием» труда. Формальная оплата, которая выдавалась части оstarбайтеров, фактически насильственно, через целую сеть ограничений конвертировалась из рейхсмарок в сберегательные марки, которые в итоге полностью обесценились, сделав труд угнанного населения Советского Союза в экономике Германии совершенно бес- платным, то есть рабским.

Угнанные из Советского Союза юридически не рассматривались немецкими властями ни как полноправные граждане, работающие на благо Германии, которым нужно выдавать хотя бы продовольственные карточки, ни как просто люди, обладающие элементарными человеческими правами. Например, прокурор небольшого немецкого города Нордхаузен в округе Эрфурт, окруженного концентрационными и трудовыми лагерями подземного завода «Дора-Миттельверке», который производил тысячи ракет «ФАУ-2», в сентябре 1942 года полностью одобрил сложившуюся практику германской полиции расстреливать на месте «цвангсарбайтеров» (принудительных работников) безо всякого суда и следствия за малейшие правонарушения, например за нарушение принудительно заключенного контракта с работодателем, за мелкую кражу, за бродяжничество и т. п. «Наказание смертью» без соблюдения юридических процедур также присуще именно рабовладельческому строю, что отличает его и от феодального, и тем более от капиталистического.

Часть населения Орловской области в период временной оккупации в 1941–1943 гг.

продолжала проживать на прежних местах и не подвергалась насильственному угону, но их положение было вполне сравнимо с уча- стью угнанных. Вот что показал житель с. Архангельского Ворошиловского сельсовета Малоархангельского района Д. Я. Алпатов на допросе в качестве свидетеля 26 августа 1949 года старшему оперуполномоченному УМВД Орловской области старшему лейте- нанту Кравченко: «Во время оккупации немцами с. Архангельского Ворошиловского сельсовета я проживал дома по месту посто- янного жительства. Работал под силой ору- жия по изготовлению противотанковых рвов, окопов и т. д., для чего в нашем селе немца- ми был сформирован трудовой лагерь из числа советских мирных граждан и частично русских военнопленных» [14, С. 154]. То есть и оставшееся население насильственно при- влекалось к работам на оккупантов и нередко проживало за колючей проволокой в специ- альных лагерях, как и насильственно угнан- ные на территорию Германии.

Выжившие в германской неволе угнанные жители Орловской области после освобожде- ния в 1944–1945 гг. возвращались на Родину. Они не забыли о пережитом в фашистской Германии и создавали свои объединения. Так, 31 августа 1999 года региональным от- делением Управления Федеральной реги- страционной службы был зарегистрирован Устав некоммерческой общественной органи- зации Орловской области «Союз бывших уз- ников фашизма», руководителем которой был А. В. Ливцов¹, а председателем совета – Л. А. Орлова, учредителями также выступили бывшие узники Надежда Ивановна Кравченко и Людмила Петровна Федосова (организация была ликвидирована 30 августа 2016 года). А в Болховском районе действовала обще- ственная организация «Общество бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», зарегистрированная 4 октября 1994 года, которой руководила Н. Г. Нартова.

¹ Анатолий Викторович Ливцов (1926–2006) – отец одного из авторов данной статьи, главный конструктор Орловского завода погрузчиков.

Эта некоммерческая организация была ликвидирована 12 февраля 2007 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, временно оккупированная часть Орловской области была в сфере действий группы армий «Центр» германского военного командования Восточного фронта (значительная часть области в границах 1937–1944 гг. – с городами Орёл и Брянск) и группы армий «Юг» (меньшая часть области – южнее Ельца). В период фашистской оккупации жители из Орловской области угонялись в Германию для работы на предприятиях и в сельском хозяйстве. Только в городе Орле численность жителей сократилась за время оккупации в 2,5 раза, в первую очередь из-за насильственной депортации. Во время отступления с Орловского плацдарма фашистские захватчики в июле 1943 года угнали из родных мест в Германию 100 269 семей. Жители, оставшиеся на территории Орловщины, были обязаны работать на оккупантов под страхом смерти и нередко в специально созданных лагерях за колючей проволокой.

Угону подвергалось в первую очередь трудоспособное население, что, с одной стороны, ослабляло экономический потенциал захваченных нацистами территорий Советского Союза, а с другой стороны, должно было укреплять экономику фашистской Германии и её европейских сателлитов.

По наиболее полным данным Орловской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причинённого им ущерба мирным гражданам, которые были изложены в акте от 15 марта 1945 года, из Орловской области гитлеровцы угнали в Германию на каторжные работы 56 490 человек. Эти данные можно считать окончательно установленными.

Угнанное из Орловской области население оказалось на территории Италии, Франции, Чехословакии, Польши, Румынии, а также на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики, но большая часть депортированных орловчан попала в Герма-

нию. Их использовали как рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве. Каждый из насильственно перемещённых лиц был обязан носить на одежде специальную нашивку с надписью «OST», это означало, что работник или работница депортированы с оккупированных территорий на Востоке, то есть из Советского Союза. Тем самым обеспечивалось их визуальное отделение как от депортированных из других стран, так и от местного населения. «Остовцы» были ущемлены в правах – значительная часть их проживала в трудовых лагерях, обнесённых колючей проволокой, побег из лагеря или с места работы наказывался временным переводом в штрафные лагеря, где заключённые подвергались избиениям. Оплата их труда на предприятиях была самой минимальной и оставляла по 2 рейхсмарки в месяц, а в сельском хозяйстве оплата отсутствовала. Остарбайтеры были лишены возможности тратить полученные деньги или пересылать их на родину, их обманом заставляли обменивать деньги на специальные сберегательные марки, которые в итоге полностью обесценились, сделав труд угнанного населения совершенно бесплатным для Германии. В качестве обуви остарбайтерам обычно выдавались деревянные колодки, которые ограничивали движение, а питание обеспечивало лишь полуголодное существование. Такие условия жизни способствовали высокому уровню смертности среди «остовцев». В целом можно заключить, что характер отношений между угнанным с оккупированной территории Советского Союза населением и фашистской Германией при наличии некоторых черт, присущих капиталистическому и феодальному строю, по совокупности признаков может быть отнесен, скорее, к отношениям, характерным для рабовладельческого общества, что полностью соответствовало идеологии германского фашизма.

Понятию геноцида соответствует как сам факт насильственного перемещения населения Орловской области с мест постоянного проживания, так и созданные в период депортации и на новом месте условия жизни, приводящие к массовой смертности угнанных. Ви-

новными в этом преступлении являются военные части германского вермахта – организации, которая не была признана преступной Нюрнбергским трибуналом.

ского оккупационного режима на оккупированной территории СССР [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 22.12.2021).

Библиография /References:

1. Архив УФСБ по Орловской области. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 285.
3. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 673.
4. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 721.
5. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 757.
6. ГАОО. – Ф. П-52. – Оп. 2. – Д. 1079.
7. ГАОО. – Ф. Р-159. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 15а.
9. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 71.
10. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 86.
11. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 122.
12. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 130.
13. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 196.
14. ГАОО. – Ф. Р-691. – Оп. 1. – Д. 200.
15. ГАОО. – Ф. Р-1743. – Оп. 1. – Д. 10.
16. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-7021. – Оп. 116. – Д. 16.
17. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М.: АО «Московские учебники и картолитография», 2003. – 480 с.
18. Отделение специальных фондов Информационного центра УМВД РФ по Орловской области. – Ф. 1. – Д. 4.
19. Саран А.Ю. Историческая энциклопедия орловских деревень. 1566–2018 гг. Т. 2. – СПб., – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, «Алеф-Пресс», 2017. – 574 с.
20. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орёл – Орловское полесье: путеводитель по экскурсионному маршруту. – Орёл, 2007.
21. Сопов С.Г. Орловщина в войне. Взгляд через объектив. – Орёл: ОРЛИК, 2021. – 196 с.
22. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2021).
23. Щекотихин Е.Е. Последствия нацист-

1. Arkhiv UFSB po Orlovskoy oblasti [Archive of the FSB in the Oryol region]. F.10. Op.1. D.1. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archive of the Oryol Region] (Daleyev – GAOO). F.P-52. Op.2. D.285. (In Russ.).
3. GAOO. F.P-52. Op.2. D.673. (In Russ.).
4. GAOO. F.P-52. Op.2. D.721. (In Russ.).
5. GAOO. F.P-52. Op.2. D.757. (In Russ.).
6. GAOO. F.P-52. Op.2. D.1079. (In Russ.).
7. GAOO. F.R-159. Op.1. D.1. (In Russ.).
8. GAOO. F.R-691. Op.1. D.15a. (In Russ.).
9. GAOO. F.R-691. Op.1. D.71. (In Russ.).
10. GAOO. F.R-691. Op.1. D.86. (In Russ.).
11. GAOO. F.R-691. Op.1. D.122. (In Russ.).
12. GAOO. F.R-691. Op.1. D.130. (In Russ.).
13. GAOO. F.R-691. Op.1. D.196. (In Russ.).
14. GAOO. F.R-691. Op.1. D.200. (In Russ.).
15. GAOO. F.R-1743. Op.1. D.10. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F.R-7021. Op.116. D.16. (In Russ.).
17. «Ognennaya duga»: Kurskaya bitva glazami Lubyanki [«Arc of Fire»: Battle of Kursk through the eyes of the Lubyanka]. – М.: АО «Moskovskiye uchebniki i Kartolitografiya», 2003. – 480s. (In Russ.).
18. Otdeleniye spetsial'nykh fondov Informatsionnogo tsentra UMVD RF po Orlovskoy oblasti [Department of special funds of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Oryol region]. F.1. D.4. (In Russ.).
19. Saran A.Yu. (2017) Istoricheskaya entsiklopediya orlovskikh dereven'. 1566-2018 gg. [Historical encyclopedia of the Orel villages. 1566-2018]. T.2. – SPb., – Orol: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, «Alef-Press». – 574s. (In Russ.).
20. Ashikhmina Ye.N., Litvov V.A. Orel – Orlovskoye poles'ye: putevoditel' po ekskursionnomu marshrutu [Orel – Orel Polesye: a guide to the

excursion route] / Orol, 2007. (In Russ.).

21. Sopov S.G. Orlovshchina v voyne. Vzglyad cherez ob'yektiv [Orlovshchina in the war. A look through the lens]. – Orol: ORLIK, 2021. – 196s. (In Russ.).

22. Uголовный кодекс РФ [Criminal Code of the Russian Federation] [Elektronnyy resurs]. – URL: [http:// www.consultant.ru / document/ cons_doc_LAW_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (data obrashcheniya: 22.12.2021). (In Russ.).

23. Shchekotikhin Ye.Ye. Posledstviya natsistskogo okkupatsionnogo rezhima na okkupirovannoy territorii SSSR [Consequences of the Nazi occupation regime in the occupied territory of the USSR] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (data obrashcheniya: 22.12.2021). (In Russ.).

УДК 354.31:351/354(47)"1850/..."

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-25-33

ВЫХОДОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: alex-exit@mail.ru, AuthorID: 688639

ВУКНОДОВ А.А., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of State-legal disciplines, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (Russian Federation, Orel), e-mail: alex-exit@mail.ru, AuthorID: 688639

ФУНКЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

FUNCTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE SPHERE OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании организации управления внутренними делами Российской империи в начале второй половины XIX века. Автор, на основе анализа законодательства Российской империи данного периода и отечественной исторической науки делает выводы об изменениях в структуре министерства внутренних дел Российской империи и общей полиции. Определяются особенности полномочий и функционирования с конца правления Николая I до полицейской реформы 1862 года Александра II. Охарактеризовав данный институт и эволюцию его компетенции в рассматриваемый период сделан акцент на зависимости осуществляемых преобразований от результатов Крымской войны. Выявлена общая необходимость подготовки и осуществления крестьянской реформы в государстве. Кроме этого, в статье обращено внимание на передачу в непосредственное управление министерства территории Малой и, в последующем, Внутренней киргизских орд, расширение компетенции общей полиции, подготовку и осуществление полицейской реформы 1862 года, а также на целях созданных полицейских судов. На основе анализа сформулированы основные тенденции в государственном подходе к управлению внутренними делами в начале второй половины XIX века.

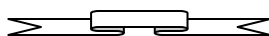
Ключевые слова: Российская империя, МВД, Статистический комитет, уездная полиция, полицейский суд.

Abstract. The purpose of the article is to study the management system of Internal Affairs of the Russian Empire at the beginning of the second half of the 19th century.

Much attention is given to an analysis of the Legislation of the Russian Empire during the specified period and the national historical science. The features of the powers and functioning of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the general police from the end of the reign of Nicholas I to the 1862 police reform of Alexander II are determined. The author emphasizes the dependence of the ongoing transformations on the results of the Crimean War. The general necessity of preparation and implementation of the peasant reform in the state is revealed. The article draws attention to the transfer to the direct management of the Ministry of the territory of the Small and the Internal Kyrgyz Hordes, the expansion of the competence of the general police, the preparation and implementation of the 1892 police reform, as well as the objectives of the established police courts.

As a result, the author draws conclusions about changes in the structure of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the general police. The main trends in the state approach to the management of internal affairs at the beginning of the second half of the 19th century are formulated.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, Statistical Committee, district police, police court.

ВВЕДЕНИЕ

В начале второй половины XIX века министерство внутренних дел Российской империи (далее – МВД РИ) оказалось в центре событий, преобразований и потрясений, происходивших в отечественном государстве, и во многом предопределило их, став олицетворением данной эпохи, являясь одним из центральных элементов государственного управления. Период отечественной истории с начала 1850-х годов по 1862 год, находящийся на стыке правления двух императоров, включающий в себя функционирование государства в военное время, подготовку и проведение крестьянской и полицейской реформ, характеризуется, с одной стороны, сохранением назначения, основы структуры и базовых полномочий министерства, сложившихся в первой половине XIX века, с другой стороны, отражением в нём общественно-государственных преобразований, оказавших влияние на его место в сфере государственного управления Российской империи в целом. При этом важно понимать, что рассматриваемый институт к середине XIX века занимался управлением различными сферами жизнедеятельности государства, а не только обеспечением благочиния в государстве. Между тем начало второй половины столетия совпало с окончанием правления Николая I, экономическими проблемами в империи и Крымской войной, в результате чего в государственном аппарате происходила оптимизация бюджетных трат для всех элементов его механизма, в том числе и для рассматриваемого министерства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Экономия средств на обеспечение и функционирование МВД РИ в начале 1850-х годов можно проследить по содержанию именного указа от 27 января 1852 года «О упразднении некоторых должностей по министерству внутренних дел», в соответствии с которым сокращались в отдельных департаментах должности вице-директоров, младших

советников, членов общего присутствия, младших помощников, экзекуторов и смотрителей домов [6, С. 45]. Структурно внутри министерства также происходили изменения. 22 декабря 1852 года фактически вместо двух организационных единиц (временного люстрационного комитета и статистического отделения совета министерства) был образован статистический комитет [7, С. 784]. Исходя из потребности государства в переходе от несиستمного сбора региональных сведений к целенаправленной деятельности по этому направлению, роль статистического комитета, начавшего формироваться в недрах МВД РИ еще в 1834 году, в механизме государства и общественно-политической жизни трудно переоценить. Окончательно сформировавшись только к 1863 году, эти учреждения, особенно на губернском уровне, стали единственными учреждениями в России, вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция, в числе прочего заложив основы научной работы и целенаправленных краеведческих исследований [4, С. 80].

Подобные преобразования осуществлялись и в последующие годы, в особенности с началом Крымской войны – произошло дальнейшее сокращение численности центрального аппарата МВД РИ. С 1 января 1854 года упразднились третье отделение департамента общих дел и одно временное отделение департамента исполнительной полиции [8, С. 482]. Примечательно, что чиновники, которые не попали в новые штаты, продолжали в течение шести месяцев получать жалованье по последнему месту службы. Сокращенному чиновнику отводилось до полугода оплачиваемого поиска нового места трудоустройства. После получения нового назначения выплаты прекращались. Всё это свидетельствует как о наличии механизма защиты трудовых прав уволенных чиновников министерства в рассматриваемый период, так и о намерении государства в дальнейшем трудоустройстве «старых» кадров на новых направлениях государственной службы.

Также 11 марта 1854 года император, расширив полномочия министра внутренних

дел Российской империи по перераспределению дел между отделениями хозяйственного департамента, акцентировал внимание на недопустимости расширения штатов и «по возможности» их сокращения [9, С. 246]. В 1854 году были сокращены должности архитектора при медицинском департаменте, четырёх чиновников особых поручений, состоящих при хозяйственном департаменте, вице-директора департамента общих дел.

При этом ещё 28 января 1852 года Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О сокращении делопроизводства и переписки по гражданскому управлению», утверждая проекты изменений в существующие правила по данному вопросу, регламентируя вопросы ремонта, постройки и покупки подведомственных приказам общественного призрения зданий, находящихся в структуре МВД РИ, закрепляло императив о недопустимости министру внутренних дел разрешать издержки, превышающие доходы над расходами [10, С. 63].

В данном аспекте хотелось бы отметить, что в соответствии с Положением об устройстве в городах полицейских команд от 23 июня 1853 года непосредственное финансирование полицейских команд продолжалось осуществляться непосредственно из городских доходов [11, С. 313], что, с одной стороны, в реалиях режима государственной экономики избавляло государственный бюджет от централизованной весомой статьи расходов, а с другой стороны, вполне очевидно ставило материальную обеспеченность и, как следствие, эффективность деятельности данных подразделений в зависимость от экономического развития города, в котором они функционировали.

Окончание Крымской войны и определение дальнейшего послевоенного государственного внутреннего строительства Российской империи, заключающегося прежде всего в необходимости решения крестьянского вопроса, а также определения роли и места МВД РИ в нём, пришлось на первые годы правления Александра II. Разделяя мнение о преимущественно пораженческих итогах вой-

ны, необходимо понимать их прямое влияние на внутреннюю жизнь государства, в том числе активизировав в начале второй половины XIX века с новой силой противоречия между крестьянами и помещиками, нередко перераставшими в волнения. В этой связи следует согласиться с мнением Н. А. Аллилуевой о том, что, несмотря на неутешительные результаты войны, Российская империя получила толчок к проведению реформ как во внешней, так и во внутренней политике различных сфер государства [1, С. 5].

Вместе с тем преобразования исследуемого министерства в первые годы правления Александра II преимущественно не касались напрямую только вопросов обеспечения и поддержания благочиния в государстве, а, напротив, осуществлялись в различных сферах государственной и общественной жизни, возлагая большую ответственность на министерство за достижение поставленных перед ним задач.

Например, результатом героической обороны Севастополя в ходе Крымской войны стала объявленная 15 мая 1855 года повсеместная «подписка в пользу семей храбрых морских воинов, потерявших при защите свои дома и имущество» [12, С. 335]. Несомненно, данным шагом государство не отказывалось от своих обязательств по помощи военным в предусмотренных бюджетными ассигнованиями размерах, а, напротив, расширяло объем помощи, привлекая средства из иного источника – «добровольной подписки». В этом аспекте возможности МВД РИ по открытию и ведению таких счетов представляли собой инструмент взаимодействия общества, армии и государства, посредством исполнения министерством адресованной ему задачи. Кроме этого, 31 мая 1855 года Комитет министров закрепил перевод пятипроцентного сбора со всех разрешенных правительством лотерей в ведение хозяйственного департамента МВД РИ.

Постепенный отход от политики сокращения штатов и организационных единиц в министерстве наметился в 1856 году, хотя официально ухода от экономии государственных

средств объявлено не было, напротив, в законодательстве периода присутствуют отсылки к продолжению данной политики. Например, определенным пересмотром важности предотвращения и противодействия преступлениям против православия следует признать восстановление 7 февраля 1856 года третьего отделения департамента общих дел РИ, в чью компетенцию и входило рассмотрение дел данной категории [13, С. 75], что привело к увеличению чиновников в министерстве и ассигнований на его содержание. При этом важно отметить, что это было практически одно из первых преобразований в структуре МВД РИ в рассматриваемый период, которое осуществлялось не с целью сокращения штатов и финансирования, а с позиции усиления реализации одного из направлений деятельности министерства. Таким образом, потребность в необходимости более эффективного осуществления функции взяло верх над стремлением к тотальной государственной экономии. В этом же году расширение штата было и в медицинском департаменте за счет добавления двух чиновников (химика и специалиста в естественных науках и микроскопии).

С логикой незначительного расширения штата центрального аппарата соотносится и создание 2 марта 1856 года в министерстве временной контрольной комиссии. Однако цель ее деятельности, заключающейся в фактическом пересмотре финансовых отчетов хозяйственной и исполнительной полиции с 1837 по 1852 год, свидетельствует об аудите их деятельности и подготовке к будущему началу реформирования всей структуры органов внутренних дел. Комиссия просуществовала до 1 января 1862 года. В рассмотренном выше аспекте происходило преобразование в 1857 году статистического комитета в центральный статистический комитет, включивший в себя и земский отдел.

Вопросы миграции и пересечения границы Российской империи, традиционно находившиеся в поле зрения политической (высшей) полиции, отделенной от МВД РИ 3 июля 1826 года созданием III отделения Собствен-

ной Его Императорского величества канцелярии (далее – III отделение СЕИВК), в определенном объеме оставались в министерстве даже после данного разделения. Так, в соответствии со ст. 7 Высочайше утвержденной инструкции местным начальствам для руководства при выдаче русским подданным заграничных паспортов было предписано, чтобы ежемесячно вся информация о выданных в соответствии с ней паспортах направлялась как в III отделение СЕИВК, так и в министерство [14, С. 370].

Расширением полномочий МВД РИ в рассматриваемый период следует считать решение Комитета министров от 9 апреля 1857 года, которым фактически в империи разрешалось открывать частные лечебные заведения под надзором министерства. Вместе с тем министерство аккумулировало сведения об открытии в губерниях частных типографий, литографий.

В контексте рассмотрения функции МВД РИ в сфере государственного управления Российской империи необходимо обратить внимание на то, что министерству под полное управление передавалась часть территории империи. Так, 24 марта 1859 года министерству передавалась в управление степь зауральских киргизов («Малая киргизская орда») [15, С. 218], будущая область оренбургских киргизов, что само по себе существенно расширяет традиционное представление о функциях и полномочиях министерства внутренних дел. Следует отметить, что данная область в МВД РИ перешла из министерства иностранных дел Российской империи, которое продолжало управлять киргизами, кочующими по Сырь-Дарьинской линии, а «Внутренняя киргизская орда» будет передана под управление министерства только в 1862 году. Кроме этого, началась передача в ведомство министерства отдельных городов империи (в 1860 году – Умань, Елизаветград, Новомиргород, Вознесенск, Ольвиополь, Новогеоргиевск, в 1861 году – Чугуев).

Вместе с тем не требует дополнительного пояснения важность и значимость крестьянской реформы 1861 года, предопределившей

во многом дальнейший ход истории всего государства. Более того, целесообразно солидаризоваться с Т. В. Шатковской в том, что реформа фактически разделила отечественную историю как государства и стала одним из центральных моментов генезиса российского права, предопределив последующее развитие институтов частного права и обеспечения прав подданных в государстве [5, С. 56]. Несмотря на существование выделяемых в отечественной историко-правовой науке подходов, отражающих отдельные негативные последствия крестьянской реформы, в целом одним из главных ее результатов стало становление и развитие нового гражданского строя Российской империи и, как следствие, возникшая необходимость перестройки функционирования всего государственного механизма с учётом новых реалий, в том числе в вопросе обеспечения благочиния и прав всех формально равных слоев общества, в их числе обеспечения субъективных прав свободных крестьян – сельских обывателей. В то же время справедливости ради важно подчеркнуть, что в практической реализации крестьянская реформа 1861 года не сняла с крестьян полностью все сословные ограничения.

В этой связи следует отметить, что МВД Ри не являлось обычным элементом государства, продолжавшим реализовывать свои полномочия в рассматриваемый период, а, напротив, по воле императора приняло активное участие в подготовке и осуществлении реформ. При этом следует отметить широкую компетенцию министерства по данному вопросу. В МВД Ри с 1859 года составлялись своды отзывов, полученных от начальников губерний по устройству уездных учреждений, для последующего их внесения в Главный комитет по крестьянскому делу, который полностью занимался подготовкой к «отмене крепостного права».

Важно понимать, что формируемая новая система местных отношений в государстве, которая должна была стать одним из результатов крестьянской реформы, фактически ликвидирующая вотчинную полицию, отобрав

у помещиков полицейские права, ставила перед министерством необходимость перестройки существовавшего ранее механизма обеспечения городского и земского благочиния, в том числе с целью более эффективной реакции полицейских учреждений на будущие крестьянские волнения, потенциально возможные в процессе осуществления отмены крепостного права. В этой связи МВД Ри, помимо возложенных на него непосредственных полномочий и задач по подготовке к крестьянской реформе, проводило подготовительную работу внутри министерства по данному направлению с помощью организации и обеспечения создания проектов образования новых уездных полицейских управлений (далее – УПУ), которые коренным образом должны были изменить сложившуюся систему полицейских учреждений и в особенности сельской полиции, основным недостатком которой являлось несоответствие количества должностных лиц возложенным на них задачам.

16 мая 1858 года именным указом Александра II «О главных началах устройства...» император подтверждал, что при изменении отношений между помещиками и крестьянами должна измениться и земская полиция, а именно в части соблюдения будущих обязанностей как крестьянами, так и помещиками [16, С. 20]. С этой целью он определил главные начала будущего устройства уездного управления и учреждения по рассмотрению споров и «недоумений» между помещиками и крестьянами, на основании которых в последующем должны были быть подготовлены конкретные законопроекты. Фактически император в этом указе охарактеризовал основные контуры будущей полицейской реформы 1862 года, предопределив объединение Земского суда и Городничего правления в УПУ с назначаемым в противовес выбираемому ранее капитану-исправнику земским начальником вкупе с введением в уездах должностей становых исправников, сохранением частных приставов и квартальных надзирателей в городах, как результат, заключающийся в объединении в единую правоохранительную систему городской и

уездной полиции.

В течение 1858 года министерство собрало с начальников губерний предложения по будущему устройству данных учреждений, после чего, аккумулировав их, направило императору для дальнейшего рассмотрения. По результатам рассмотрения 27 марта 1859 года император создал при МВД Ри особую комиссию для составления проекта «узаконения» УПУ.

Наряду с созданием единой уездной полицейской системы не менее важным вопросом стоял круг полномочий полиции и её основное назначение. С этой целью на основе именного указа от 8 июня 1860 года от полиции было отделено производство следствия по преступлениям и проступкам, которые подлежали рассмотрению в суде [17, С. 710], и передано учрежденным судебным следователям, подведомственным министерству юстиции.

Таким образом, серьезная подготовительная работа велась не только к осуществлению самой крестьянской реформы, но и к трансформации полицейских учреждений к новым общественным реальностям.

Тесное взаимодействие МВД Ри с Главным комитетом по устройству сельского состояния, который после «отмены крепостного права» пришёл на смену Главному комитету по крестьянскому делу, свидетельствует о значительной роли министерства уже в реализации крестьянской реформы 1861 года. Так, 14 июня 1861 года было установлено, что МВД Ри следит за деятельностью губернских присутствий в части недопущения ими «неправильной работы» по крестьянскому вопросу, а именно превышения власти и «отступления от законов», в результате чего принимает необходимые меры в рамках своей компетенции или обращается в Главный комитет по устройству сельского состояния [18, С. 856]. Внутри министерства, в связи с очевидной возросшей функциональной значимостью, земский отдел центрального статистического комитета расширил штат и стал самостоятельным отделом МВД Ри.

После провозглашенной отмены крепост-

ного права не менее остро становился вопрос о дальнейшем трудоустройстве крестьян, в результате чего была подготовлена законодательная база о регулировании их найма на казенные, государственные или общественные работы. Важно понимать, что государство видело в этом, прежде всего, возможность активизировать, а в некоторых случаях и «запустить» отдельные сектора промышленности Российской империи, что подразумевало массовый наём рабочей силы. Однако одновременное присутствие на рабочем месте значительного количества рабочих в перспективе создавало дополнительные проблемы с обеспечением общественного порядка. С целью решения данной проблемы с 31 марта 1861 года на «работах» с численностью более 1000 рабочих законодательно разрешалось открывать особые полицейские управления, финансируемые за счет работодателя. Стоит отметить, что это не являлось императивом.

Непосредственно перед реформированием полиции произошло расширение её компетенции. С июля 1861 года полиция, городская и уездная, стала обязана задерживать нарушителей акцизов на табак, следить за соблюдением правил по питейному сбору «заводчиками» и продавцами алкоголя, а в некоторых случаях восполняла функции торговой полиции (при её отсутствии на местах) по контролю патентов на указанный вид деятельности. Учитывая, что в этом же году в компетенцию общей полиции стал входить надзор за трактирными заведениями, постоянными дворами и корчмами, следует сделать вывод о том, что фактически общая полиция посредством своих полномочий контролировала процесс (производство – реализация – потребление) винокурения в государстве.

Отдельно хотелось бы отметить создание в 1861 году в Западном крае империи (прежде всего в Польше) полицейских судов, являвшихся судами первой инстанции по делам о деяниях, направленных против существующего правительственного порядка управления [19, С. 221], рассматриваемым в ускоренном (трёхдневном), по сравнению с обычными судами, порядке. Таким образом, полицейские

суды способствовали охранительной функции государства, в том числе реализуя правосудие над участниками акций протеста, угрожавших политическому режиму Российской империи [2, С. 306].

Решение в данных судах принимали не полицейские чины, но вся доказательная база строилась исключительно на сведениях, полученных из полиции. Следует отметить, что взыскиваемые суммы в данных судах с 1862 года направлялись на устройство и содержание сельских и приходских школ, в которые, видя их в качестве противника своих политических устремлений, национальные политические элиты юго-западных окраин Российской империи не вкладывали необходимые для надлежащего их функционирования средства.

Окончание полицейской реформы связано с принятием 25 декабря 1862 года «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» [20, С. 588], закрепивших создание УПУ, которые управляли как городской, так и земской полицией. Как уже было отмечено выше, помимо фактического объединения общей полиции, в числе отличительных черт новой системы были назначаемость руководителя (уездного исправника) УПУ и образование в сельской местности института становых приставов. В некоторых городах и местечках сохранилась отдельная городская полиция в форме городского полицейского управления. Примечательно, что в обосновании данного императорского указа содержится отсылка к тому, что полиция в новых реалиях должна занимать одно из первых мест в государственном управлении. В то же время, несмотря на структурную реформу уездной полиции 1862 года, следует согласиться с Ю. Н. Москвитиным в том, что, несмотря на значительные структурные преобразования в общей полиции, низовой уровень городской полиции не претерпел серьезных изменений, а продолжал комплектоваться исходя из закона 1853 года [3, С. 146]. Вместе с тем созданная в результате реформы 1862 года новая полицейская система стави-

ла перед МВД РИ новый вызов по поиску баланса и оптимального решения в осуществлении руководства органами внутренних дел в центре и на местах, обеспечения благочиния в целом, который в условиях неготовности значительной части общества к реформам Александра II и, как следствие, ухудшения общего состояния общественного и государственного порядка становился определяющим в вопросе дальнейшего реформирования МВД РИ в 60–80-е годы XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализируя рассматриваемые выше изменения в структуре, компетенции, правовой основе функционирования МВД РИ и общей полиции в начале второй половины XIX века, следует выделить ряд тенденций в государственном подходе к управлению внутренними делами, опосредованных результатами Крымской войны и, как следствие, необходимостью осуществления крестьянской реформы:

- сохранение назначения, общей структуры, основных полномочий министерства, закрепленных в первой половине XIX века, в том числе в вопросах организации медицинской, хозяйственной и исполнительной полиции, отделении от высшей (политической) полиции, за исключением миграционного учёта и пребывания министра и шефа жандармов в качестве членов отдельных государственных комитетов;
- экономия бюджетных средств и сокращение штатов центрального аппарата в первой половине 1850-х годов;
- расширение компетенции общей полиции в сфере питейного и акцизного (табачного) сборов;
- передача в непосредственное управление МВД РИ территории государства («Малой» и в последующем «Внутренней киргизской орды»);
- определение одной из центральных ролей министерства в подготовке, осуществлении и реализации крестьянской реформы 1861 года, выразившейся в изменении право-

вых отношений и состояний между помещиками и крестьянами;

- создание системы единой уездной полиции, состоящей в большинстве мест и в местечках Российской империи из городской и земской полиции, занимающей принципиально новое место в государственном управлении Российской империей, и практические результаты либеральных реформ Александра II предопределили дальнейшее реформирование МВД РИ в 60–80-е г. XIX столетия.

Библиография/ References:

1. Аллилуева Н.А. Итоги и последствия для Российской империи по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные науки на службе развития сельского хозяйства и АПК. – 2021. – С. 3–7.

2. Лишай Д.В. Политика российских властей в отношении общественных протестов на территории Минской губернии в 1861–1862 гг. // Научные труды республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки. – 2021. – № 21-1. – С. 301–308.

3. Москвитин Ю.Н. Организация полицейской команды города Бийска во второй половине XIX века // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 145–147.

4. Первушкин В.И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской учёной архивной комиссии. – 2019. – С. 76–80.

5. Шатковская Т.В. Крестьянская реформа 1861 года: принципы, правовое содержание и последствия (к юбилею великой реформы) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 4. – С. 50–58.

6. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXVII. № 25.939.

7. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXVII. № 26.877.

8. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXVIII. № 27.611.

9. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXIX. № 28.008.

10. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXVII. № 25.944.

11. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXVIII. № 27.372.

12. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXX. № 29.313.

13. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXI. № 30.141.

14. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXI. № 30.643.

15. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXIV. № 34.270.

16. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVI. № 33.156а.

17. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXV. № 35.890.

18. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVI. № 37.105.

19. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVI. № 37.327.

20. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVII. № 39.087.

1. Alliluyeva N.A. (2021) Itogi i posledstviya dlya Rossiyskoy imperii po okonchaniyu Krymskoy voyny 1853-1856 gg. [Results and consequences for the Russian Empire at the end of the Crimean War of 1853-1856] // humanitarnyye nauki na sluzhbe razvitiya sel'skogo khozyaystva i APK. – S.3–7. (In Russ.)

2. Lishay D.V. (2021) Politika rossiyskikh

vlastey v otnoshenii obshchestvennykh protestov na territorii minskoy gubernii v 1861-1862 gg. [The policy of the Russian authorities regarding public protests on the territory of the Minsk province in 1861-1862] // Nauchnyye trudy respublikanskogo instituta vysshey shkoly. istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki. – № 21-1. – S. 301–308. (In Russ.)

3. Moskvitin Yu.N. (2019) Organizatsiya politseyskoy komandy goroda Biyska vo vtoroy polovine XIX veka [Organization of the police team of the city of Biysk in the second half of the 19th century] // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – №2. – S.145–147. (In Russ.)

4. Pervushkin V.I. (2019) Rol' gubernskikh statisticheskikh komitetov v formirovanii nauchnykh znaniy v rossiyskoy provintsii [The role of provincial statistical committees in the formation of scientific knowledge in the Russian provinces] // Aktual'nyye problemy istochnikovedeniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 110-letiyu Vitebskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – S.76–80. (In Russ.)

5. Shatkovskaya T.V. (2020) Krest'yanskaya reforma 1861g.: printsipy, pravovoye soderzhanie i posledstviya (k yubileyu velikoy reformy) [The Peasant Reform of 1861: Principles, Legal Content and Consequences (on the Anniversary of the Great Reform)] // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. – № 4. – S.50–58. (In Russ.)

6. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. T.XXVII. № 25.939. (In Russ.)

7. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXVII. № 26.877. (In Russ.)

8. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXVIII. № 27.611. (In Russ.)

9. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXIX. № 28.008. (In Russ.)

10. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXVII. № 25.944.

(In Russ.)

11. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXVIII. № 27.372. (In Russ.)

12. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXX. № 29.313. (In Russ.)

13. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXI. № 30.141. (In Russ.)

14. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXI. № 30.643. (In Russ.)

15. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXIV. № 34.270. (In Russ.)

16. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVI. № 33.156a. (In Russ.)

17. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXV. № 35.890. (In Russ.)

18. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVI. № 37.105. (In Russ.)

19. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVI. № 37.327. (In Russ.)

20. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVII. № 39.087. (In Russ.)

УДК 37.014.25:[323-053.6](470)

DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-2-34-46

ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и информационных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

МАТВЕЕВА Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: evgmatveeva@bk.ru, AuthorID: 661705

ELISEEV A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Information Technology, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

MATVEEVA E.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa (Russian Federation, Oryol), e-mail: evgmatveeva@bk.ru, AuthorID: 661705

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL TRADITIONS IN THE FORMATION OF MODERN YOUTH POLICY IN RUSSIA

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе зарубежного опыта в реализации молодёжной политики России. Молодёжь является важной составляющей современного общества, носителем интеллектуального потенциала, определяющим фактором социально-экономического прогресса. Система государственного управления претерпевает реформационные изменения, обусловленные гуманизацией, демократизацией публичных отношений. Новые явления и процессы общественного развития актуализируют проблему надлежащего научного обеспечения деятельности государства по поддержке молодежи в Российской Федерации. Несмотря на прилагаемые со стороны государства усилия, наблюдается ряд объективных и субъективных проблем, тормозящих эффективность молодёжной политики в Российской Федерации. На практике молодёжная политика носит неустойчивый и неопределённый характер, не соответствует общественному запросу, отвечающему современным реалиям.

Ключевые слова: Россия, зарубежный опыт, международные стандарты, молодёжная политика, воспитание молодёжи.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the foreign experience in the implementation of youth policy in Russia

The author draws attention to the fact that youth is an important component of modern society, a carrier of intellectual potential, a determining factor in socio-economic progress. It is stressed that the public administration system is undergoing reformational changes due to the humanization and democratization of public relations. Much attention is given to the new phenomena and processes of social development that actualize the problem of proper scientific support for the activities of the state to support youth in the Russian Federation.

As a result, the authors draw conclusions that despite the efforts made by the state, there are a number of objective and subjective problems that hinder the effectiveness of youth policy in the Russian Federation. In practice, youth policy is unstable and uncertain, and does not meet the public demand that meets modern realities.

Keywords: Russia, foreign experience, international standards, youth policy, education of young people.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё отчетливее вырисовывается необходимость разработки и внедрения новых механизмов, направленных на решение данной проблемы, позволяющих охватить большое число молодёжи. Поиск эффективных технологий реализации политики по воспитанию молодёжи на всех уровнях по-прежнему остается актуальной научной проблемой. Основным критерием эффективности данных технологий является критерий числа вовлеченной молодёжи в социально активную деятельность и снижение уровня девиантности. Молодёжь попадает в поле зрения органов власти и учреждений культуры тогда, когда необходимо организовывать специальные события. Проблема реализации государственной политики в области воспитания молодёжи не получила еще на современном этапе должного развития в науке, а этот образовавшийся «социокультурный вакуум» всё чаще в мегаполисах заполняется массовой экспортной культурой иностранных развитых государств, проецирующих свои ценности на молодёжь.

Требуют разработки новые подходы к проведению политики в данном направлении. Существует противоречие между необходимостью проекции целей и задач политики в сфере воспитания молодёжи в социокультурное пространство конкретного населенного пункта и отсутствием необходимых для этого механизмов и технологий.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важность понимания политики в сфере воспитания молодёжи отмечается на самом высоком уровне и представлена в государственных документах. Стержневым ориентиром рассматривается гражданское начало, важность которого отмечается в Послании Федеральному Собранию Президента России В. В. Путина. Он указывает на необходимость выработки стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме в молодёжной среде. По мнению главы Россий-

ского государства, патриотизм и гражданская ответственность являются консолидирующими основаниями внутренней политики Российской Федерации.

Место и роль молодёжи в обществе в полной мере характеризуются выполняемыми ею функциями – воспроизводственной, трансляционной и инновационной [16, С. 45]. Эти функции раскрывают значение молодёжи как ресурса формирования содержания и характера грядущего. На наш взгляд, функциональный подход к рассмотрению молодёжи должен относиться к концептуальным основам государственного управления ее социальным развитием, основная задача которого – создание необходимых условий для возможности наиболее полной реализации молодёжью этих функций в процессе жизнедеятельности [13, С. 101].

В проблематике изучения молодёжи можно выделить два следующих аспекта: определение возрастных границ и неоднородность этой социально-демографической группы. К вопросу возрастных границ существует два подхода: статистический, или демографический, и социологический. Для первого характерно четкое определение возрастных границ, для второго – подвижность возрастных границ, которые определяются достижением молодым человеком того или иного социального положения. ООН и ЮНЕСКО возраст молодых людей определяют в пределах от 17 до 25 [10, Р. 947].

Факторами, обуславливающими пределы молодёжного возраста, по мнению исследователей, являются особенности подготовки и вступления молодёжи в продуктивную жизнь. Отечественная практика исходит из социологического подхода определения возраста молодых людей. Относительно неоднородности ученые отмечают, что современный период характеризуется более весомым и ощутимым проявлением факторов дифференциации среди молодёжи, чем факторов интегрирующих [1, С. 138].

К примеру, одним из критериев неоднородности молодёжи является уровень образования, профессиональной подготовки. В

этом вопросе можно выделить два момента:

1) образование как фактор социального неравенства;

2) образование, в частности, повышение требований к его уровню, продление срока обучения как фактор, обуславливающий вхождение на рынок труда, начало профессиональной деятельности и конкурентоспособности на рынке труда.

Говоря об образовании как факторе дифференциации молодёжи, можно отметить, что оно проявляется в стратификационном, возрастном и субкультурном типах её дифференциации. Поскольку от принадлежности к той или иной социальной группе зависят возможности получения образования, соответствующему возрасту присуще получение того или иного уровня образования (общего среднего, высшего), а период получения образования можно рассматривать как образ жизни молодёжи, то есть период, в течение которого она занимается образовательной деятельностью [12, С. 7].

В то же время важной характеристикой молодёжи являются интересы, которые объединяют её в единую социально-демографическую группу и отличают от других общностей. С точки зрения интересов к таким общим интересам молодёжи относятся образование, трудоустройство, жилье и т. д.

Целью молодёжной политики выступает формирование условий и предоставление возможностей для обучения и получения опыта, позволяющих молодым людям развивать свои знания, навыки и умение быть действенными участниками демократических процессов, интегрироваться в общество, а также играть активную роль в развитии гражданского общества и рынка труда.

Молодёжная политика является отдельной сферой политики, отличающейся высоким уровнем межсекторности. Это означает, что она в большой степени направлена на интеграцию молодёжных вопросов «в одном месте» и социальный диалог, предупреждающий размывание молодёжных вопросов среди других секторов. Наиболее касающимися политики, требующими первоочередной синхро-

низации являются образование, наука, культура, социальный сектор, занятость и юстиция.

При этом молодёжная политика представляет собой сферу с собственным циклом, которая в рамках национальных стратегий разбивается на направления и приоритеты.

Международные и европейские стандарты не дают чётких рекомендаций по управлению молодёжной политикой, однако в дискуссиях говорится, прежде всего, о следующих аспектах:

1. Наличие органов, отвечающих за разработку и имплементацию политики; наличие стратегии, законодательства и четких механизмов внедрения.

2. Обоснованность молодёжной политики: разработаны индикаторы эффективности (количественные и качественные), система исследований и мониторинга.

3. Институциональная сеть и инфраструктура, обеспечивающая внедрение молодёжной политики и гибкая в реагировании на запросы молодёжи.

В России на данный момент молодёжная политика включена в компетенцию министерства образования и науки. Молодёжь признается сферой политики. Если это так, то в рамках органа должна быть структура, обеспечивающая разработку политики, включая стратегию (с определенным видением развития, направлениями, приоритетами и индикаторами эффективности), законодательство (соответствующее стратегии и обеспечивающее достижение её целей), и орган, отвечающий за внедрение [17, С. 44].

Смещение в одной структуре (директорате) отдельной сферы политики (молодёжь) и направлений других политик требует разработки четкого механизма, который обезопасил бы от «размывания» молодёжной политики и превращения её по факту в отдельное направление какой-либо политики.

В Российской Федерации сейчас нет системы мониторинга и оценки молодёжной политики, кроме количественных показателей проведенных мероприятий. Это связано со многими причинами, среди них и то, что це-

лостных социально-экономических показателей никогда не было. С другой стороны, за последние четыре года проведен ряд квалифицированных исследований, позволяющих разработать такие показатели и наработать видение эффективной и обоснованной политики. В настоящее время Минобрнауки России подготовило проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил осуществления мониторинга реализации молодежной политики в Российской Федерации и Правил подготовки доклада о положении молодежи в Российской Федерации, а также перечней обязательной информации о реализации молодежной политики, подлежащей указанному мониторингу, и обязательной информации, подлежащей включению в доклад о положении молодежи в Российской Федерации». Этот документ разработан в соответствии с пунктом 6 статьи 8 и частью 4 статьи 12 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации».

Институциональная сеть и инфраструктура являются тем фактором, который сегодня размывает представления о молодежной политике. Прежде всего это касается того, что материальная инфраструктура часто касается сферы образования и культуры, не совмещенной с содержанием молодежной политики.

Дополнительные трудности возникают вокруг вопроса независимости финансового обеспечения, механизмов и эффективности направления средств (относящихся, прежде всего, к мерам, по качеству которых нет никакой оценки).

Развивается несколько направлений, таких как молодежные центры, подготовка молодежных работников, молодежные советы и инициативы. При отсутствии эффективной оценки и видения развития оценка эффективности может спланироваться либо на количественных показателях, либо на субъективных оценках отдельных экспертов.

Успешность политики государства в молодежной сфере во многом связана с учетом особенностей работы с молодежью в различ-

ных странах современного мирового сообщества. Европейский формат проведения подобных мероприятий представлен комплексной системой органичного сочетания таких форм неформального образования, как семинары, тренинги, учебные сессии.

В зарубежных научных разработках и практической деятельности выделяется специальная сфера – «молодежная работа», под которой понимают деятельность по созданию условий для развития активности молодежи (имеющей необязательный, добровольный характер), которая направлена на становление молодой личности.

Также ценным для понимания природы молодежной работы является утверждение, что сущность такой работы заключается в построении надежных и доверительных отношений с молодежью с целью её поддержания и расширения возможностей обучения, что способствует её личностному развитию [12, С. 7].

Особенность реализации молодежной политики состоит в том, что гражданскому обществу необходимо учитывать особенности традиций в работе с молодежью, которые сложились исторически. К ним можно отнести [1, С. 14]:

- создание жизненно важных стартовых условий для социализации молодежи;
- реализацию проблем, запросов, интересов молодежи;
- координацию усилий всех заинтересованных государственных и негосударственных субъектов в развитии и самореализации молодежи;
- социальную защиту тех групп молодежи, которые не могут самостоятельно решать собственные проблемы, с целью облегчения их жизни.

Формирование ценностных ориентаций молодежи происходит в процессе социализации методом взаимодействия юного поколения с различными социально-политическими институтами. А последние, в свою очередь, являются механизмом формирования и внедрения государственной молодежной политики, охватывающей три уровня осуществления

политической власти: национальный, региональный, местный.

Реализация молодёжного участия в развитии территориальной общины требует расширения полномочий исполнительных органов, в частности, по усилению и координации межведомственного (образования, культуры, социальных служб и т. п.) и межсекторального (негосударственный сектор, бизнес и т. п.) взаимодействия [12, С. 7].

На практике такое взаимодействие часто затруднено разницей приоритетов отдельных ведомств и секторов, эффективно согласовать которое возможно только при наличии в обществе достаточной молодёжной инфраструктуры, способной поддерживать действующие и создавать новые центры молодёжной работы.

Экспертно-научная мысль отмечает целесообразность предвидения в структуре исполнительных органов общин не только отдельных работников, ответственных за работу с молодёжью, но и структурных подразделений с соответствующей штатной численностью, способных реализовывать на уровне общества молодёжную политику по таким направлениям, как развитие молодёжной инфраструктуры, ее организационное и финансовое обеспечение, включая поддержку, создание и обеспечение деятельности молодёжных центров и молодёжных работников; содействие формированию и развитию институтов гражданского общества; налаживание межотраслевого и межсекторального взаимодействия в молодёжной работе; оценка эффективности такой работы по соответствующим критериям и отчетность перед общиной; обеспечение условий для неформального молодёжного участия и молодёжного общественного контроля [9, С. 231].

Наличие достаточного объема знаний абсолютно не гарантирует желаемого поведения, в том числе и по активизации молодёжи как фактора жизненной самореализации и социальной интеграции. Изменить объем знаний можно путём формального и неформального образования, и хотя это изменение необходимо, однако оно не играет определяющего

значения в выборе типа поведения молодого человека.

Учёные выделяют следующие компоненты, обуславливающие изменение поведения личности: знание, осознание, отношение, уверенность в способности изменять свое поведение, навыки поведения. Эти компоненты нуждаются в разработке новых подходов в социально-воспитательной работе с молодёжью, становлении неформального образования в её среде и подготовке специалистов для работы с молодёжью [12, С. 8].

Без участия подрастающего поколения в общественных процессах невозможно представить продвижение как мирового сообщества в целом, так и развитие каждой страны в частности.

В настоящее время молодёжь должна получать возможность реализовывать молодёжные потребности путем формирования активной жизненной позиции, жизненной самореализации, социальной интеграции, а интересы молодёжи выступают как ограничающая часть всех социальных задач общества.

Таким образом, можно прийти к утверждению, что в процессе системной трансформации, которая происходит сегодня в РФ, на формирование мировоззрения молодого поколения значительным образом влияет уже не государственная идеология, национальная идея, а те формирующиеся в киберпространстве ценности (в основном материального характера) [7, С. 72].

Надо подчеркнуть, что в данном случае не даётся этому процессу какая-либо оценка, а лишь констатируется факт существования альтернативного механизма социализации молодого поколения, который, к сожалению, слабым образом контролируется со стороны государства и государственных институций.

В настоящее время принято выделять две основные модели молодёжной политики: неоконсервативную, или американскую, модель (пример США), когда государство в первую очередь заботится о тех категориях и группах молодёжи, которым требуются социальная помощь, и социал-демократическую модель (политика большинства европейских

стран), где государство фактически ответственно за решение важнейших проблем молодёжи.

На основе анализа опыта осуществления молодёжной политики в разных странах можно заключить, что в России целесообразно осуществить следующее:

1. Продолжать активное восстановление студенческих строительных (трудовых) отрядов с использованием опыта Беларуси, возобновить международный обмен студенческими трудовыми отрядами, поскольку он является неотъемлемой составляющей деятельности молодёжного трудового движения.

2. В дальнейшем с развитием местного самоуправления следует более детально проанализировать возможности применения основных элементов общественной модели молодёжной политики.

Молодёжная политика состоит из определенных институтов социализации, главная задача которых – интегрировать молодёжь в общественно-политическую жизнь. Однако если взглянуть на состояние системной трансформации в стране, можно констатировать их фрагментарность и отсутствие в нормативно-правовой базе четкого механизма молодёжного развития и участия в развитии страны.

Современная внешнеполитическая ситуация, в которой находится Российская Федерация, характеризуется относительной изолированностью страны. Делаются попытки экономического и политического давления: во-первых, остро стоит вопрос экономических санкций; во-вторых, страну обвиняют в аннексии Крыма, прямой агрессии по отношению к сопредельным государствам; в-третьих, из РФ создают образ врага, в мире разжигается русофобия, ненависть ко всему русскому [15, С. 33].

Отмечается целый ряд противоречий внутри страны, внешняя поддержка которых со стороны зарубежных некоммерческих организаций расшатывает стабильность внутренней обстановки. Так, например, отмечается определенный процент населения, симпатизирующий точке зрения внешних противни-

ков.

Представители либеральной оппозиции пытаются исказить сущность патриотизма и снизить степень его значимости для страны, рассматривая патриотизм как конструкцию, с помощью которой можно манипулировать сознанием.

Оппозиция в термин «патриотизм» вкладывает негативный смысл, когда речь идет о людях, поддерживающих руководство страны в защите национальных интересов. Для этих целей в информационном пространстве давно введен в практический оборот термин «трэш-патриот» [6]. Более того, важно отметить влияние глобализации, охватывающей Российскую Федерацию, поскольку данная тенденция «размывает» как общественное сознание, так и индивидуальное сознание российских граждан, элементом которого являются патриотические ценности [2, С. 34]. Важно отметить, что в Российской Федерации есть прослойка молодёжи, проникаемая западными ценностями, получившая хорошее образование за рубежом, уезжающая туда на отдых.

Усвоение подобных ценностей в будущем будет нести угрозу национальному суверенитету, если таких людей будет большинство, так как носители экспортной культуры не особо будут стремиться сохранить элемент традиционного. На современном этапе развития РФ молодёжь составляет 38 млн граждан в возрасте 14 – 30 лет (или 27 % всего населения), гражданская позиция, нравственные установки которых будут определять будущее России [7, С. 72].

В отечественной научной литературе и практике применяется несколько терминов для определения специальной деятельности, содержание которой в определенной степени коррелирует с понятием «молодёжная работа». В то же время в отечественном научном дискурсе и в практической управленческой деятельности молодёжная работа не выделяется в специальную сферу молодёжной политики, хотя в постсоветском пространстве уже делаются первые шаги по включению молодёжной работы в структуру молодёжной поли-

тики, в частности Министерством образования и науки Эстонии разработана «Стратегия молодёжи в Эстонии на 2006–2013 гг.» [12, С. 8].

Современные исследования по молодёжной проблематике ставят на повестку дня еще один аспект, играющий определяющую роль в формировании принципов «целостной» молодёжной политики. Речь идёт о существенном изменении динамики и структуры переходных этапов развития молодёжи.

Для большинства представителей поколений XX столетия так называемая жизненная траектория взросления носила линейный характер и представляла собой последовательную смену – от детства до взрослого возраста – таких этапов: получение образования; начало трудовой деятельности; образование семьи. В конце прошлого века стало понятно, что в связи со значительным изменением характера и темпов экономических, общественно-политических процессов, как на локальном, так и глобальном уровнях для большого количества современных молодых людей такая траектория стала иметь сложный, нелинейный, непредсказуемый и уязвимый характер [5, С. 76].

С одной стороны, тенденции развития современного мира дали новые возможности для молодёжи (облегченный доступ к образованию, мобильность, расширение круга общения и т. п.), а с другой – увеличилось влияние многих факторов-рисков, в частности, связанных с ранним испытанием молодёжью взрослых форм жизни, таких как работа (профессиональная деятельность), потребление товаров, употребление алкоголя, курение, сексуальные отношения и т. д. Воздействие этих факторов-рисков значительно увеличивает риск для представителей молодого поколения оказаться в сложной жизненной ситуации [14, С. 227].

Такая ситуация привела к тому, что в научной литературе, а следовательно, и на практике произошло расширение возрастных границ определения молодёжи, выделение специальных политик, направленных на поддержку молодёжи на определенных переходных этапах ее жизни. Стал применяться под-

ход «индивидуализации» работы с различными группами молодёжи (этническими, городскими и сельскими, молодёжью с ограниченными возможностями и т. п.).

Также значительно возросло внимание к изучению и применению на практике механизма так называемого повторного шанса для молодёжи, то есть деятельности, которая дает возможность коррекции нежелательных последствий жизненных выборов представителей молодого поколения [11].

Всё вышеперечисленное обусловило появление интегрированного подхода к формированию основ молодёжной политики. Эти основы принципиально отличаются от формировавшихся норм XX века, определяющих политику преимущественно как сумму действий в отдельных молодёжных отраслях (в частности, в образовании, здравоохранении, трудоустройстве и т. п.).

Молодёжная политика основывается на следующих принципах:

- принцип национальной интеграции и единства среди молодых людей; необходимость поддерживать и развивать культурную идентичность;
- поддерживать инициативность и активность молодого поколения, его участие в формировании политики; расширять права и возможности молодых людей;
- поддерживать правовую и социальную защищенность молодёжи.

Отечественные авторы, исследуя, как формируется и реализуется молодёжная политика в нашей стране, отмечают, что в её основе лежат следующие принципы [14, С. 227]:

- принцип участия, согласно которому именно молодым гражданам, их объединениям, организациям принадлежит роль субъекта создания и реализации молодёжной политики. Особое значение в соответствии с этим принципом имеют общественные и детские организации, в целом организованные структуры движения молодёжи;
- равенство и доступность. По этому принципу признается круг прав и обязанностей каждого молодого человека о необходимости

предоставлять равные возможности и поровну распределять услуги и ресурсы. Соответствующие и необходимые программы и услуги должны быть доступны молодежи.

Основные принципы в сфере государственной молодежной политики в РФ необходимо классифицировать следующим образом:

Группа общественно-политических принципов:

- законность является основополагающим принципом, согласно которому функционирует исполнительная власть, в том числе, если речь идет о государственной молодежной политике РФ. Согласно этому принципу, предполагается, что будут четко соблюдаться Конституция РФ, законодательные акты, будет создаваться режим обеспечения прав и свобод молодого человека. Форма нормативно-правовых актов является выражением госполитики, в том числе молодежной. Право должно способствовать тому, чтобы оно осуществлялось, но это будет возможно, только если будут соблюдать все его нормы;

- демократизм является принципом, которым устанавливается власть народа в управлении государством, поскольку демократичность, присущая власти и государству, побуждает к формированию соответствующей ей демократической управленческой системы. Согласно этому принципу, представители общественности принимают участие в работе исполнительных структур, последние отчитываются перед представительными институтами, общественность контролирует их деятельность, имеющиеся коллегиальные институты в структуре отдельных государственных управленческих органов;

- гуманизм означает, что человек определяется как высшая ценность. Главными задачами являются: защитить его достоинство и гражданские права; создать надлежащие условия, чтобы каждый мог свободно и всесторонне проявлять свои способности; не допустить, чтобы унижались честь и достоинство молодого гражданина, чтобы с ним жестоко обращались. Принцип гуманности воплощается во время общения и деятельности благодаря содействию, помощи, соучастию,

поддержке, уважению индивидуума.

Группа организационных принципов:

- профессиональная компетентность. Государственные служащие, на которых возложена реализация молодежной политики, должны быть глубоко осведомлены об условиях и технологиях реализации обозначенных задач. Согласно этому принципу, системно должны учиться и проходить переподготовку кадров; должна вестись аналитическая и прогностическая деятельность; необходимо глубоко и всесторонне изучить объекты молодежной политики, особенности их психологии и т. п.; фактор деловитости, организованности, предметности в отношениях с молодым поколением [4, С. 484]. Важный аспект заключается в знании положений действующей отечественной законодательной базы по социально-правовой защищенности молодых людей и умении их практического применения, в наличии профессиональных знаний, включающих в числе прочего психологию, педагогику, социологию, право и др.;

- публичность является принципом, приущим демократическому правовому государству, благодаря которому обеспечивается взаимосвязь между исполнительными органами и обществом, населением. Существует сходство с принципом гласности и учетом мнения граждан, но он шире охватывает общественные явления и предполагает: высокий уровень доступности для людей; открытое функционирование исполнительных органов, в том числе соответствующих структур, работающих с молодыми людьми; наличие общественного и других видов контроля над тем, как соблюдаются конституционно закрепленные общественные интересы, гражданские права и свободы;

- принцип единства, в котором находятся полномочия и ответственность, права и обязанности специалистов исполнительных структур в сфере государственной молодежной политики. Он предполагает, что каждый специалист каждого соответствующего структурного подразделения исполнительных органов в сфере молодежной политики будет осознавать свои задачи, функции, а также

соответствующие права в отношении самостоятельного принятия необходимых решений; каждое структурное подразделение исполнительных структур в сфере молодёжной политики в «вертикальных» отношениях должно обладать четко определенными полномочиями и ответственностью; подразделения и службы, которыми обеспечивается реализация молодёжной политики в РФ, должны иметь установленные рациональные связи и информационные потоки [3, С. 106].

Группа специальных принципов:

- благодаря принципу комплексности деятельность исполнительных структур по осуществлению государственной молодёжной политики является целостной, всесторонней, и вместе с тем этот принцип предотвращает ограниченный и узкий подход к решению проблемных вопросов, связанных с несовершеннолетними;

- дифференцированный подход к объектам молодёжной политики обуславливает потребность формирования у представителей разных слоев населения, возрастных групп специфических взглядов, согласно которым они воспринимают материальные и духовные ценности;

- конфиденциальность является принципом, по которому должна храниться тайна, не разглашаться данные о личности молодого гражданина и не допускаться ситуация, которая может негативно повлиять на его здоровье, честь, достоинство и социальное становление. Это связано с категориями молодёжи, находящимися на учёте различных центров социальных служб.

Наиболее приоритетны принципы молодёжной политики:

- защита прав молодого поколения; обеспечение пропаганды как способа донести необходимость вести здоровый образ жизни;

- спортивное и физическое развитие молодого населения;

- дух патриотичности среди молодёжи;

- равные возможности своей реализации, которая достигается молодой личностью;

- гармонизация мер комплексного межведомственного характера по решению главных

проблемных вопросов и потребностей молодых граждан;

- вовлечение молодёжи в процессы принятия решений;

- обеспечение международного сотрудничества в такой сфере, как молодёжная политика.

Важный фактор эффективного воплощения молодёжной политики – работа объединений молодых граждан как важных элементов политики. Молодые люди РФ должны вести активную деятельность в процессе, при котором разрабатывается молодёжная политика, составляющая основу существования молодёжи.

Поэтому совместная деятельность государственного властного аппарата с объединениями молодёжи – это главный механизм, способный обеспечить действенную государственную молодёжную политику. В качестве основы определения интегрированной молодёжной политики в научной литературе предлагаем понимать под этим явлением молодёжную политику, опирающуюся на следующие положения:

- молодёжь находится в центре политики;

- молодёжная политика реализуется во взаимодействии с другими отраслями (сферами), которые непосредственно могут и не касаться молодёжи;

- управление этой деятельностью имеет межотраслевой характер;

- активное участие молодёжи во всех сферах общественной жизни.

Чрезвычайно ценным для понимания сущности «целостной» молодёжной политики является вывод исследователей из Всемирного банка, что основой создания «доброжелательной» для молодёжи общественной политики выступают три компонента: создание возможностей для молодёжи по наращиванию ее человеческого капитала; развитие способностей молодёжи делать «правильные» жизненные выборы; корректировка нежелательных последствий («повторный шанс») [16, С. 45].

Итак, подытоживая исследования обозначенной проблемы, можно выделить состав-

ляющие, являющиеся основой целостного подхода к формированию основ молодёжной политики. Отправной точкой формирования и реализации полноценной молодёжной политики общества является целостная молодая личность, для самоактуализации которой необходимо:

- а) поддержка молодёжи с целью развития её способностей принимать «правильные» решения, делать осознанный выбор (молодёжная работа);
- б) создание возможностей для молодёжи по удовлетворению ее жизненных потребностей (образование, труд, жильё и т. п.);
- в) обеспечение «повторного шанса».

Молодёжь всегда стремилась быть активным субъектом деятельности, социальных отношений и преобразований. Именно на этой почве возникают конфликты между поколениями. Итак, включение молодёжи в активную общественно-политическую жизнь имеет два связанных аспекта – собственно процесс социализации молодёжи и процесс психосоциальной, культурной трансформации общества.

Таким образом, роль и функции институтов социализации, являющихся составными элементами государственной молодёжной политики, становятся главными факторами развития молодёжной среды. Опираясь на вышеуказанное, можно сделать вывод, что молодёжь по своей специфике является «опорой» и залогом всестороннего системного развития. Потребности отечественного создания государства ставят насущную задачу дальнейшего развития теоретической базы в сфере молодёжных исследований, уточнения и расширения понятийного аппарата и т. д. Целесообразно использовать при этом опыт европейских ученых, отмечающих необходимость применения холистического (целостного) подхода в исследовании молодёжной проблематики, что обусловлено наличием сложных взаимосвязей между потребностями и интересами молодёжи.

Прежде всего, речь идет о поиске и определении стержня, основной линии, базовой в

основе концепции молодёжной политики как сферы социального управления. Учитывая важность применения личностноцентрического подхода в формировании основ молодёжной политики, можно утверждать, что отправной точкой в определении стержня молодёжной политики является личность. В этом контексте ценно мнение М. Бердяева, который, отмечая свободу как основной признак личности, утверждал, что «образ личности целен, он целостно присутствует во всех актах личности», а личность есть не биологическая или психологическая категория, но категория, прежде всего, нравственная и духовная, поэтому в основу организации общества должна быть положена идея целостного человека. Следовательно, стержнем молодёжной политики можно считать такую детерминанту, как целостная молодая личность.

Следует заметить, что необходимым признаком целостной личности является доминирование в структуре ее мотивов потребностей, относящихся к созданию благосостояния для других людей – «направленность на других» (в отличие от человека, имеющего «направленность на себя»). Целую личность определяют как имеющую общественную (гуманитарную, социальную) направленность, то есть ориентацию на партнера, семью, общину, общество, человечество. Если у человека доминируют потребности, связанные с собственным благополучием (эгоистическая направленность), такого человека нельзя вообще назвать личностью, тем более целостной, хотя он и будет индивидом, участником общественных отношений.

Опираясь на мысль, что направленность (ориентация) человека как совокупность мотивационных образований определяет доминирующее направление и тенденции его поведения и деятельности и в конечном счете определяет лицо человека в социальном аспекте, можно утверждать, что именно наличие общественной ориентации у целостной молодой личности является залогом формирования полноценных социальных связей в процессе социализации молодёжи, активного включения в создание государства и т. д.

Для раскрытия собственных сущностных сил молодому человеку нужны знания и умения, позволяющие познавать свою личность, личность другого, ответственно действовать по отношению к другим людям, создавать социальные связи, уметь предвидеть их долгосрочные последствия. Формирование ценностных ориентаций, усвоение знаний и умений происходит в процессе развития человека путем познания, апробации, то есть обучения. В этом контексте нельзя не согласиться с мнением многих исследователей, что создание личности – это уникальный процесс самовоспроизводства (самоактуализации), а внешние по отношению к личности усилия, в частности образовательные, выполняют лишь вспомогательную функцию, хотя и необходимы. Нельзя, например, научить общечеловеческой морали, ее нужно обязательно почувствовать (на личностном уровне), а подлинное воспитание – это самовоспитание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассматривая особенности становления современной молодёжной политики России, мы должны понимать, что международные стандарты и национальные традиции воспринимаются как основополагающие. В центре современной молодёжной политики России мы видим стержневые компоненты в виде знания, умения и самого процесса обучения. Всё вышеупомянутое позволяет сформировать центральные установки молодёжной политики, отправной точкой которой являются целостная личность как цель и основной субъект молодёжной политики с триадой основных компонентов – знание, умение и процесс обучения.

Библиография / References:

1. Бабинцев В.П. Государственная молодёжная политика. – М.: Юнити, 2018. – 180 с.
2. Гнездилова П.А. Государственная молодёжная политика // *Sciences of Europe*. – 2016. – № 5–4 (5). – С. 34–36.
3. Егоров В.В., Йованович Т.Г. Становле-

ние государственной молодёжной политики России в период либеральных реформ 1990-х гг. // *Вестник Российского университета кооперации*. – 2016. – № 1 (23). – С. 106.

4. Змановский Г.Р., Мясоутов О.В. Молодёжь: субъект-объектный статус в системе молодёжной политики муниципального образования // *Известия Саратовского университета*. Новая серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20. – Вып. 4. – С. 484–488.

5. Карпукhin О.Н. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // *Социс*. – 2018. – № 3. – С. 76–82.

6. Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. Формирование патриотизма: возможности государственной политики // *Ученые записки Тамбовского отделения РГСУ*. – 2018. – № 4. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovaniye-patriotizma-vozmozhnosti-gosudarstvennoy-politiki> (дата обращения: 11.03.2022 г.).

7. Магомедова М.А. Проблемы патриотического воспитания граждан в современных условиях // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 2. – С. 72.

8. Matveeva E. Formation and development of legal consciousness in Russia // *Modern European Researches*. – 2015. – № 3. – С. 100–104.

9. Особенности социальных проблем молодёжи России, Великобритании и Китая / Т.А. Балина, С.Е. Гасумова, Т.Д. Попкова, А.А. Балина // *Вестник Удмуртского университета*. Биология. Науки о Земле. – 2020. – Т. 30, № 2. – С. 231

10. Osterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // *Youth & Society*. – 2017. – Vol. 49 (7). – P. 947–967.

11. Путин: Молодёжь – это опора сегодняшнего дня и будущего // *Федеральное агентство новостей* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1133791-putin-molodezh-eto-opora-segodnyashnego-dnya-i-budushego-rossii> (дата обращения: 11.03.2022 г.).

12. Селезнева А.В., Азарнова А.А. Гражданин как политико-психологический феномен: концептуальный анализ // *Вестник Мос-*

ковского университета. – Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 4. – С. 7–23.

13. Селезнева А.В., Азарнова А.А. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 101–113.

14. Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 58. – С. 227–241.

15. Сулейманова С.Р. Типологизация правовых моделей деятельности молодёжных объединений мира посредством анализа их целей и задач // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 1. – С. 33–37.

16. Чуев С.В., Поляков М.Б. Основные проблемы развития сферы государственной молодёжной политики // PolitBook. – 2017. – № 3. – С. 45–63.

17. Щеголев С.Д. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодёжных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – № 3 (29). – С. 44–50.

1. Babintsev V.P. (2018) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika [State youth policy]. – M.: Yuniti. – 180s. (In Russ.).

2. Gnezdilova P.A. (2016) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika [State youth policy] // Sciences of Europe. – № 5–4(5). – С. 34–36. (In Russ.).

3. Yegorov V.V., Yovanovich T.G. (2016) Stanovleniye gosudarstvennoy molodozhnoy politiki Rossii v period liberal'nykh reform 1990-kh gg. [The formation of the state youth policy in Russia during the liberal reforms of the 1990s] // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. – №1(23). – С. 106. (In Russ.).

4. Zmanovskiy G.R., Myasoutov O.V. (2020) Molodozh': sub'yekt-ob'yektnyy status v sisteme molodozhnoy politiki munitsipal'nogo obrazovaniya [Youth: subject-object status in the system of

youth policy of the municipality] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya – Sotsiologiya. Politologiya. – T.20. – Vyp. 4. – S.484–488. (In Russ.).

5. Karpukhin O.N. (2018) Molodozh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya [Youth of Russia: features of socialization and self-determination] // Sotsis. – №3. – С. 76–82. (In Russ.).

6. Kuz'min A.V., Trifonov Yu.N. (2018) Formirovaniye patriotizma: vozmozhnosti gosudarstvennoy politiki [Formation of patriotism: the possibilities of state policy] // Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. – №4. – [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovaniye-patriotizma-vozmozhnosti-gosudarstvennoy-politiki> (data obrashcheniya 11.03.2022g.). (In Russ.).

7. Magomedova M.A. (2018) Problemy patrioticheskogo vospitaniya grazhdan v sovremennykh usloviyakh [Problems of patriotic education of citizens in modern conditions] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – № 2. – С. 72. (In Russ.).

8. Matveeva E. (2015) Formation and development of legal consciousness in Russia // Modern European Researches. – №3. – С. 100–104. (in Engl.).

9. Osobennosti sotsial'nykh problem molodozhi Rossii, Velikobritanii i Kitaya [Features of social problems of youth in Russia, Great Britain and China] / T.A. Balina, S.Ye. Gasumova, T.D. Popkova, A.A. Balina // Vestnik Udmurtskogo universitet. Biologiya. Nauki o Zemle. – 2020. – T.30. – № 2. – С. 231. (In Russ.).

10. Osterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. (2017) Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // Youth & Society. – Vol.49 (7). – P. 947–967. (in Engl.).

11. Putin: Molodozh' – eto opora segodnyashnego dnya i budushchego [Putin: Youth is the backbone of today and the future] // Federal'noye agentstvo novostey // [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://riafan.ru/1133791-putin-molodezh-eto-opora-segodnyashnego-dnya-i-budushhego-rossii> (data obrashcheniya

11.03.2022g.). (In Russ.).

12. Selezneva A.V., Azarova A.A. (2020) Grazhdanin kak politiko-psikhologicheskii fenomen: kontseptual'nyi analiz [Citizen as a Political and Psychological Phenomenon: Conceptual Analysis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 12: Politicheskiye nauki. – №4. – S.7–23. (In Russ.).

13. Selezneva A.V., Azarova A.A. (2020) «Rozhdeniye grazhdanina»: politiko-psikhologicheskii analiz grazhdanstvennosti rossiyskikh starsheklassnikov [«The Birth of a Citizen»: Political and Psychological Analysis of the Citizenship of Russian High School Students] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. – № 5. – S.101–113. (In Russ.).

14. Selezneva A.V., Antonov D.Ye. (2020) Tsennostnyye osnovaniya grazhdanskogo samosoznaniya rossiyskoy molodozhi [Value Foundations of Civil Self-Consciousness of the Russian Youth] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – № 58. – S.227–241. (In Russ.).

15. Suleymanova S.R. (2019) Tipologizatsiya pravovykh modeley deyatel'nosti molodezhnykh ob"yedineniy mira posredstvom analiza ikh tseley i zadach [Typology of legal models of activity of youth associations of the world through the analysis of their goals and objectives] // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – №1. – S.33–37. (In Russ.).

16. Chuyev S.V., Polyakov M.B. (2017) Osnovnyye problemy razvitiya sfery gosudarstvennoy molodezhnoy politiki the main problems of development of the sphere of state youth policy [The main problems of development of the sphere of state youth policy// PolitBook] // PolitBook. – №3. – S.45–63. (In Russ.).

17. Shchegolev S.D. (2018) Mekhanizmy vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i molodezhnykh ob"yedineniy [Mechanisms of interaction between public authorities and youth associations] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – №3 (29). – S.44–50. (In Russ.).

ПОЛУХИН Олег Вячеславович, аспирант,
Среднерусский институт управления – филиал
РАНХиГС (Россия, Орёл),
e-mail: polukhin_ov@mail.ru, AuthorID: 367835

POLUKHIN O.V., Postgraduate student of the
Central Russian Institute of Management,
Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel),
e-mail: polukhin_ov@mail.ru, AuthorID: 367835

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИЛЯ И НОВОСИЛЬСКОГО УЕЗДА В ПЕРИОД ГУБЕРНСКИХ РЕФОРМ XVIII СТОЛЕТИЯ

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS OF THE CITY OF NOVOSIL AND NOVOSILSKY DISTRICT DURING THE PROVINCIAL REFORMS OF THE 18th CENTURY

Аннотация. Цель статьи – исследование особенностей преобразования в XVIII века административно-территориальных единиц – Новосильского уезда и города Новосиль, будущих субъектов Тульской губернии, территория которых в настоящее время входит в состав современной Орловской области. В статье значительное внимание уделено истории становления в XVIII в. города Новосиль и его уезда как административно-территориальных единиц в губернской системе государства, и проанализированы причины их преобразований. На протяжении всего XVIII столетия во внутренней политике государства различными правителями проводились административно-территориальные реформы. Началом указанных преобразований в 1708 стала губернская реформа Петра I, когда государство было разделено на 8 губерний. В ходе этого этапа была создана двухуровневая система административно-территориального деления: губерния-доля. В 1719 был проведён второй этап губернской реформы, или провинциальная реформа, была создана трёхуровневая система административно-территориального деления: губерния-провинция-дистрикт. Последний в 1727 году был заменён на уезд. В 1775 г. после изданного «Учреждения для управления губерний» Екатерина II начала проведение губернской реформы, которая несла разукрупнительный характер. Из существующих 23 губерний было образовано 50, и утверждены наместничества, состоявшие из нескольких губерний. В 1796 году с приходом к власти Павла I в государстве продолжились административно-территориальные преобразования. В ходе реформы были ликвидированы наместничества, уменьшено число губерний с 50 до 41.

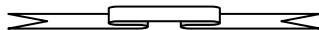
Ключевые слова: Тульская губерния, Орловская провинция, Новосильский уезд, город Новосиль, наместничество.

Abstract. The purpose of the article is to study the features of the administrative-territorial transformation of Novosilsky district and the city of Novosil in the 18th century, the future subjects of Tula province, which is currently a part of modern Oryol oblast.

Much attention is given to the history of the city of Novosil and its county as administrative-territorial units in the provincial system of the state. The author emphasizes that various rulers carried out some administrative-territorial reforms in the internal policy of the state throughout the 18th century. The provincial reform of Peter I was the beginning of these transformations in 1708. The state was divided into 8 provinces. During this stage, a two-level system of administrative-territorial division was created: province-share. The second stage of the provincial reform was carried out in 1719. A three-level system of administrative-territorial division was created: province-province-district. The latter was replaced by a county in 1727. Catherine II began to carry out the provincial reform after the publication of the «Institutions for the Administration of Provinces» in 1775. It had a disaggregating nature. 50 provinces were formed. Governorships consisting of several provinces were approved. After Paul I accession, administrative-territorial transformations were continued in the state. The reform eliminated governorships and the number of provinces was reduced from 50 to 41.

As a result, based on the study of the history of the developing of the city of Novosil and its county, the author draws conclusions about the reasons for these transformations.

Keywords: Tula province, Oryol oblast, Novosilsky district, the city of Novosil, governorships.

ВВЕДЕНИЕ

Административно-территориальное устройство (АТУ) государства является процессом длительным и происходит в результате реформирования или административно-территориального деления (АТД) во времени и пространстве. Основными процессами АТУ является рост или сокращение административно-территориальных единиц (АТЕ), их укрупнение и разукрупнение.

Настоящее исследование посвящено истории административно-территориальных единиц – Новосильского уезда и его административного центра – города Новосила во время административно-территориальных преобразований государства в XVIII столетии. В настоящее время территория Новосильского уезда входит в состав Орловской области. Первое упоминание летописного Новосила относят к 1155 году¹, когда город относился к Черниговскому княжеству. После смерти черниговского князя Михаила Всеволодовича его потомками было образовано Новосильское княжество. В последней четверти XIV века, после уничтожения ордынцами Новосила, город прекратил своё существование, и длительное время не упоминался в летописных источниках. В 1563 году в интересах укрепления обороноспособности Русского государства на южных границах вновь восстанавливается город Новосиль и упоминается как украинный город с воеводой. С этого момента город с округой продолжал развиваться в системе административно-территориального устройства государства.

В 1707 году накануне губернской реформы Ближняя канцелярия по указанию Петра I произвела роспись городов на округи по принципу удаления от определенных городов, кроме тех городов, которые находились в 100 верстах от Москвы². По этой росписи

Новосиль, который на рубеже XVII – XVIII вв. входил в Белгородский разряд, образованный по принципу военного округа, был приписан к городу Киеву.

Чтобы понять, как выглядел Новосиль в начале XVIII века, приведем данные переписной книги 1701 года, в которой указано, что «...Новосиль, город деревянный рубленой, в нем 4 башни с проезжими вороты, 5 башен глухих, по мере около города и башен 468 сажен, стоит на горе на берегу реки Зуши...». По ведомости Камер-коллегии в Новосиле с уездом числилось два монастыря и 44 церкви [7, С. 171]. В тот период Новосильский уезд состоял из трех станов, сформированных еще на рубеже XVI – XVII вв.: Городского, Пятницкого и Никольского. Городской стан свое название получил от расположения вокруг уездного города. Пятницкий и Никольский станы названы соответственно приходским сёлам, которые, в свою очередь, получили названия от наименования храмов в селе. Пятницкий стан располагался в западной и северо-западной части уезда, Никольский – в северо-восточной, восточной и южной части уезда.

В ходе Петровской губернской реформы 1708 года военные разряды были упразднены, а территория государства была разделена на восемь губерний, в том числе Киевскую, в которую был включен в числе других город Новосиль³.

По произведённой в 1710 году переписи населения в г. Новосиле Киевской губернии с округой насчитывалось 2245 дворов, в которых проживало 17 025 человек, из них 9186 – мужского пола и 7839 – женского пола [9, С. 50–53].

В ходе первого этапа губернской реформы Петра I был произведен переход на двухуровневую систему АТД – «губерния – доля». Губернии были разделены на АТЕ низшего уровня – «доли», во главе которых стали

¹ В настоящее время вопрос о дате основания Новосила является дискуссионным.

² ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. IV. Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1830. – Ст.

2176. – С. 397.

³ ПСЗРИ. Собрание Первое. Т. IV. Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1830. – Ст. 2218. – С. 436–438.

выборные лица – ландраты. Первое упоминание о «доле» встречается в 1712 году, в 1713 году о ландратах уже говорит указ. В 1715 году ландраты наделяются новыми функциями – финансовыми, полицейскими и судебными, становятся правителями определенных областей и ближайшими помощниками губернаторов. В штате ландрата числились комиссар, четыре подьячих и 12 человек конных рассыльчиков.

В 1715 году правительством Петра I принято решение о проведении переписи, получившей название ландратской от наименования лиц, ее проводивших. Ландратская перепись, начавшаяся в Киевской губернии в 1716 году, продвигалась медленно, и в 1719 году сведений по губернии, куда в то время относились Ливны и Новосиль, еще не было. В Ливенской провинции, по сообщению из Киевской губернской канцелярии, велено было переписать дело закончить царедворцу Василию Давыдову [9, С. 334–336, 349, 414–416].

Однако, забегая вперед, необходимо отметить, что после того как в 1719 году Ливны были причислены к Азовской губернии, поручение по переписи Ливенской провинции исполнено также не было. В фондах Российского государственного архива древних актов (г. Москва) ландратские книги по Ливнам и Новосилу с уездами отсутствуют.

Каким образом была разделена Киевская губерния на доли, четкого понимания нет, но еще до провинциальной реформы 1719 года территория будущей Орловской губернии была разделена на провинции: Карачевскую, Ливенскую, Севскую, Брянскую, Белёвскую, Орловскую и др. В частности, на 1718 год в Ливенской провинции Киевской губернии числились два города – Новосиль и Ливны – с административным центром в последнем городе [12, С. VII].

Согласно ведомости 1718 года, поданной в Военную коллегию, была обследована и описана крепость города Новосиль. Из этого описания следует, что Новосиль – город деревянный, рубленный в две стены, покрыт тёсом. По периметру стен имеются де-

вать башен, которые во многих местах сгнили – и крыша упала. К нижним воротам у проезжей башни по правую сторону имеется тайник. Казенный погреб сгнил и обвалился. Также указано о наличии в крепости пяти домов, из которых четыре покрыты тёсом и один – соломой. Далее следует описание гарнизона, который состоял из 394 служилых людей старых чинов, в их числе: 43 пушкаря, из них годных – 11 человек, не годных – 32 человека; 63 стрелца, из них годных – 22 человека, не годных – 41 человек; 284 казака, из них годных – 223 человека, не годных – 61 человек; 4 воротника, из них годных – 3 человека, не годных – 1 человек. Вооружен гарнизон был шестью пищалями в затинных ложах, в числе боеприпасов числились 20 малых железных ядер и 10 свинцовых мушкетных пуль [12, С. 11–12].

В 1719 году начался второй этап губернской реформы Петра I, в результате которой государство с двухуровневой системы АДТ перешло на трехуровневую систему – «губерния – провинция – дистрикт». Города Ливенской провинции, Ливны и Новосиль, были распределены не только по разным провинциям, но и губерниям. Так Ливны отошли к Елецкой провинции Азовской губернии, а Новосиль вошел в состав Орловской провинции Киевской губернии и стал административным центром низшего звена – дистрикта (в 1727 году дистрикты были заменены на уезды).

При анализе карты территории Новосильского уезда картографа Б. Батурина на 1724–1729 гг. установлено, что в данной округе числились четыре слободы и 45 сёл, в которых на тот период находились церкви. В числе слобод указаны: Ямская, Воротынцова, Покровская, Косарёва. Городской стан составляли восемь сёл – Вяжи, Глубки, Бетьково, Задушное, Ломец, Березовец, Желябуга, Михайловское. В Пятницком стане числилось 10 сёл – Чулково, Суворово, Полянки, Знаменское, Черемошная, Субочево, Гладкое, Яшкино, Игумново, Дараево; также отметим, что Пятницкое указано как сельцо без церкви. В самом многочисленном Никольском

стане числилось 27 сёл – Пруды, Кирилово, Богословское, Богоявленское, Покровское (3 села), Никольское, Малиново, Подъяковлево, Перестряж, Спасское, Троицкое, Панково, Плоское, Сторожевое, Залесное, Лазавка (Никольское), Михайловское, Шейна, Пшево, Скородна, Нижняя Скворча, Верхняя Скворча, Залегощь, Усова, Аржаное¹.

В 1727 году в городе Новосиле Орловской провинции Киевской губернии, по ведомости Камер-коллегии, действовал магистрат с бургомистром и ратманом, существовали крепостная контора с надсмотрщиком и писарем. На тот период в Новосиле находились таможня, кабацкая контора и конская изба, управляемые бургомистрами и ларёчными, при которых находились целовальники [8, С. 171].

В том же 1727 году образована Белгородская губерния, в состав которой из Киевской губернии были выделены территории Белгородской, Орловской и Севской провинций [1, С. 13]. В результате реформы город Новосиль в составе Орловской провинции переходит под юрисдикцию вновь образованной губернии.

Росписной список 1755 года позволяет представить, как выглядел г. Новосиль в середине XVIII века. Кремль деревянный, дубовый, рубленый клетками, с девятью башнями без верхов. Кровля на стенах сгнила и развалилась. Проезд в город осуществлялся через ворота Московской башни. Недалеко с проезжими воротами находился воеводский двор с хоромы воеводы, двумя людскими избами, тремя амбарами, сараями, погребом и конюшней. Напротив воеводского двора располагалась канцелярия с архивом. Рядом с ней размещались две тюремные избы, крытые соломой. В центральной части кремля был построен Успенский собор. Хлеб хранился в двух житницах, крытых соломой. За пределами крепости находились казенные постройки, в число которых входил полковой двор для командированных военнослужащих.

На дворе были построены дома для комиссара, офицеров и солдат, а также избы для прислуги, амбар и конюшня. Все крепостные строения и постройки полкового двора в период описи находились в обветшавшем состоянии [12, С. 240–242].

В 1756 году в Новосиле случился сильный пожар, который уничтожил многие исторические памятники и документы, на основании которых можно было бы более подробно изучить историю города и уезда. Пожаром были уничтожены обветшавшие крепостные укрепления, собор, канцелярия, архив и большая часть города [3, С. 221].

Согласно законодательному акту 1764 года «Об учинении губернаторам...» в Орловской провинции Белгородской губернии числилось пять городов: Мценск, Новосиль, Чернь, Белёв, Болхов².

В этом же 1764 году в Новосиле были упразднены мужской Свято-Духов и женский Ильинский монастыри. Мужской монастырь находился в с. Задушном Новосильского уезда, а женский монастырь находился непосредственно в г. Новосиле. Закрытие монастырей было связано с государственной программой секуляризации монастырских земель. Тем не менее, необходимо отметить, что основной причиной закрытия указанных монастырей послужило отсутствие достаточного количества монашествующих лиц [12, С. 435].

В 1765 году новосильские казаки, пушкар и стрельцы были исключены из управления воеводы и находились в ведомстве особого управления. Это обстоятельство обусловило сохранение самобытного названия части населения уезда, которая в официальных документах в первой трети XVIII века писалась как «казаки» [15, С. 26].

В 1766 году Новосильский уезд Орловской провинции Белгородской губернии являлся одним из густонаселенных уездов в провинции с количеством населения

¹ Carte du territoire de Novosil / [par Batourin] // Gallica/. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003142n?rk=21459;2> (дата обращения: 19.01.2022).

² ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XVI. Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1830. – Ст. 12259. – С. 926–932.

30 083 человека обоего пола, уступая по количеству лишь административному центру Орлу и Белёву [17, С. 100]. Сравнивая количество населения в уезде в начале губернской реформы Петра I на 1710 год, когда в Новосильском уезде состояло 17 025 душ обоего пола, по состоянию на 1766 год оно увеличилось более чем на 13 000 душ.

В 1767 года по просьбе дворян Новосильского уезда Свято-Духов мужской монастырь был восстановлен и считался заштатным монастырем Московской епархии. В 1775 году Новосиль переведен из Крутицкой в Воронежскую епархию, затем в 1788 году – в Коломенскую епархию, а с 1799 года был приписан к Тульской епархии [12, С. 435].

До самого начала губернской реформы Екатерины II Новосиль и уезд числились в составе Орловской провинции Белгородской губернии. После проведения в жизнь реформы были ликвидированы провинции с сохранением уездов, а Новосиль с уездом практически на полтора столетия был передан в другой субъект.

19 сентября 1777 года учреждено Тульское наместничество из 12 уездов, в числе которых и Новосильский, за исключением 3000 душ, которые были оставлены в Орловской провинции¹.

Согласно утвержденному 7 октября 1777 года штату Тульской губернии в административном центре Новосильского уезда – городе Новосиле значилось правление городничего. В уездном центре состояли присутственные места, согласно утвержденному штату губернии: казначейство, дворянская опека, нижний земский суд, городской магистрат, расправа. В уезде числились по штату: землемер, стряпчий, доктор, лекарь, два подлекаря и два ученика лекаря. Кроме того, при уездном правлении числилось 34 воинских чина, в том числе подпоручик, сержант, три капрала, 28 рядовых и бара-

банщик².

Если говорить о персоналиях, то при открытии Тульского наместничества в Новосиле городничим значился капитан Сергей Тимофеевич Карпов. Состав уездного суда был следующим: судья – капитан Алексей Тимофеевич Авдеев; дворянские заседатели – поручик Андрей Петрович Казаков, подпоручик Алексей Алексеевич Крюков; секретарь – Антон Понизовский. В уездном казначействе казначеем состоял титулярный советник Василий Казаков. Предводитель дворянской опеки – подполковник Александр Григорьевич Меркулов. В нижнем земском суде состояли: земский исправник – прапорщик Иван Кондратьевич Шеин; дворянские заседатели – поручик Алексей Дмитриевич Глотов, подпоручик Лев Алексеевич Ханюков; секретарь – Николай Автомонов. Уездным стряпчим числился поручик Родион Евтифьевич Кузовлев. Уездным землемером был титулярный советник Пётр Рудин [3, Дополнение, С. 19–20].

20 декабря 1777 года в присутствии губернатора и других лиц производилось избрание новых предводителей уездного дворянства Тульского наместничества. В Новосильском уезде избран предводителем дворянства генерал-поручик и действительный камергер Сергей Александрович Бредихин [6, С. 13].

8 марта 1778 года высочайше утвержден герб города Новосила: «по зелёному полю размётанные через ряд цветки васильки и золотые колосья, изъявляющие плодоносие полей окружности сего города»³.

16 ноября 1779 года был утвержден план города Новосила, согласно которому предполагалось построение прямых кварталов с каменными и деревянными казенными, публичными и обывательскими домами взамен

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XX. Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1830. – Ст. 14652. – С. 553–554.

² Штат Тульской губернии, состоящей из двенадцати уездов... Утв. октября 7-го дня 1777 года. – СПб.: Сенатская типография, 1777. – С. 5–15.

³ Фон-Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. – СПб.: Тип. И.М. Комелова, 1899. – С. 106.

искривленной сетки старых улиц. Устанавливались места для площади, собора, приходских церквей, присутственных мест и прочих казенных строений, торговых лавок, торговой площади, магистрата, квартала для штатной команды солдат, кузницы, рыбных и мясных рядов¹.

План города полностью не соответствовал существовавшей в городе застройке, учитывая лишь старую крепость на месте древнего городища. План г. Новосила представлял собой проект прямоугольной формы. С юго-западной стороны границу города составляла р. Зуша, южную и юго-восточную границу города составляли овраги, границы других частей города представляли вал и ров. Древнее городище представлялось административным центром города, в котором располагались соборная церковь и здания присутственных мест. Основная часть городской застройки окружала полукругом древнее городище и разделялась на 25 кварталов.

В Экономических примечаниях к Плану генерального межевания Новосильского уезда Тульского наместничества на 1776–1780 гг. из описания города на тот период становится известно, что город Новосиль располагался на правой стороне р. Зуши и по обе стороны Городского и Осыпного оврагов, при трех Безымянных отвершках, а также при больших дорогах из городов Орла и Мценска в города Ефремов, Ливны и Курск. В городе существовали деревянная соборная церковь во имя Успенья Пресвятой Богородицы с приделом в честь иконы Казанской Божьей Матери и две приходские церкви: каменная и деревянная². Купцы города занимаются продажей разных «мелочных» и продуктовых товаров. Женщины занимаются рукоделием. Внутри городской крепости и в предместье купцов и мещан числилось 90 дворов, в них 309 душ обоего пола, из них 170 – мужского

пола и 139 – женского пола. Водами город изобилует, и вода здорова. Река Зуша напротив города в летнее время имеет глубину аршин, ширину – 25 сажень, по реке судового хода не бывает. В городскую землю была включена выгонная земля, которая располагалась на правом берегу реки Зуши, левом берегу речки Чернышенки, а также на правой стороне Строкинского и левой стороне Кошкинского верхов (оврагов) и при больших дорогах, лежащих из города Новосила в города Мценск, Орёл, Ефремов и Ливны. На тот период в Новосильском уезде числилось 6744 двора, в них 51 136 душ обоего пола, в том числе мужского пола – 26 381 и женского пола – 24 755. Всего в городе и уезде числилось 6834 двора, в которых проживало 51 445 душ обоего пола, из них мужского пола – 26 551 и женского пола – 24 894 [18, Л. 1 – 1 об., 31].

В Топографическом описании Тульского наместничества, составленном в 1781 году, уездный город Новосиль Тульского наместничества располагается в юго-западной части наместничества с удалением от Тулы в 160 вёрст³. Сведения об основании Новосила в канцелярии и архиве города не обнаружены. Город на тот период в окружности имел 3 версты 480 сажень, с одной стороны был окружен земляным рвом, с другой – рекой Зушей. В городе числилось восемь улиц и два тупиковых переулочка, в которых располагались 156 обывательских домов, два питейных заведения и шесть лавок. В тот период в городе еженедельно по пятницам проводились торги и два раза в год бывали ярмарки. Купечества в городе по последней ревизии⁴ числилось 177 человек, после учреждения наместничества из городского сословия стало числиться лишь 170 мещан и 389 ямщиков. Присутственные места в городе существовали согласно штату наместничества. В числе жителей уезда встречались княжеские, графская и дворянские фамилии. Всего в уезде числилось 63 села и

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (планы городов). Под редакцией М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1859. – С. 365.

² Речь идет о деревянной Никольской церкви на посаде и каменной Казанской церкви, стоявшей на территории упраздненного Ильинского монастыря.

³ Согласно данному описанию Новосиль стоял от Орла в 70 верстах.

⁴ Вероятно, здесь речь идет о ревизии 1763 года.

84 деревни. В указанных населенных пунктах находилось 1053 господских дома, в их числе один каменный дом, остальные деревянные, а также 6245 крестьянских домовладений, в которых проживало 35 048 душ мужского пола¹. В 1778 году питейные доходы составили 27 700 рублей [6, С. 65–67].

В последней четверти XVIII столетия в Тульском наместничестве произведено межевание земель, один уезд от другого был разграничен межами по свидетельству, учиненному именным указом императрицы Екатерины II от 1782 года.

Согласно данному межеванию земель в уезде оказалось около 300 000 десятин (2890 кв. вёрст). По сведениям ревизии 1782 года в уезде числилось 92 вотчины помещиков, в них, кроме владельческих усадеб, значилось 112 селений, населенных крепостными крестьянами, которых было 27 031 душа обоего пола, из них 13 470 душ мужского пола и 13 561 душа женского пола. Кроме того, в уезде на тот период учтены 23 селения семей казаков, пушкарей, стрельцов, ямщиков, в которых числилось 14 496 душ обоего пола, из них 7008 душ мужского пола и 7488 душ женского пола. Из указанных селений в 20 помещичьих и в 10 селениях казаков и экономических крестьян существовали церкви и 22 торговых питейных заведения [18, С. 27].

Согласно ведомости казенной палаты Тульского наместничества о числе налогоплательщиков по состоянию на август 1785 года в Новосиле числился 34 331 человек, из них купцов – 106, мещан – 133, калмыков(?) – 21, экономических крестьян – 3872, однодворцев – 794, государственных крестьян – 5354, по Санкт-Петербургскому банку – 82, помещичьих крестьян – 23 969 [16, Л. 23].

До последней четверти XVIII столетия в городе существовало несколько казенных деревянных зданий и до 180 частных деревянных домов. Постройки были раскинуты в

посаде и слободах. После введения в 1785 году городского положения новые строения стали располагать по кварталам согласно утвержденному плану.

На средства приказа общественного призрения Тульского наместничества в Новосиле было открыто здание богадельни, в которой получали кров, одежду, питание убогие, увечные и престарелые люди [16, Л. 21 об.].

С увеличением спроса на местные товары многие граждане стали записываться в купцы, продавая в основном сельскохозяйственную продукцию: хлебное зерно, коноплю, сало, щетину, кожу и др. Торговлю в городских лавках осуществляли и иногородние купцы. В лавках торговали шёлковыми, шерстяными, бумажными, суконными и прочими мануфактурными товарами, продавали чай, сахар, виноградные вина и прочие товары по мере необходимости. Развитию торговли и комиссионерской деятельности в Новосиле способствовало частое передвижение через город военных подразделений, в том числе мушкетёрского полка и драгунов. Военные останавливались в городе для заготовки провианта, фуража, ремонта лошадей и т. д. Необходимо отметить, что в связи с удаленностью Новосиля от главных пунктов торговой деятельности цены на товары здесь были значительно ниже [6, № 32, С. 159; № 50, С. 273–274].

При вступлении на престол Российской империи Павла I его правительство, придерживаясь политики централизации и финансовой дисциплины, внесло некоторые коррективы в губернскую реформу Екатерины II. В этой связи 12 декабря 1796 года в государстве была проведена укрупнительная губернская реформа, в результате которой были ликвидированы наместничества и образовано 40 губерний. Данные изменения не коснулись Новосильского уезда, который пребывал в числе 12 уездов Тульской губернии. Что касается местного самоуправления, то в уездах были упразднены городской магистрат и нижняя расправа; остались без изменения уездный суд, казначейство, чины технического надзора и медицины, а также

¹ Здесь имеется в виду вся мужская численность Новосильского уезда, включая потомков служилых людей, которые в дальнейшем числились отдельно.

городничий, где не было коменданта. Также уменьшился штат нижнего земского суда, были упразднены заседатели [9, С. 407–433].

На рубеже XVIII – XIX столетий Новосиль с уездом выглядит следующим образом. В г. Новосиле находились деревянная соборная и две приходские церкви – каменная и деревянная, а также числились две каменных и четыре деревянных казенных дома, шесть деревянных питейных домов, четыре деревянные заставы, 184 деревянных обывательских дома, 26 деревянных лавок, работали кузница и кирпичный завод. Разного звания в городе числился 1101 житель, из них 537 мужчин и 564 женщины. Всего городской земли значилось 575 десятин 24 сажени. В Новосильском уезде существовал каменный мужской монастырь, числилось 23 каменные и 36 деревянных церквей. В числе других строений в уезде существовали пять каменных и 118 деревянных господских домов с 8947 крестьянскими дворами. Кроме того, в уезде работали винокуренный завод и 75 водяных мучных мельниц. В уезде значились две слободки, 51 село, 8 погостов, 68 селеч, 99 деревень и 120 пустошей. В населенных пунктах уезда по пятой ревизии, состоявшейся в 1795 году, числилось 75 680 душ обоего пола, из них 36 630 – мужского пола и 37 940 – женского пола. Территория уезда по площади составляла 288 992 десятины 2344 сажени, всего с городской территорией — 289 567 десятин 2368 сажень [17, Л. 6 об. – 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмечая в итоге положение Новосила и Новосильского уезда в XVIII столетии, в период губернских реформ, необходимо отметить, что преобразования в полной мере коснулись исследуемых административно-территориальных единиц практически на каждом этапе их реформирования. До губернских преобразований Новосиль входил в Белгородский военный округ. В ходе губернской реформы Петра I Новосиль причислен к Киев-

ской губернии. В продолжение реформы Петра I Новосиль и Ливны составили одну Ливенскую провинцию, существовавшую до 1719 года. На втором этапе Петровской реформы Ливенская провинция была разделена, при этом Ливны были отнесены к Елецкой провинции Азовской губернии, а Новосиль был включен в состав Орловской провинции Киевской губернии.

Вероятно, основными причинами, почему города Ливенской провинции были разделены не только по разным провинциям, но и по разным губерниям, является их удаление от провинциального центра. Новосиль оказался значительно ближе к Орлу, куда и был приписан.

В 1724 году территория Новосила была огромной, она состояла из современных территорий Новосильского, Корсаковского, частей Верховского, Новодеревеньковского, Залегощенского, Мценского районов Орловской области.

Преобразования 1727 года, когда Новосиль в составе Орловской провинции был передан в образованную Белгородскую губернию, а также когда дистрикты были заменены уездами, отразились и на Новосильском уезде. В уездном центре стали появляться административные учреждения. После этой реформы на протяжении полувека Новосиль находился в составе Орловской провинции Белгородской губернии.

После издания законодательного акта в 1777 году учреждено Тульское наместничество, Новосильский уезд с административным центром и некоторым уменьшением численности населения, оставленного тогда еще в Орловской провинции, вошел в состав образованной административно-территориальной единицы. В административном центре уезда – Новосиле стали создаваться присутственные места согласно утвержденным штатам.

В этот период по сравнению с данными на 1766 год население уезда увеличилось практически вдвое, при этом необходимо учесть, что по площади уезд уменьшился, в связи с тем что при передаче в Тульское наместничество 3000 душ его населения с территориями, на которых они проживали, территории эти

были оставлены в Орловской провинции.

После этого перемещения Новосильский уезд со своим центром – старинным городом Новосилем на протяжении более полутора столетий являлись административно-территориальными единицами Тульской губернии. Однако удаленность от губернского центра и историческая связь с Орлом послужили причинами дальнейших преобразований. В ходе следующей административно-территориальной реформы Новосильский уезд был возвращен в состав Орловской губернии. 6 июля 1925 года Новосильский уезд, состоявший из шести районов, перечислен из Тульской губернии в состав Орловской губернии, а районы переименованы в волости [1, С. 23].

Библиография / References:

1. Административно-территориальное деление Орловской области 1928–2011 гг.: Справочник: В 2 т. – Т. 1 / БУОО «Государственный архив Орловской области». – Орёл: Картуш, 2014. – С. 23.
2. Архимандрит Геронтий. Исторический очерк Новосильского Свято-Духова монастыря. – Тула. Типография Е.И. Дружининой, 1901. – 21 с.
3. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Часть 1. – М.: Типография В. Готье, 1850. – 241 с.
4. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орёл – Орловское полесье: путеводитель по экскурсионному маршруту. – Орёл, 2007.
5. Воронникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV – XVII веков. Крепости юга России. Том 2. Книга 1. – М.: Индрик, 2016. – 556 с.
6. Город Новосиль // Тульские губернские ведомости. – 1886. – № 22, 32, 50. – С. 103–274.
7. Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. – 492 с.
8. Дильтей Ф.Г. О Тульском наместниче-

стве // Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи. Часть первая. – СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса. 1781. – С. 1–97.

9. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М.: Издательство «Наука». 1977. – 444 с.

10. Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения (1678–1721). – Т. 1. – СПб., 1911. – 435 с.

11. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I – Пг.: Сенатская типография, 1916. – 624 с.

12. Молчанов С.П. Из летописей г. Новосили // Тульские губернские ведомости. – № 31–35. – 1872. – С. 514–588.

13. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. – СПб., 1897. – 62 с.

14. Неделин В.М. Древние города земли Орловской. XVII – XVIII века: История. Архитектура. Жизнь и быт. – Орёл: Вешние воды, 2012. – 560 с.

15. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. / Подготовка текста, составление, таблица, комментарии, послесловие: М.В. Майоров; Комментарии: М.В. Майоров, Т.В. Майорова. – Тула, Издательский дом «Пересвет», 2010. – 568 с.

16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1261. – Оп. 12. – Д. 251. – Л. 24.

17. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 1747. – Л. 12.

18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 1839. – Л. 32.

19. Статистические очерки России. Сочинение Константина Арсеньева. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848. – 50 с.

20. Чевский В.Г. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. – Орёл: Типография Косницкой и Соколова, 1892. – 50 с.

1. Administrativno-territorial'noye deleniye Orlovskoy oblasti 1928–2011 gg. [Administrative-territorial division of the Oryol region 1928–2011: Reference book]: Spravochnik: V2t. – T.1 / BUOO «Gosudarstvennyy Arkhiv Orlovskoy oblasti». – Orol: Kartush, 2014. – S.23. (In Russ.).
2. Arkhimandrit Gerontiy. Istoricheskiy ocherk Novosil'skogo Svyato-Dukhova monastyrya [Archimandrite Gerontius. Historical sketch of the Novosilsky Holy Spirit Monastery]. – Tula. Tipografiya Ye.I. Druzhininoy, 1901. – 21s. (In Russ.).
3. Afremov I.F. (1850) Istoricheskoye obozreniye Tul'skoy gubernii [Historical review of the Tula province]. Chast'1. – M.: Tipografiya V.Got'ye. – 241s. (In Russ.).
4. Ashikhmina Ye.N., Litsov V.A. (2007) Orol – Orlovskoye poles'ye: putevoditel' po ekskursionnomu marshrutu [Oryol – Oryol Polesye: a guide to the excursion route] / Orol. (In Russ.).
5. Vorotnikova I.A., Nedelin V.M. (2016) Kremli, kreposti i ukreplonnyye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti yuga Rossii [Kremlins, fortresses and fortified monasteries of the Russian state of the XV–XVII centuries. Fortress of the South of Russia]. Tom 2. Kniga 1. – M.: Indrik. – 556s. (In Russ.).
6. Gorod Novosil' [City of Novosil] // Tul'skiye gubernnskiye vedomosti. – 1886. – №№ 22, 32, 50. – S.103–274. (In Russ.).
7. Got'ye Yu. (1913) Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Yekateriny II [History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II]. T.I. – M.: Tipografiya G.Lissnera i D.Sobko. – 492s. (In Russ.).
8. Dil'tey F.G. (1781) O Tul'skom namestnichestve [] // Sobraniye nuzhnykh veshchey dlya sochineniya novoy geografii o Rossiyskoy Imperii [About the Tula governorship]. Chast' Pervaya. – Spb. Tipografiya Morskogo Shlyakhetskogo kadetskogo korpusa. – S.1–97. (In Russ.).
9. Kirillov I.K. (1977) Tsvetushcheye sostoyaniye Vserossiyskogo gosudarstva [Blooming state of the All-Russian state]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 444s. (In Russ.).
10. Klochkov M.V. (1911) Naseleniye Rossii pri Petre Velikom po perepisyam togo vremeni. Perepisi dvorov i naseleniya [The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Censuses of households and population]. (1678–1721). – T.1. – SPb. – 435s. (In Russ.).
11. Klochkov M.V. (1916) Ocherki pravitel'svennoy deyatel'nosti vremeni Pavla I [Essays on government activities of the time of Paul I]. – Pg.: Senatskaya tipografiya. – 624s. (In Russ.).
12. Molchanov S.P. (1872) Iz Letopisey g. Novosili [From the Annals of the city of Novosil] // Tul'skiye gubernnskiye vedomosti. – №№ 31–35. – S.514–588.
13. Myshlayevskiy A.Z. (1897) Kreposti i garnizony Yuzhnoy Rossii v 1718 godu [Fortresses and garrisons of Southern Russia in 1718]. – Spb. – 62s. (In Russ.).
14. Nedelin V.M. (2012) Drevniye goroda zemli Orlovskoy. XVII–XVIII veka: Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt [Ancient cities of the Oryol land. XVII–XVIII centuries: History. Architecture. Life and life]. – Orol: Veshniye vody. – 560s. (In Russ.).
15. Prikhody i tserkvi Tul'skoy yeparkhii: izvlecheniya iz tserkovno-prihodskikh letopisey [Parishes and churches of the Tula diocese: extracts from parish annals] / Izd. 2-ye, ispr. i dop. / Podgotovka teksta, sostavleniye, tablitsa, kommentarii, poslesloviye: M.V. Mayorov; Kommentarii: M.V.Mayorov, T.V. Mayorova. – Tula, Izdatel'skiy dom «Peresvet», 2010. – 568s. (In Russ.).
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F.1261. Op.12. D.251. L 24. (In Russ.).
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F.1355. Op.1. D.1747. L12. (In Russ.).
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F.1355. Op.1. D.1839. L32. (In Russ.).
19. Statisticheskiye ocherki Rossii. Sochineniye Konstantina Arsen'yeva [Statistical essays of Russia. Composition by Konstantin

Arseniev]. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 1848. – 50s. (In Russ.).

20 Chevskiy V.G. (1892) Novosil' s uyezdom. Istoriko-statisticheskiy ocherk [Novosil with the county. Historical and statistical essay]. – Orel. Tipografiya Kosnitskoy i Sokolova. – 50s. (In Russ.).

ШИХЕР Наталья Дмитриевна, аспирант кафедры национальных и федеративных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, начальник отдела Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: Raspberry33@yandex.ru

SHIKHER N.D., Postgraduate student at the Department of National and Federal Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: Raspberry33@yandex.ru, AuthorID: 1086049

ДИСКУССИИ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DISCUSSIONS ON THE PREREQUISITES AND THE RESULTS OF THE FORMATION OF THE MODERN MODEL OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN RUSSIA

Аннотация. Цель статьи – изучение проблемы выбора актуальной для современной России модели государственно-конфессиональных отношений. В научном сообществе данная проблематика вызывает интерес и острые дискуссии. В основном предлагаемые исследователями варианты сводятся к трем моделям: сепарационной, кооперационной или идентификационной (приоритета Русской Православной Церкви). Приверженцы сепарационной модели свидетельствуют о параллельном и независимом сосуществовании государства и религиозных объединений. Они, апеллируя к конституционному принципу светскости. Сторонники кооперационной модели говорят об ориентации государства на взаимодействие с традиционными конфессиями и спорят относительно необходимости законодательной дифференциации религиозных объединений по признаку традиционности. Наконец, апологеты идентификационной модели полагают, что для России исторически и политически ближе модель примата Русской Православной Церкви. На наш взгляд, в России сложилась особая, гибридная модель государственно-конфессиональных отношений, которая может быть охарактеризована как преференциально-кооперационная. Кооперационный ее характер связан с конституционными принципами светскости и равенства религиозных объединений, а также с политическим курсом действующей власти на сотрудничество с традиционными религиозными объединениями. Преференциальный характер обусловлен публичной лояльностью политической элиты к Русской Православной Церкви, государственной поддержкой деятельности Всемирного русского народного Собора, национально-культурной самоидентификацией общества с православной традицией.

Ключевые слова: модель государственно-конфессиональных отношений, государство и религия, светское государство, Русская Православная Церковь.

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of choosing a model of state-confessional relations that is relevant for modern Russia. It is stressed that this issue is of interest and heated discussions in the scientific community.

Much attention is given to three models proposed by researchers: separation, cooperation (differentiated type) or identification (priority of the Russian Orthodox Church). The supporters of the separation model testify to the parallel and independent coexistence of the state and religious associations, appealing to the constitutional principle of secularism. The supporters of the cooperative model talk about the orientation of the state towards interaction with traditional confessions and argue about the need for legislative differentiation of religious associations based on traditions. Finally, apologists for the identification model believe that the model of the primacy of the Russian Orthodox Church is historically and politically closer to Russia. The author emphasizes that a special hybrid model of state-confessional relations has developed in Russia, which can be characterized as preferential-cooperative. Its cooperative nature is connected with the constitutional principles of secularism and equality of religious associations, as well as with the political course of the current government towards cooperation with traditional religious associations.

As a result, the author draws conclusions that the preferential nature is due to the public loyalty of the political elite to the Russian Orthodox Church, state support for the activities of the World Russian People's Council, the national and cultural self-identification of society with the Orthodox tradition.

Keywords: model of state-confessional relations, state and religion, secular state, Russian Orthodox Church.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема выбора актуальной для современной России модели государственно-конфессиональных отношений на протяжении последних десятилетий остается одной из обсуждаемых в научной доктрине. В основном исследователи склоняются к тому, что для России характерна одна из трех моделей: сепарационная (государство занимает нейтральную позицию в отношении религиозных объединений, акцентируя внимание на действующих конституционных принципах светскости и равенства религиозных объединений), кооперационная (государство взаимодействует с определенными религиозными объединениями, преимущественно в социальной сфере, однако принципы светскости и равенства религиозных объединений являются определяющими в государственно-конфессиональных отношениях), идентификационная (государство публично демонстрирует лояльность Русской православной церкви, интегрируя её в общественно-политическое пространство, конституционные принципы светскости и равенства религиозных объединений трактуются в соответствии с политикой государства).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первую группу представляют авторы, исходящие из конституционного принципа светскости и полагающие, что в России сложилась сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений. Согласно позиции коллектива тульских авторов, исходящих из приоритета конституционного принципа светскости, в российском законодательстве реализуется отделительная модель государственно-конфессиональных отношений [3]. О сепарационной модели свидетельствуют также Е. В. Бабошина [1] и С. О. Шаляпин. Однако, по мнению последнего, данная модель нейтральности, ориентированная на Францию, Голландию или США, не органична для России, поскольку не сочетается с национальной традицией. М. О. Шахов полагает, что

от категоричной и одновременно неопределенной конституционной формулировки, закрепляющей светскость, необходимо отказаться. Но при этом в реальности в России не может быть государственной религии: она должна оставаться светской с соблюдением принципа отделения религиозных объединений от государства.

В следующую, самую многочисленную группу входят исследователи, склоняющиеся к тому, что к российской современности приложима кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений. Причем некоторые из них поддерживают функционирование этой модели, а другие выступают ее противниками. Кроме того, представители данной группы дифференцируются по признаку отношения к практической реализации кооперационной модели: большая часть говорит о выделении государством для сотрудничества исключительно традиционных конфессий, а остальные рассуждают теоретически, не оговаривая круг религиозных объединений, с которыми государство взаимодействует. Начнем обзор с последних.

Так, о сложившейся в России кооперационной модели свидетельствуют Е. М. Мирошникова и Т. В. Мордовцева, поскольку при данной модели допустимо «выделение религиозных объединений, отражающих гражданскую, национальную, культурную идентичность большинства граждан» [8, С. 17]. Омские исследователи О. К. Шиманская и Е. Г. Матина констатируют, что в России реализуется кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, в рамках которой обеспечивается легитимное сотрудничество государства с религиозными объединениями. А основными принципами данной модели авторы называют мировоззренческий нейтралитет государства, толерантность и паритет. Нейтралитет они понимают, как неидентификацию государством религиозных и философских учений, невмешательство во внутреннюю жизнь религиозных объединений, жесткое соблюдение принципа равенства граждан, несмотря на их мировоззренческую позицию и убеждения.

Под паритетом предлагается понимать равенство людей в их шансах, независимо от разности убеждений. Толерантность видится авторами важнейшим принципом кооперационной модели, который выражается как в межличностных отношениях граждан, так и в контексте мирного сосуществования различных религиозных объединений.

Е. Н. Салыгин считает, что государственно-конфессиональные отношения в России формируются исходя из концепции исторической избирательности, в силу которой религиозным объединениям предоставляются определенные привилегии исходя из их культурных и исторических заслуг. При этом под привилегиями автор понимает осторожное отношение к иностранным религиозным группам, разделение всех религиозных объединений на организации и группы, борьбу с «тоталитарными сектами» и завуалированное закрепление в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» особой модели государственно-конфессиональных отношений, соответствующей реально сложившейся ситуации.

По мнению А. В. Исаева, в постперестроенные годы в России сложилась кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, предполагающая приоритетное сотрудничество государственных органов с наиболее массовыми и влиятельными религиозными объединениями во всех сферах жизни общества [5, С. 146].

Последователи кооперационной модели, как правило, одновременно ратуют и за законодательное закрепление за традиционными конфессиями особого статуса, обусловленного их историческим и национально-культурным влиянием на российскую государственность, а также отражающего реальное содержание современной государственно-конфессиональной политики.

И. В. Понкин указывает на то, что российская действительность диктует необходимость ранжирования религиозных объединений по признаку традиционности, поскольку, с одной стороны, это будет способствовать эффективному использованию их потенциала в духовно-нравственном образовании и воспита-

нии населения, а с другой – ограничению реализации нарушения прав граждан и российского законодательства со стороны маргинальных и преступных религиозных формирований [10, С. 63]. В другом месте автор поясняет, что введение понятия «традиционные религиозные организации» дифференцирует все религиозные объединения на традиционные для России и все остальные, что для первых будет означать возможность для расширенного сотрудничества с государством, а для последних не повлечёт никакой дискриминации или поражения в правах [10, С. 163].

По мнению А. В. Журавского, право государства ввести дефиницию традиционных конфессий обусловлено, во-первых, историческим прошлым тесного взаимодействия государства с традиционными конфессиями, во-вторых, отсутствием деструктивного элемента в их деятельности, в-третьих, их государствообразующим и культуурообразующим характером и, в-четвертых, наличием у государства опыта общения с традиционными конфессиями.

В научной литературе [2] предлагается ряд аргументов в пользу закрепления в законодательстве термина «традиционные конфессии»: в целях борьбы с религиозным экстремизмом необходима государственная поддержка таких религиозно-мировоззренческих идеалов, которые способны предотвратить распространение в общественном сознании радикальных экстремистских религиозных взглядов; Русская православная церковь сыграла государствообразующую роль в истории России и культууроформирующую роль в отношении русского народа; большая часть гражданского общества России представлена православием и исламом; в международном и российском законодательстве отсутствуют юридические препятствия для признания особой исторической роли традиционных конфессий; традиционные конфессии могут оказывать государству неоценимую помощь в обеспечении духовно-нравственной безопасности.

Таким образом, по сути, приверженцы кооперационной модели практически единогласно свидетельствуют о необходимости

дифференциации религиозных объединений по признаку традиционности. В свою очередь, противники кооперационной модели настаивают на антиконституционности такого деления.

С. А. Бурьянов и С. А. Мозговой утверждают, что «введение в правовой оборот неопределенного термина «традиционная» конфессия вообще может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы. Сколько времени необходимо религиозному объединению, чтобы стать традиционным? 15, 50, 100 или 1000 лет? Каких-либо критериев ни в науке, ни в праве не существует. Да и вообще в государстве, провозгласившем в своем Основном Законе равенство (ст. 14 Конституции РФ), не должно быть таких исключений». В своём докладе за 2011 год С. А. Бурьянов настаивает на системном нарушении государством конституционного принципа светскости посредством «клерикальной идеологизации органов власти и государственного управления, силовых структур, государственной (и муниципальной) системы образования. Клерикальная идеологизация государства – нарушение мировоззренческого нейтралитета, выражающаяся в сращивании институтов государства с религиозными организациями, доктринальные установки которых используются в качестве государственной идеологии...». Также о признаках клерикализации общества и размывании светскости государства рассуждает К. Г. Каневский, усматривающий в этом нарушение конституционных прав граждан на свободу совести. Он приводит следующие характеристики клерикализации общества: заключение религиозными организациями (в основном Русской православной церковью) партнерских соглашений с органами власти; предоставление отдельным церковным иерархам привилегий, предназначенных для государственных деятелей; привлечение священнослужителей в военные подразделения; отчисление финансовых средств религиозным организациям из государственной и муниципальной казны; поддержка государственной политики авторитетными религиозными организациями.

Исходя из данных пунктов, К. Г. Каневский делает вывод о том, что систему государственно-конфессиональных отношений в стране можно охарактеризовать как кооперационную.

Бывший омбудсмен О. О. Миронов полагает, что выделение некоторых конфессий по признаку традиционности создает условия для дискриминации иных религиозных объединений, что вступает в противоречие с требованиями Конституции Российской Федерации и международными обязательствами в сфере прав человека.

Интересна позиция американского публициста Ф. Штаркмана, который выступает против укрепления в России позиций традиционных конфессий, мотивируя это политическими интересами Америки. По его мнению, Россия представляет для оборонной промышленности и экономики Соединенных Штатов одну из главных и опасных угроз. Возможность для снижения данной угрозы автор видит в способствовании американской внешней политики мировоззренческому расколу в России и разделению общества в идеологической и религиозной сферах. Америка, по убеждению Ф. Штаркмана, заинтересована в ослаблении русского православия и укреплении в России позиций католицизма и иных религий и философий.

И. В. Степакова [11, С. 268] считает, что в настоящее время в России еще не сформирована кооперационная модель, но есть все предпосылки к ее реализации в скором времени: стремление государства играть значимую роль в регулировании отношений между религиозными объединениями; выраженная лояльность государства по отношению к традиционным конфессиям, несмотря на то что официально такого статуса у них нет, но исходя из преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» понятен перечень таких конфессий; складывающаяся практика заключения государственно-конфессиональных соглашений.

Автор подробно рассматривает каждую из возможных моделей, которые могут сложиться в России, относя их все к кооперационному

типу¹: модель государственной церкви (на статус которой претендует Русская православная церковь), модель конкордатов (наделение различных религиозных объединений своим набором прав и обязанностей) и модель поддержки нескольких религиозных объединений (наделение нескольких конфессий статусом традиционных). И. В. Степакова полагает, что при любой из указанных моделей перед Россией встанет вопрос изменения Конституции страны (в частности части 1 статьи 14, статьи 28), в связи с чем предлагает модель развития государственно-конфессиональных отношений, при которой роль государства в регулировании межконфессиональных отношений сводится к минимуму, что будет способствовать гарантиям соблюдения принципа свободы совести и вероисповедания и снимет противоречия между соблюдением конституционного принципа светскости и предпосылками к формированию кооперационной модели. Только в этом случае, по ее мнению, «можно будет говорить о либеральном стандарте религиозной свободы» [11, С. 281].

Последнюю группу представляют авторы, считающие, что для России характерна модель примата Русской православной церкви. При этом среди них, так же, как и в предыдущей группе, выделяются апологеты данной модели, ее противники, а также теоретики, не обозначающие своего субъективного отношения.

К последним относятся представители Тульского государственного университета им. Л. Н. Толстого, которые полагают, что «тенденция к идентификационной модели имеется именно в политической сфере» [3]. Также и Б. К. Кнорре рассуждает о сложившейся в России церковно-государственной симфонии, которая, конечно, существенным образом отличается от симфонии времен Византии. По его мнению, современная российская симфония, ввиду отсутствия государственной церк-

ви, опирается на сложившуюся систему неформальной церковно-государственной коммуникации (между церковными иерархами и политической элитой)».

В. И. Гараджа, в целом относившийся к привилегированности отдельных конфессий отрицательно, соглашался с тем, что для прочности государства необходимо признание определенных национально-политических идей, транслируемых доверенной религиозной организацией, полезными и обязательными для всех граждан. Автор озвучивает признак «национально-патриотической традиции», призванный выделить определенную конфессию среди прочих и оказать ей государственную поддержку.

Сторонники идентификационной модели и выделения Русской православной церкви среди прочих религиозных объединений исходят из того, что именно православие явилось государствообразующей и культуuroобразующей религией для России, и на протяжении тысячелетия государство взаимодействовало преимущественно с Русской православной церковью.

По мнению А. В. Еремина, Русская православная церковь «связывается с идентификационным паттерном далеко не только верующими или воцерковленными людьми, но и теми, кто осознает важность православия для историко-культурного процесса России и воспринимает его как концепт, позволяющий идентифицировать себя частью единого культурного пространства... стремление двух институтов к формам взаимодействия, которые законодательно закрепляют приоритетное положение православия, а также тенденция к административному ресурсу регулирования религиозной сферы свидетельствуют об актуализации механизмов, которые были актуальны для России длительный исторический период». По мнению В. А. Зверевой и Е. В. Белогубовой, роль православия для России обусловлена его историческим значением, поскольку оно является «носителем не только традиционных ценностей, но и социокультурных смыслов, определяя основные контуры общественного сознания и оказывая заметное

¹ Следует отметить, что к кооперационному типу И. В. Степакова относит не только взаимодействие на основе партнерства (конкордатов), но и модель государственной церкви.

влияние на политическую сферу общества» [4].

Довольно необычно и даже несколько парадоксально звучит мнение экс-директора Кестонского института Л. Юзелла: «Я не считаю существование государственной религии нарушением религиозной свободы: государственная религия есть в Норвегии, в Великобритании. Если бы Православная Церковь была государственной в России, я не считал бы это незаконным по отношению к правам человека».

Интересна позиция К. Штекль, которая главное преимущество моделей государственной церкви и избирательного сотрудничества усматривает в том, что фундаменталистские группы в указанных обстоятельствах не имеют шансов на официальное взаимодействие с государством и обречены на маргинальность. Противопоставляя этим двум моделям модель отделения церкви от государства, автор констатирует резкое увеличение возможности на успех для фундаменталистских религиозных групп [12].

Противники идентификационной модели исходят из тех же обоснований, что и их коллеги, выступающие против кооперационной модели. Кроме этого, в артикуляции преимущественного положения Русской православной церкви они видят опасность для развития межрелигиозной конфронтации.

К примеру, М. И. Одинцов полагает, что отказ государства от светской модели законодательного регулирования возрождение близких отношений с Русской православной церковью, что иными религиозными организациями было воспринято в качестве рецидива «имперской политики» с восстановлением государственной церкви и навязыванием православной идеологии.

Похожие мнения высказывают и другие авторы. Так, Н. А. Митрохин полагает, что общество недовольно претендованием Церкви на духовное наставничество государственных деятелей, лоббированием Русской православной церковью властных интересов, а также отождествлением многонационального и многоконфессионального российского народа

с православной идентичностью [7, С. 7]. В. С. Кржезов считает, что стремление государства рассматривать последователей лишь одной конфессии в качестве носителей «подлинно-национального» духа и высокой нравственности может быть опасным, способным спровоцировать конфликты на этнокультурной и конфессиональной почве, создавая вполне реальную угрозу политическому единству государства, а также духовному единению ее граждан [6].

М. С. Штерин, рассуждая о закреплении в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» «особой роли православия», констатирует, что «закон вводит то, что можно назвать «квазиофициальной религией». И хотя автор признаёт, что такое закрепление не влечет никаких правовых преференций для Русской православной церкви и сходно с законодательным регулированием ряда европейских стран, в то же время он полагает, что российские религиозные меньшинства попадают в уязвимое положение в силу высокого влияния в обществе идеологических мотивов, которые имеют большую силу в сравнении с правовыми процедурами.

В своем диссертационном исследовании А. В. Алексеев приходит к выводу, что в России сложилась «гибридная форма», для которой характерно сочетание элементов кооперационной модели церковно-государственных отношений и следующих четырех факторов: усиления контроля за регулированием религиозной сферы со стороны государства, развития церковно-государственной бюрократизации, усиления государственной поддержки Русской православной церкви и дискриминации новых религиозных объединений, частичных нарушений в сфере права на свободу совести. Однако, исходя из обозначенных А. В. Алексеевым характеристик, скорее, речь идет не о кооперационной, а об идентификационной модели, где преимущество со стороны государства отдается исключительно Русской православной церкви.

Нельзя обойти вниманием и известное письмо в адрес Президента России

В. В. Путина десяти академиков Российской академии наук «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?». Основной смысл письма сводится к тому, что в российском обществе нарастает клерикализация, которая, по мнению авторов письма, заключается во введении в школьную программу курса «Основы православной культуры» и включении в перечень научных специальностей «теологии».

В заключение обзора научных взглядов на современную российскую модель государственно-конфессиональных отношений можно привести мнение В. А. Зверевой как автора комплексной модели. В своем диссертационном исследовании она пришла к выводу, что современная модель отношений Российского государства с конфессиями характеризуется гибридным трёхсоставным содержанием: элементами дореволюционной дифференциации вероисповеданий с приматом Русской православной церкви; советской атеистической моделью; кооперационной моделью, подразумевающей взаимодействие светского государства с некоторыми религиозными объединениями в особо важных сферах жизни общества [4].

Таким образом, большинство современных исследователей в области государственно-конфессиональных отношений сходятся в том, что в современной России сочетаются законодательно закрепленные принципы светскости и равенства религиозных объединений с государственной политикой привилегированности отдельных религиозных организаций (одной организации) по признаку их исторической традиционности и национально-культурной роли. При этом часть авторов соглашается с таким положением дел и выступает за нормативно-правовое его закрепление в виде законодательной дефиниции «традиционные религиозные объединения»; другая же часть выступает против какой-либо дифференциации религиозных объединений, считая это нарушением вышеназванных конституционных принципов.

На наш взгляд, в современной России сложилась гибридная модель государственно-

конфессиональных отношений, вбирающая в себя признаки всех вышеизложенных вариантов, которая может именоваться как преференциально-кооперационная. Кооперационный характер связан с законодательным регулированием, которое включает в себя: конституционный принцип светскости; конституционный принцип отделения религиозных объединений от государства; конституционный принцип равенства религиозных объединений; акцентирование в федеральном законодательстве особой роли православия и выделение четырех мировых религий; организация на подзаконном уровне сотрудничества государства с религиозными объединениями (преимущественно относящимися к православию и исламу); использование на подзаконном уровне и в правоприменительной практике органами исполнительной власти неоднозначных терминов типа «секта», «деструктивный культ» и иных подобных в отношении нетрадиционных религиозных объединений.

Здесь следует остановиться на понимании конституционных принципов светскости и равенства религиозных объединений. Как отметил в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, «принцип светского государства не может истолковываться и реализоваться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий». Как представляется, внесённые в 2020 году изменения в российскую Конституцию, определили угол зрения, под которым следует понимать конституционный принцип светскости, не отождествляя его с атеистическим отношением к религии. Как верно подметил А. М. Осавелюк, «демократическое светское государство ни в коей мере не вправе занимать нейтральную позицию по отношению к исповедуемым обществом моральным ценностям» [9, С. 39]. С одной стороны, принцип светскости диктует необходимость четкого разграничения областей деятельности между государством и конфессиями и гарантии вза-

имного невмешательства во внутренние дела друг друга, а с другой – не запрещает их сотрудничества в тех сферах, где задействованы морально-нравственные категории, единый стандарт светского государства отсутствует: где-то религиозные объединения полностью отделены от государства, где-то выделяются доминирующие религиозные объединения, с которыми заключаются договоры, где-то доминирующему религиозному объединению отдаются определенные преференции и т. п. Как представляется, наиболее оптимальным вариантом светского государства можно назвать такой, где не допускается вмешательства в дела религиозных объединений и религиозные нормы не включаются в систему права, но религия не исключается из общественной жизни, а, напротив, приветствуется активное взаимодействие властных органов с религиозными объединениями как хранителями непреложных морально-нравственных ценностей.

Что касается принципа равенства религиозных объединений, то здесь важно не отождествлять равенство религиозных объединений с равенством их статуса. По справедливому замечанию И. А. Куницына, важно разделять принцип равноправия религиозных объединений, то есть законодательно обусловленного наличия равного объема прав, от равенства перед законом, подразумевающего осуществление деятельности любого религиозного объединения на основании законодательства Российской Федерации. Иными словами, религиозные объединения не могут подвергаться дискриминации своих прав, однако в неправовом поле государство не связано запретами в предпочтении тех или иных религиозных объединений в зависимости от конкретных целей и ситуации. И этот акцент, на наш взгляд, означает именно то, что государство и религиозные объединения неразличны друг другу: принцип светскости не означает, что между ними должно быть противопоставление, но допускает союзничество в общих целях.

Переходим к характеристике преференциального компонента предложенной модели,

который обусловлен реальной политической ситуацией, формируемой внеинституциональной государственно-конфессиональной коммуникацией и гражданским обществом: личное взаимодействие Президента России только с религиозными лидерами христианства, ислама, буддизма и иудаизма (при этом наиболее тесное общение организовано с Патриархом Московским и всея Руси); лояльность власти к деятельности Всемирного русского народного собора и реализация продвигаемых им концептов, ориентированных на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, поддержку Русской православной церкви и включение православного контекста во все сферы государственно-общественного развития; публичная самоидентификация с православием представителей высших органов власти, включая Президента России; публичные заявления Президента РФ и высших должностных лиц о лояльности к традиционным религиозным ценностям, прежде всего христианским; самоидентификация большей части населения России с православием; ассоциирование обществом национальной духовной культуры преимущественно с православием, а также с исламом, в меньшей степени – с буддизмом и иудаизмом; негативное отношение гражданского общества к новым религиозным движениям и произвольное отождествление их с деструктивными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно ответить, что, несмотря на то что Российское государство позиционирует себя светским, как и большинство европейских стран, оно активно сотрудничает с религиозными объединениями, преимущественно традиционными, отдавая предпочтение среди них Русской православной церкви. На наш взгляд, предложенная преференциально-кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, при условии её добросовестной реализации, правомерна и закономерна для России.

Библиография / References:

1. Бабошина Е.В. Правовая политика стран Западной Европы в сфере конфессиональных отношений // *Философия права*. – 2010. – № 1. – С. 62–65.
2. Баранов П.П. Совершенствование конституционно-правовых основ функционирования Русской православной церкви и гражданского общества // *Философия права*. – 2012. – № 4 (53). – С. 15–19.
3. Богомазова Н.Л., Валеева Г.В., Слобожанин А.В. Специфика государственно-конфессиональных отношений в России (конец XX – начало XXI века) // *Грамота*. – 2019. – Т. 12. – Выпуск 10. – С. 219–222.
4. Зверева В.А., Белогубова Е.В. Диалектика государственно-конфессиональных отношений в России: историко-культурный аспект // *Власть*. – 2016. – № 3. – С. 97–100.
5. Исаев А.В. Роль и место Русской православной церкви в развитии государства: история и современность // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2010. – № 1. – С. 138–148.
6. Кржевов В.С. Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? // *Философские науки*. – 2012. – № 10. – С. 93–105.
7. Митрохин Н.А. Церковь, этнонационализм и государство // *Pro et contra*. – 2013. – № 5. – С. 6–16.
8. Мордовцева Т.В. Клерикализм в условиях светской российской государственности // *Философия права*. – 2013. – № 4. – С. 16–21.
9. Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 года в Конституции России) // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15. – № 8 (117). – С. 32–42.
10. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.
11. Степакова И.В. Современное Российское государство и РПЦ: особенности и перспективы взаимоотношений // *Политэкс*. – 2011. – Т. 7. – № 3. – С. 265–281.
12. Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2018. – № 3. – С. 15–25.
1. Baboshina Ye.V. (2010) Pravovaya politika stran Zapadnoy Yevropy v sfere konfessional'nykh otnosheniy [Legal policy of Western European countries in the sphere of confessional relations] // *Filosofiya prava*. – №1. – S.62–65. (In Russ.).
2. Baranov P.P. (2012) Sovershenstvovaniye konstitutsionno-pravovykh osnov funktsionirovaniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi i grazhdanskogo obshchestva [Improving the constitutional and legal foundations for the functioning of the Russian Orthodox Church and civil society] // *Filosofiya prava*. – № 4 (53). – S.15–19. (In Russ.).
3. Bogomazova N.L., Valeyeva G.V., Slobozhanin A.V. (2019) Spetsifika gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii (konets XX – nachalo XXI veka) [The specifics of state-confessional relations in Russia (the end of the 20th - the beginning of the 21st century)] // *Gramota*. – T.12. – Vypusk 10. – C.219–222. (In Russ.).
4. Zvereva V.A., Belogubova Ye.V. (2016) Di-alektika gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossii: istoriko-kul'turnyy aspekt [Dialectics of State-Confessional Relations in Russia: Historical and Cultural Aspect] // *Vlast'*. – № 3. – S.97–100. (In Russ.).
5. Isayev A.V. (2010) Rol' i mesto Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v razvitii gosudarstva: istoriya i sovremennost' [The role and place of the Russian Orthodox Church in the development of the state: history and modernity] // *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. – №1. – S.138–148. (In Russ.).
6. Krzhevov V.S. (2012) Religiya v sovremennoy Rossii: dukhovnoye vozrozhdeniye ili klerikalizatsiya obshchestva? [Religion in modern Russia: spiritual revival or clericalization of society?] // *Filosofskie nauki*. – №10. – S.93–105. (In Russ.).

7. Mitrokhin N.A. (2013) Tserkov', etnonatsionalizm i gosudarstvo [Church, ethnonationalism and the state] // Pro et contra. – №5. – S.6–16. (In Russ.).

8. Mordovtseva T.V. (2013) Klerikalizm v usloviyakh svetskoy rossiyskoy gosudarstvennosti [Clericalism in the conditions of secular Russian statehood] // Filosofiya prava. – №4. – S.16–21. (In Russ.).

9. Osavelyuk A.M. (2020) Razmyshleniya o svetskom gosudarstve (v svete izmeneniy 2020 goda v Konstitutsii Rossii) [Reflections on a secular state (in the light of the 2020 changes in the Constitution of Russia)] // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – T.15. – №8 (117). – S.32–42. (In Russ.).

10. Ponkin I.V. (2003) Pravovyye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya [Legal foundations of the secular state and education]. – M.: Pro-Press. – 416s. (In Russ.).

11. Stepakova I.V. (2011) Sovremennoye rossiyskoye gosudarstvo i RPTS: osobennosti i perspektivy vzaimootnosheniy [The Modern Russian State and the Russian Orthodox Church: Peculiarities and Prospects of Relations] // Politeks. – T.7. – №3. – S.265–281. (In Russ.).

12. Shtekl' K. (2018) Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Three models of church-state relations in modern Russia] // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. – №3. – S.15-25. (In Russ.).

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Россия, Москва), e-mail: natiche84@mail.ru, AuthorID: 619490

CHERNYSHEVA N.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Research Officer, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: natiche84@mail.ru, AuthorID: 619490

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1939 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

PREPARATION AND CONDUCTION OF THE ALL-UNION POPULATION CENSUS OF 1939 ON THE TERRITORY OF VOLGA-VYATKA REGION

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть вопросы подготовки и проведения Всесоюзной переписи населения 1939 года на территории Волго-Вятского региона. Автор определяет основные задачи переписи и анализирует каждый её этап: подготовительный, основной и заключительный. Выделяются характерные для Волго-Вятского региона особенности подготовки переписи, а также анализируется ее проведение. Делается вывод о наличии определенных трудностей в ходе подготовки и проведения переписи: языковых, кадровых, связанных со спецификой расселения. Указывается высокая степень организации и проведения переписи, наличие опубликованных и неопубликованных сведений о населении Волго-Вятского региона в предвоенные годы.

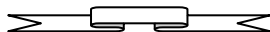
Ключевые слова: Россия, Всесоюзная перепись населения 1939 год, Волго-Вятский регион, предвоенные годы (1939–1940 гг.).

Abstract. The purpose of the article is to analyze the preparation and conduction of the All-Union population census of 1939 on the territory of Volga-Vyatka region.

Much attention is given to the tasks of the census and analysis of its stages: preparatory, main and final. The features of the preparation of the census of Volga-Vyatka region are highlighted, and its conduction is also analyzed.

As a result, the author draws conclusions that there are certain difficulties in the preparation and conduction of the census: language, personnel, and those associated with the peculiarities of the settlement. The level of organization and conduction of the census, the presence of published and unpublished information about the population of Volga-Vyatka region in the prewar years are indicated.

Keywords: Russia, All-Union population census of 1939, Volga-Vyatka region, prewar years (1939–1940).

ВВЕДЕНИЕ

Перепись населения является важнейшим источником информации о населении. Плановые экономические показатели основывались на данных о численности и составе

населения СССР в целом и его союзных республик. Однако в 1930-е годы в системе учета и статистики населения СССР существовали проблемы организационного, процессуального и идеологического характера [17]. Учитывая опыт Всесоюзной переписи насе-

ления 1937 г., последние имели особое значение в ходе подготовки и проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. В итоге новая перепись населения была еще более политизирована. Руководящий состав в центре и на местах не мог не понимать последствий возможных очередных «неудач».

Введение в научный оборот неопубликованных ранее документов федеральных и региональных архивов, в том числе по аспектам, освещающим опыт подготовительной работы статистиков, восприятие переписи населением, определяет научную новизну данного исследования. В работе использовались общенаучные методы, специальные исторические методы и статистические методы.

Автор использует в статье опубликованные и неопубликованные источники (нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию, статистические документы, издания периодической печати). В публикации представлены фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также региональных архивов (Государственного архива Республики Марий Эл (ГАРМЭ), Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО), Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО), Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГАРМ)).

В период проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. и ее первых итогов в журналах «Большевик», «Плановое хозяйство», «Проблемы экономики» публикуются аналитические статьи по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. [4; 10; 23; 24]. В последующие годы вплоть до 1950-х гг. данная тематика практически не изучалась в СССР. В послевоенные годы вышла монография американского исследователя Ф. Лоримера с анализом итогов переписей 1926 и 1939 гг. [29]. В 1953 г. – работа П. Г. Подъячих [25]. В конце 1980-х – 1990-е гг. опубликованы материалы Всесоюзных переписей

населения 1937 г. и 1939 г. Это дало возможность исследовать малоизученные вопросы: численность, состав, а также естественное движение населения страны (А. Г. Волков, В. П. Дмитренко, В. А. Исупов, В. Б. Жиромская, Ф. Д. Лившиц, Ю. А. Поляков, М. С. Тольц и другие) [5; 6; 7; 8; 11; 13; 16; 19; 20; 27]. Тогда же были опубликованы работы демографов (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова) [1; 2; 3]. В 2000-е годы историки продолжили изучение Всесоюзной переписи населения 1939 г. [12; 14; 15; 18; 21; 22]. Исследователи отдельных регионов в основном обращаются к итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г., не затрагивая преимущественно вопросы ее подготовки и проведения [26; 28]¹. Тематика советских переписей вновь актуализировалась в рамках проведения Всероссийской переписи населения 2021 г.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении вопросов подготовки и проведения Всесоюзной переписи населения на территории отдельно взятого региона с привлечением федеральных и региональных исторических источников.

Подготовительные мероприятия

Советская статистика 1930-х годов определяла перепись как «сплошную массовый счет определенных объектов на некоторый момент времени», учитывая наличное и постоянное население (РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 180. Л. 87.). При организации переписи учитывались необходимость единовременного ее проведения, удачный выбор времени, краткий срок, наличие программы подбора и подготовки счетчиков. Современная демографическая энциклопедия определяет перепись населения как «процесс сбора демо-

¹ Вшивцева Ю.В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект. 1939–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2010. – 175 с.; Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2016. – 698 с.; Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 2014. – 57 с.

графических, экономических и социальных данных, характеризующих в определенный момент времени каждого жителя страны или территории» [9, С. 569]. Перепись населения как процесс сбора данных включает в себя три этапа: подготовительный, основной и заключительный.

Практически сразу после подведения итогов Всесоюзной переписи населения 1937 г., материалы которой были признаны недействительными, началась подготовка к новой переписи. Создана Комиссия ЦУНХУ СССР по подготовке переписи. Контроль за подготовкой и проведением Всесоюзной переписи населения 1939 г. взял в свои руки председатель СНК СССР В. М. Молотов, и статистикам приходилось согласовывать вопросы лично с ним. В организационном плане подготовка и проведение переписи были продуманы тщательно [8, С. 5].

Программа переписи включала 16 вопросов: общедемографические; о гражданстве; о национальности и языке; характеризующие культурный уровень населения; отражающие отраслевой, профессиональный и национальный состав населения [8, С. 13]. Переписной лист был напечатан на 22 языках [15, С. 237].

Подготовка переписи началась с уточнения списков населенных мест, далее составлялись схематические карты, упорядочивались похозяйственные книги, организовывались предварительные обходы участков [15, С. 236–237]. Было проведено специальное мероприятие по повышению точности учета – сплошной контрольный обход – и введен специальный контрольный бланк для лиц, во время переписи отсутствовавших в помещении (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 213. Л. 2–2 об.) [20, С. 130].

В июле 1938 г. СНК СССР утвердил «Инструкцию ЦУНХУ при Госплане СССР по заполнению переписного листа Всесоюзной переписи населения 1939 г.». Подготовлен в качестве пособия для разработки переписи «Словарь национальностей», который, в частности, использовался статистиками на местах в ходе подготовки и проведения пе-

реписи (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 2. Л. 1–10).

При переписном районировании учитывалось расселение населения, уточнялись списки населенных пунктов. Например, в Кировской области население проживало крайне неравномерно в силу наличия малых по численности населения населенных мест, особенно в лесных районах (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 20. Л. 15–16; ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 1603. Л. 56–57). В Горьковской области и Марийской АССР также проводилась работа по подготовке переписи в местах лесозаготовок (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 29. Л. 12). Кроме того, в Горьковской области имела существенная дифференциация норм нагрузок по отдельным районам и сельсоветам. Выделялось три группы сельских районов: 17 районов с наличием мелких населенных пунктов с большим радиусом расстояния; 29 районов с крупными, компактно расположенными населенными пунктами; 15 районов со средними населенными пунктами (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 7. Л. 23). В г. Горьком – одном из крупнейших городов РСФСР – имелся массив мелких построек, расположенных на довольно сложном для обхода ландшафте. Город был разделен на три части: крупная застройка, мелкая застройка и еще более мелкая застройка (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 7. Л. 12). Автозаводской район выделен в отдельный переписной участок, так как не был подчинен Горьковскому горсовету, а подчинялся непосредственно Горьковскому облисполкому. При проведении переписного районирования имелись случаи «утери» домов. Например, в г. Дзержинске не включили ни в один переписной участок дом на улице Свердловской¹.

В декабре 1937 г. в г. Саранске УНХУ провело совещание по вопросам составления списков населенных мест, домовладений, уточнения границ и пр. (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 5). К 1 апреля 1938 г. были подготовлены картографический материал, списки населенных мест и домовладе-

¹ Осталось два дня // Горьковская коммуна. – 1939. – 15 янв. – № 12. – С. 3.

ний. Некоторым районам вернули списки на доработку (не были присоединены к населенным пунктам отдельно стоящие строения) (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 7). Отмечалось плохое состояние заполнения похозяйственных книг. Осенью 1938 г. были организованы и проведены курсы районных участковых инспекторов (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 16).

На основании итогов переписного районирования созданы переписные отделы, инструкторские и счетные участки. В сельской местности переписные отделы совпадали с районом деятельности участковых инспекторов народнохозяйственного учета (не менее 10 тыс. чел., но не более 30 тыс. чел.). В городах переписные отделы должны были объединять в среднем восемь инструкторских участков. Большие сельсоветы допускалось делить на два инструкторских участка. По вопросам переписи организовывалась проверка знаний и проводился инструктаж¹.

Предполагалось, что максимальная нагрузка на одного счетчика должна составлять 900 чел. Средняя норма на городской переписной участок 2736 чел., на сельский – 2777 чел., на железнодорожных станциях организовывали бригады переписчиков (ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 24. Д. 28. Л. 15–16).

В итоге в г. Горьком было организовано 19 переписных отделов, 154 инструкторских участка, 974 счетных участка (ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 1. Д. 1347. Л. 52). В Горьковской области создано 228 переписных отделов, 1758 инструкторских и 8086 счетных участков. В проведении переписи населения в области задействовано 12 824 чел., из них 10,2 % членов и кандидатов в члены партии и 26,3 % комсомольцев. Большинство имело высшее (5,3 %) и среднее образование (47,2 %). Кадровый костяк состоял из учителей (27,5 %), секретарей сельсоветов (4,3 %), бухгалтеров и счетоводов колхозов (16,4 %). 53,6 % кадров участвовало в прежних пере-

писях и 71,1 % – в выборах Верховного Совета (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1650. Л. 79). Типичным переписчиком в 1939 г. был мужчина старше 26 лет, беспартийный, имевший среднее или специальное образование, работающий учителем, бухгалтером или конторским служащим [15, С. 239].

Стоит отметить, что имелись определенные трудности с подбором кадров разного характера. Например, в г. Горьком после увольнения начальника городского бюро переписи несколько месяцев не могли подобрать новую кандидатуру. Директор Уреньской неполной средней школы Прокушкин всячески пытался не пустить на перепись двух учителей, за что впоследствии был снят с работы. Директор Саровского машиностроительного завода Ремизов предупредил инструктора-контролера Запятникова, являвшегося работником завода, что если он оставит основную работу и займется вопросами переписи, то будет снят с работы. Данный факт был передан в прокуратуру (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 15).

Подготовка и проведение Всесоюзной переписи населения 1939 г. сопровождалась мощной агитационной кампанией. Киностудия «Мосфильм» сняла кинофильм «Великий счет», для руководящих работников переписи издавался журнал «Информационное письмо», выпускались большими тиражами брошюры, агитационные материалы [25, С. 124, 126].

В центральной и местной периодической печати публиковались информационные сообщения о подготовке и ходе переписи населения².

¹ Указания к составлению организационных планов проведения переписи населения 1939 года в районах и городах. – М.: Госстатиздат, 1957. – С. 5–6.

² Бабушкин В. И., инструктор-контролер 3-го участка г. Йошкар-Ола. Готовимся к учету населения // Марийская правда. – 1939. – 9 янв. – № 7. – С. 3; Бозин Д. Начальник бюро всесоюзной переписи населения 1939 года. О переписном листе // Марийская правда. – 1939. – 3 янв. – № 2. – С. 3; Всенародный счет начался // Комсомольская правда. – 1939. – 18 янв. – № 18. – С. 1; Всесоюзная перепись – кровное дело комсомола // Комсомольская правда. – 1939. – 9 янв. – № 7. – С. 1; Всесоюзная перепись населения должна быть проведена без единого пропуска, без ошибок // Правда. – 1939. – 15 янв. – № 15. – С. 1; Всесоюзная перепись населения. Начались контрольные обходы // Комсомольская правда. – 1939. – 25 янв. – № 19.

В Яранском районе инструктор-контролер В. Н. Веснин (директор школы) первым в районе развернул широкую массово-разъяснительную работу. В Пушкинском сельсовете он провел 57 колхозных собраний и бесед с колхозниками, на которых присутствовало 1548 чел.¹ В ходе бесед агитаторы разъясняли, как отвечать на вопросы переписного листа².

Однако далеко не во всех районах проводились собрания. Например, в Советском районе Кировской области в 80 колхозах были проведены собрания по вопросам переписи³. Агитаторы механического цеха завода «Красное Сормово» (Горьковская обл.) ограничились проведением общих собраний, на одном из которых давали неверные разъяснения: гражданин при переписи должен предъявить документы, на строительном участке № 5 было заявлено, что рабочие завода будут проходить перепись по месту работы (ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 1. Д. 1347. Л. 60). В с. Старые Селищи Мордовской АССР на беседе гражданин Антонов задал вопрос агитатору: «Коммунисты отказались от Бога, нельзя ли отказаться от коммунистов?» (ЦГАРМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 839. Л. 1). В с. Курмачкасы этой же автономной республики монахины заявляли местным жителям:

«Кто запишется, будут палить на костре» (ЦГАРМ. Ф. 269-П. Оп. 2. Д. 839. Л. 2).

Агитаторы обходили дома колхозников с разъяснениями задач переписи, были организованы агитационно-лыжные походы. Например, пять агитаторов совершили переход от г. Муром в г. Горький, посетив 13 селений. Агитколонна Горьковского обкома партии на автомашине с артистами посетила два сельских района. С докладами и беседами выступили агитаторы. Оформлялись витрины с вырезками из статей газет, раздавались листовки, агитаторы выступали с докладами по радио (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1650. Л. 3; ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 27–30).

С 1 по 11 января 1939 года была проведена проверка готовности к переписи, с 12 по 16 января 1939 года. – предварительные обходы, практика которых была применена впервые [25, С. 87].

Основной этап переписи

Перепись населения проводилась методом опроса: в городской местности – 7 дней, в сельской – 10 дней. В гостиницах перепись началась не в 8 утра, а в 12 ночи, в проездах переписывали граждан 17 января 1939 года⁴. Учитывались военнослужащие и спецконтингент. Путем перераспределения 1,5 млн военнослужащих и заключенных были включены в итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года [8, С. 9].

В Горьковской области переписали пассажиров 11 поездов, пассажиров, задерживающихся от графика движения поездов оперативно переписывали в других городах (ЦАНО. Ф. Р-3074 Оп. 1. Д. 1813. Л. 6.). На вокзале станции Саранск и на транспорте перепись прошла организованно⁵. На поезде № 73 переписная бригада не выдала кон-

– С. 2; До начала Всесоюзной переписи населения осталось 6 дней // Комсомольская правда. – 1939. – № 9. – С. 1; Осталось два дня // Горьковская коммуна. – 1939. – 15 янв. – № 12. – С. 3; Перепись населения СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1939. – 17 янв. – № 1. – С. 3; Провести Всесоюзную перепись населения без единого пропуска, без ошибок // Горьковская коммуна. – 1939. – 17 янв. – № 14. – С. 2; Сегодня начинается Всесоюзная перепись населения // Горьковская коммуна. – 1939. – 17 янв. – № 14. – С. 1; Соколов. Начальник бюро переписи населения Марийской АССР. Долг каждого гражданина // Марийская правда. – 1939. – 17 янв. – № 14. – С. 3; Спицын П. Агитация о переписи в уличных комитетах // Марийская правда. – 1939. – 14 янв. – № 11. – С. 1; Страна готовится к великому счету // Комсомольская правда. – 1939. – 15 янв. – № 12. – С. 1; 17 января – начало Всесоюзной переписи // Красная Мордовия. – 1939. – 12 янв. – № 10. – С. 3;

¹ Михалев С. Активисты переписи // Кировская правда. – 1939. – 4 янв. – № 3. – С. 3.

² Бурова. Е. Огромный интерес к переписи // Кировская правда. – 1939. – 4 янв. – С. 2.

³ Иволгин И.Г. Перепись населения – всенародное дело // Кировская правда. – 1939. – 9 янв. – № 7. – С. 1.

⁴ Моносзон А. И., начальник областного бюро переписи населения. Великий счет // Горьковская коммуна. – 1939. – 17 янв. – № 14. – С. 2.

⁵ Огнев В. На вокзале станции Саранск // Красная Мордовия. – 1939. – 18 янв. – № 15. – С. 3; Сазанов А. Образцово проведена перепись на транспорте // Красная Мордовия. – 1939. – 25 янв. – № 19. – С. 1.

трольных удостоверений, допущенную ошибку исправили.

Счетчики встречали «тепло и радостно», охотно отвечали на вопросы (ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л. 35)¹. Гражданка Колобова, проживающая на ул. Свердлова г. Горького, оставила счетчику записку, чтобы он пришел на следующий день в 7 утра. Когда счетчик пришел, для него был приготовлен завтрак (ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 1. Д. 1347. Л. 60). Счетчикам рассказывали о своей жизни, о вере в лучшее будущее, делились своими переживаниями за семью, страну².

Счетчики сталкивались с протестными проявлениями, «вражеской агитацией». Например, в Починковском районе Горьковской области при подворном обходе три единоличника заявили отказ от участия в переписи, в Автозаводском районе ночью 16 января 1939 г. в окно счетчика в бараке № 39 были брошены два кирпича (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1650. Л. 31–32). В Варнавском районе той же области единоличник И. М. Канышев заявил: «Советского государства я не признаю, раньше признавал царя-батюшку, а теперь только бога» (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1650. Л. 39). В этом же районе пожилая женщина А. А. Дюжкова делала подворные обходы с призывами: «Если запишетесь, то большевики будут накладывать антихристову печать и вешать» (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1650. Л. 39). Гражданин Вишневецкий с ул. Совнаркомовской г. Горького не пускал счетчиков на протяжении всей переписи. Оставил в дверях записку «Жилище неприкосновенно согласно Конституции СССР» и записку с ответами на все вопросы переписного листа (ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 1. Д. 1347. Л. 61). Подобные случаи рассматривались правоохранительными органами, лица подлежали привлечению к юридической ответственности (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1639. Л. 29; ЦГАРМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 4. Л.

37). Всего в Горьковской области было зарегистрировано 120 случаев отказа по 14 районам. В большинстве своем отвечать на вопросы о национальности и состоянии в браке отказывались служители культа, единоличники, члены семей репрессированных.

Имелись случаи представления переписчиками и совершения противоправных деяний. Житель д. Бабино Борского района Горьковской области В. П. Абрамов пришел к гражданину Филатову, представился уполномоченным по переписи, будучи пьяным, перебил в доме посуду, сломал стол, похитил белье. Был задержан и передан в органы милиции. В д. Ликово этого же района неизвестная гражданка под видом счетчика похитила в двух домах вещи. Женщину так и не нашли (ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 1. Д. 1347. Л. 33–33 об.).

В целом перепись населения на территории Волго-Вятского региона проходила организовано. За 4 дня в Горьковской области было переписано 54 % населения. Но в ряде районов участки закрылись раньше, неправильно заполнялись переписные листы, особенно по вопросу принадлежности к общественным группам (ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1639. Л. 28). Некоторые счетчики, желая быстрее закончить работу, проводили перепись населения в очень позднее время. Например, в Кировской области счетчик Вершинин в один из дней переписывал население до 2 часов ночи³. Подобные случаи были зафиксированы и в других областях и автономных республиках.

Ежедневно после работы счетчики являлись в инструкторский участок, где инструкторы-контролеры проверяли записи счетчиков в переписных листах и другие документы, указывали им на ошибки, для обмена опытом производились совещания. Итоги подобных совещаний подробно описаны в местных газетах.

После окончания переписи началась проверка правильности счета населения, кото-

¹ Первые дни переписи // Кировская правда. – 1939. – 20 янв. – № 16. – С. 1; Первый гость // Кировская правда. – 1939. – 20 янв. – № 16. – С. 1.

² Азанский С. После 16-го вопроса // Горьковская коммуна. – 1939. – 26 янв. – № 20. – С. 3.

³ Первые дни переписи // Кировская правда. – 1939. – 20 января. – № 16. – С. 1.

рая производилась с 24 января по 2 февраля 1939 года в городских поселениях и с 27 января по 5 февраля 1939 года в сельской местности¹.

Контрольный обход выявил случаи незначительного недоучета населения, а также двойного учета лиц (почти в каждой области по несколько сотен человек). Например, в Мордовской АССР – 563 чел. [25, С. 98–99].

С 8 по 23 февраля 1939 года осуществлялся прием переписного материала. При приеме материалов переписи было установлено хорошее качество заполненных переписных листов. Перед передачей переписных листов в машиносчетные станции их шифровали. Далее осуществлялась их обработка машиносчетными станциями.

Подведение итогов переписи

Летом 1939 года было принято решение предоставить партийным и советским органам и плановым комиссиям итоги переписи, но только для служебного пользования и лишь по численности населения. Тогда же в газетах «Правда» и «Известия» опубликованы были общие итоги переписи. В 1940 года появилось несколько кратких таблиц. Эти материалы опубликованы в более поздних статистических сборниках. В 1956 года в журнале «Вестник статистики» опубликована часть материалов подготовленного сборника 1939 года. Полностью итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года опубликованы лишь в 1992 года и в 1999 г. с данными по РСФСР [7; 8; 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, доступная для исследователей источниковая база позволяет дать довольно полный анализ Всесоюзной переписи населения 1939 года как сложнейшей статистической операции. На территории Волго-Вятского региона перепись сопровождалась мощной агитационной и массово-

разъяснительной работой, была тщательно подготовлена, несмотря на наличие определенных трудностей (в подборе кадров, помещений, проведении агитационной и массово-разъяснительной работы и пр.). Учитывался этнический состав, особенности расселения и занятий населения Волго-Вятского региона.

В ходе подготовки и проведения переписи имелись случаи выражения протеста (агитация против участия в переписи, отказ отвечать на вопросы), а также противоправные деяния. Опубликованные и неопубликованные сведения Всесоюзной переписи населения 1939 года являются важнейшим источником информации о численности и составе населения Волго-Вятского региона в предвоенные годы.

Библиография / References:

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Демографическая история России: 1927–1957 гг. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.
2. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Население Советского Союза. 1922–1991 гг. – М.: Наука, 1993. – 139 с.
3. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. Краткие результаты исследования // Вестник статистики. – 1990. – № 7. – С. 34–46.
4. Бозин Д. Население страны социализма (к итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.) // Проблемы экономики. – 1939. – № 5. – С. 35–46.
5. Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. – 1990. – № 8. – С. 45–56.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: Институт истории СССР, 1991. – 238 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр, 1999. – 207 с.

¹ Указания к составлению организационных планов проведения переписи населения 1939 года в районах и городах. – М.: Госстатиздат, 1957. – С. 3.

8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. СССР / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
9. Демографическая энциклопедия / Редкол.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. – М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. – 944 с.
10. Дубровицкий Л. Народонаселение Советского Союза (к итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Большевик. – 1939. – № 15–16. – С. 109–123.
11. Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи 1926, 1937 и 1939 гг. История подготовки и проведения // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 84–104.
12. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – 201 с.
13. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года / Отв. ред.: В.П. Дмитренко. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
14. Жиромская В.Б. Проблемы истории населения Российской Федерации в 1930-е годы // Труды Института российской истории РАН. – 2002. – № 3. – С. 258–289.
15. История переписей населения в России. – М.: Голден-Би, 2013. – 428 с.
16. Исупов В.А. Тайны советской статистики: переписи населения 1937 и 1939 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия: История филология, философия. – 1991. – № 1. – С. 28–33.
17. Исупов В.А. Численность населения СССР в 1930-е гг.: загадки демографической истории // ЭКО. – 2020. – № 2. – С. 172–192. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-2-172-192.
18. Кропачев С., Кринко Е. Потери населения СССР в 1937–1945 гг. Масштабы и формы. Отечественная историография. – М.: РОССПЭН, 2012. – 350 с.
19. Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. Сборник науч. трудов. – М.: Наука, 1990. – С. 174–207.
20. Максудов С. Потери населения СССР. – Benson: Chalidze, 1989. – 289 с.
21. Население России в XX веке: в 3-х томах. Т.1. 1900–1939 гг.: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2000. – 456 с.
22. Население России в XX веке: в 3-х томах. Т.2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2002. – 463 с.
23. Писарев И. К итогам переписи населения СССР 1939г. // Проблемы экономики. – 1940. – №7. – С. 82–90.
24. Писарев И. Население страны социализма (к итогам переписи 1939г.) // Плановое хозяйство. – 1940. – № 5. – С.12–21.
25. Подъячих П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. – М.: Госстатиздат, 1953. – 148 с.
26. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2017. – 350 с.
27. Тольц М.С. Репрессированная перепись // Родина. – 1989. – № 11. – С. 56–61.
28. Чернышев К.А., Чернышева Н.В. Миграции населения Кировской области в предвоенный период (1937–1940 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 5. – С. 68–74.
29. Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations. – Geneva: League of nations, 1946. – 349 p.
1. Andreev, E., Darsky, L., Kharkova, T. (1998) Demograficheskaja istorija Rossii: 1927–1957 gg. [Demographic history of Russia: 1927–1957]. M.: Informatika. 187 p. (In Russ.).
2. Andreev, E., Darsky, L., Kharkova, T. Naselenie Sovetskogo Sojuza. 1922–1991 gg. (1993) [Population of the Soviet Union. 1922–1991]. – M.: Nauka. 139 p. (In Russ.).
3. Andreev, E., Darsky, L., Kharkova, T. (1990) Opyt ocenki chislennosti naselenija SSSR. 1926–1941 gg. Kratkie rezul'taty issledovanija [Experience in assessing the population of the USSR. 1926–1941 Brief results of the study],

- Vestnik statistiki. 1990. № 7, pp. 34–46. (In Russ.).
4. Bozin, D. (1939) Naselenie strany socializma (k itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija 17 janvarja 1939 g. [The population of the country of socialism (to the results of the All-Union population census on January 17, 1939)], Problemy jekonomiki. № 5, pp. 35–46. (In Russ.).
5. Volkov, A.G. (1990) Iz istorii perepisi naselenija 1937 g. [From the history of the 1937 population census], Vestnik statistiki. № 8, pp. 45–56. (In Russ.).
6. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g.: kratkie itogi (1991) [All-Union population census of 1937: brief results] / Ed. ed. Yu.A. Polyakov. M.: In-t istorii SSSR. 238 p. (In Russ.).
7. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda. Osnovnye itogi. Rossiya (1999) [All-Union population census of 1939. Main results. Russia] / Resp. ed. Yu.A. Polyakov. St. Petersburg: Russko-Baltijskij informacionnyj cent. 207 p. (In Russ.).
8. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda. Osnovnye itogi. SSSR (1992) [All-Union census of the population of 1939. Main results. USSR] / Resp. ed. Yu.A. Polyakov. M.: Nauka. 256 p. (In Russ.).
9. Demograficheskaja jenciklopedija (2013) [Demographic Encyclopedia] / Ed.: A.A. Tkachenko, A.V. Anoshkin, M.B. Denisenko and others. M.: OOO Izd-vo «Jenciklopedija». 944 p. (In Russ.).
10. Dubrovitsky, L. (1939) Narodonaselenie Sovetskogo Sojuza (k itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija 1939 g.) [The population of the Soviet Union (to the results of the All-Union population census of 1939)], Bol'shevik. 1939. № 15–16, pp. 109–123. (In Russ.).
11. Zhyromskaya, V.B. (1990) Vsesojuznye perepisi 1926, 1937 i 1939 gg. Istorija podgotovki i provedenija [All-Union censuses of 1926, 1937 and 1939 History of preparation and conduct], Istorija SSSR. № 3, pp. 84–104. (In Russ.).
12. Zhyromskaya, V.B. (2001) Demograficheskaja istorija Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe [Demographic history of Russia in the 1930-s. A look into the unknown]. M.: ROSSPJeN. 201 p. (In Russ.).
13. Zhyromskaya, V.B., Kiselev, I.N., Polyakov, Yu.A. (1996) Polveka pod grifom «sekretno». Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda [Half a century classified as «secret». All-Union population census of 1937] / Ed. editor: V.P. Dmitrenko. M.: Nauka. 152 p. (In Russ.).
14. Zhyromskaya, V.B. (2002) Problemy istorii naselenija Rossijskoj Federacii v 1930-e gody [Problems of the history of the population of the Russian Federation in the 1930-s], Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. № 3, pp. 258–289. (In Russ.).
15. Istorija perepisej naselenija v Rossii (2013) [History of population censuses in Russia]. M.: Golden-Bi. 428 p. (In Russ.).
16. Isupov, V.A. (1991) Tajny sovetskoj statistiki: perepisi naselenija 1937 i 1939 gg. [Secrets of Soviet statistics: population censuses of 1937 and 1939], Izvestija Sibirskogo otdelenija AN SSSR. Serija istorija filologija, filosofija. № 1, pp. 28–33. (In Russ.).
17. Isupov, V.A. (2020) Chislennost' naselenija SSSR v 1930-e gg.: zagadki demograficheskoi istorii [The population of the USSR in the 1930-s: riddles of demographic history], JeKO. № 2, pp. 172–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-172-192. (In Russ.).
18. Kropachev, S., Krinko, E. (2012) Poteri naselenija SSSR v 1937–1945 gg. Masshtaby i formy. Otechestvennaja istoriografija [Population losses in the USSR in 1937–1945. Scales and forms. Domestic historiography]. M.: ROSSPJeN. 350 p. (In Russ.).
19. Livshits, F.D. (1990) Perepis' naselenija 1937 g. [Population census 1937], Demographic processes in the USSR. Collection of scientific works. M.: Nauka. pp. 174–207. (In Russ.).
20. Maksudov, S. (1989) Poteri naselenija SSSR [Population losses in the USSR]. Benson: Chalidze. 289 p. (In Russ.).
21. Naselenie Rossii v XX veke: v 3-h tomah. T. 1. 1900–1939 gg.: istoricheskie ocherki (2000) [The population of Russia in the XX century: in 3 volumes. T. 1. 1900–1939: historical essays] / Ed. ed. Yu.A. Polyakov. M.: ROSSPJeN. 456 p. (In Russ.).
22. Naselenie Rossii v XX veke: v 3-h tomah. T. 2. 1940–1959 gg.: istoricheskie ocherki (2002)

[The population of Russia in the XX century: in 3 volumes. T. 2. 1940–1959: historical essays] / Ed. ed. Yu.A. Polyakov. M.: ROSSPJeN. 463 p. (In Russ.).

23. Pisarev, I. (1940) K itogam perepisi naselenija SSSR 1939 g. [On the results of the 1939 USSR population census], Problemy jekonomiki. № 7, pp. 82–90. (In Russ.).

24. Pisarev, I. (1940) Naselenie strany socializma (k itogam perepisi 1939 g.) [The population of the country of socialism (to the results of the 1939 census)], Planovoe hozjajstvo. № 5, pp. 12–21. (In Russ.).

25. Podyachikh, P.G. (1953) Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 g. [All-Union population census of 1939]. M.: Gosstatizdat. 148 p. (In Russ.).

26. Rakachev, V.N. (2017) Naselenie Kubani i Stavropol'ja v 1930–1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie [Population of the Kuban and Stavropol Territory in the 1930s–1950-s: A Historical and Demographic Study]. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t. 350 p. (In Russ.).

27. Tolts, M.S. (1989) Repressirovannaja perepis' [Repressed census], Rodina. № 11, pp. 56–61. (In Russ.).

28. Chernyshev, K.A., Chernysheva, N.V. (2020) Migracii naselenija Kirovskoj oblasti v predvoennyj period (1937–1940 gg.) [Migrations of the population of the Kirov region in the prewar period (1937–1940)], Voprosy istorii. № 5, pp. 68–74.

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202005Statyi06. (In Russ.).

29. Lorimer, F. (1946) The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations [The population of the Soviet Union: History and prospects league of nations]. Geneva: League of nations. 349 p. (In Eng.).

МАРТЫНОВА Мария Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: mariya19852704@yandex.ru, AuthorID: 732578

СТЕПАНЧЕНКО Оксана Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: stepanchenko.o@yandex.ru, AuthorID: 1036844

ЦЫГАНКОВА Елена Александровна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: helen231987@gmail.com, AuthorID: 1125184

MARTYNOVA M.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Orel State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: mariya19852704@yandex.ru, AuthorID: 732578

STEPANCHENKO O.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Orel State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: stepanchenko.o@yandex.ru, AuthorID: 1036844

TSYGANKOVA E.A., Senior Lecturer at the Departments of Social and Cultural Activities, Orel State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: helen231987@gmail.com, AuthorID: 1125184

ИСТОРИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

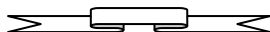
HISTORY OF INTERNATIONAL INTERACTION: EXPERIENCE OF THE PIONEER ORGANIZATION

Аннотация. Цель статьи – заключается в анализе основных форм интернационального воспитания в пионерской организации в 20-80-х гг. XX века. Авторами раскрыты основные цели и задачи интернационального воспитания подростков, заключавшиеся не только в законах юных пионеров, но и в необходимости ведения постоянной систематической работы в этом направлении путем установления связи между пионерскими организациями различных национальных республик, укрепления дружбы с детьми трудящихся всех стран. Анализируются основные формы и методы: Международный Юношеский День; Международная детская неделя; Всесоюзные экспедиции по изучению истории Родины; деятельность клубов интернациональной дружбы; коллективная переписка советских детей с зарубежными друзьями, празднование Дня юного героя-антифашиста; Дня образования СССР и др.

Ключевые слова: интернациональное воспитание, пионерская организация, Международный Юношеский День, Международная детская неделя, Всесоюзные пионерские экспедиции, клуб интернациональной дружбы.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main forms of international education in the Pioneer Organization in the 1920s – 1980s of the 20th century. Much attention is given to the goals and objectives of the international education of adolescents. The main forms and methods are revealed: International Youth Day; International Children's Week; All-Union expeditions to study the history of the Motherland; activities of International Friendship Clubs; collective correspondence of Soviet children with foreign friends, celebration of the Young Antifascist Hero Day; the USSR Establishing Day, etc. As a result, the authors draw conclusions that conducting constant and systematic work by establishing links between pioneer organizations of various national republics, strengthening friendship with the children of working people of all countries was necessary for the implementation of the main tasks of international education of adolescents.

Keywords: international education, Pioneer Organization, International Youth Day, International Children's Week, All-Union Pioneer Expeditions, International Friendship Club.

ВВЕДЕНИЕ

Со дня своего рождения Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина стала школой интернационального взаимодействия. Это было прямо обусловлено всемирно-историческим масштабом политических и социально-экономических преобразований в нашей многонациональной стране, которые, в свою очередь, оказали колоссальное влияние буквально на всё человечество.

В наше время своеобразной антитезой интернационализму, как ни странно, всё больше становится глобализация толерантности, на деле превращающаяся в жесткую диктатуру всевозможных меньшинств – от национальных до сексуальных. Пагубность, разрушительность этих процессов для человечества в целом стали особенно очевидными в XXI веке – и на примере миграционного кризиса в Европе, и на примерах BLM-движения и массового сноса памятников в США, и т. д.

Конечно, сто лет назад такое развитие событий в мире невозможно было предвидеть. Однако система базовых ценностей молодого советского общества в виде дружбы, солидарности, равноправия изначально позволяла обозначать стратегически верные ориентиры и перспективы.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В резолюции «О работе РКСМ» XII съезд партии (апрель 1923 года), подчеркивая значение интернационального воспитания, указывал: «Чрезвычайно важно... направить воспитание молодежи в духе международной солидарности, усиления информации о международном рабочем движении...» [17, С. 94]. Эти задачи выражали требование Советского государства об органической связи воспитания подрастающего поколения с классовой борьбой пролетариата.

Задачи интернационального воспитания были развиты в решениях III Всероссийской конференции комсомола (июнь 1923 года) и VI съезда РКСМ (июль 1924 года), в ходе ко-

торых было обозначено, что интернациональное воспитание молодежи не должно вылиться в пустую фразеологию, а должно найти свое осуществление, прежде всего, на практике, в повседневном быту, во взаимоотношениях между молодежью разных национальностей, в установлении связи между пионерскими организациями различных национальностей республик и губерний [17, С. 163]. Съезд рекомендовал широко знакомить пионеров с положением рабочих и их детей в капиталистических странах, с борьбой трудящихся этих стран за свое освобождение, привлекать пионеров к участию в работе МОПРа.

Идеи интернационализма и дружбы народов были отражены в самом первом Организационном положении детских коммунистических групп юных пионеров имени Спартака (28 августа 1923 года), в том числе в Торжественном обещании («...торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира»), в символике пионеров (пионерский значок представлял собой следующее: на красном флажке – серп и молот, внутри серпа – горящий костер с тремя языками пламени на пяти бревнах, на серпе надпись «Будь готов!» [7, С. 14]. Эти пять поленьев и три языка пламени означали, что во всех пяти частях света горит пламя Третьего коммунистического интернационала).

С первых дней в пионерской организации стали складываться и развиваться формы воспитания чувства дружбы и равноправия со всеми народами Советской страны, понимания международной солидарности, уважения к свободе и независимости всех народов мира.

Так, в 1922–1923 годах пионеры Москвы проводили сборы, лотереи самодеятельных выигрышей, платные спектакли в пользу голодающих детей Поволжья и в фонд помощи зарубежным борцам за свободу и их детям. Пионерские отряды начали торжественно отмечать международные революционные праздники – День Парижской коммуны, 1 Мая и праздник Великого Октября. В ходе подготовки к торжествам проводились беседы, выпус-

кались специальные стенгазеты и бюллетени. Школы и клубы оформлялись плакатами и лозунгами.

Большое значение для интернационального воспитания пионеров и школьников имели ежегодно проводимые (с 1921 года) Международные детские недели (МДН), Международный юношеский день (МЮД). Они проводились под лозунгами роста и укрепления пролетарских организаций и борьбы с милитаризмом, буржуазными (бойскаутскими, фашистскими и др.) организациями молодежи и детей. Задачей всех местных комсомольских организаций являлась трансформация настоящих политических задач в понятные для детей практические формы, которые призваны придать кампании не только пионерский характер, но и настроение радостного праздника всех детей: детские конференции, карнавалы, шествия, массовые игры, детские гулянья, выставки детского творчества.

В 1924 году МДН проводилась под лозунгами: «Пролетарские дети СССР – братья пролетарским детям всего мира», «Пионеры СССР, расширяйте фронт деревни, укрепляйте смычку города и села!». В дни подготовки и проведения МДН в отрядах и школах устраивались вечера встречи поколений, проводились беседы о борьбе рабочего класса. Пионеры проводили массовые собрания, шествия, митинги под лозунгами укрепления интернациональной солидарности детей всего мира, участия советских ребят в социалистическом строительстве, организовывали веселые инсценировки, игры, разучивали песни. К участию в этих торжественных сборах пионеры привлекали не охваченных пионерией детей, взрослых, родителей. Например, в Орле и по всей Орловской губернии Международная детская неделя в 1927 году проходила под лозунгом «Поможем детям Китая! Укрепим связь с зарубежными детскими коммунистическими организациями, будем изучать их быт, работу и борьбу!». В ее рамках организовывались массовые празднества пионеров, посвященные международной солидарности детей [15, С. 46].

Международный юношеский день тоже

имел определенные традиции: кроме организационной работы, включавшей в себя собрания, выставки юношеской литературы в библиотеках, избах-читальнях и клубах, проводились и массовые мероприятия, в том числе для пионеров, а именно: экскурсии в красноармейские казармы, карнавалы, походы и демонстрации [9].

Подготовка и проведение интернациональных праздников давали возможность расширить политический кругозор детей и подростков, обогащали их общественную жизнь, способствовали воспитанию в них чувства пролетарского интернационализма и дружбы народов нашей страны.

В это время пионерская организация установила связи с детскими коммунистическими группами зарубежных стран. Делегация советских пионеров в 1923 году принимала участие во Второй всегерманской конференции по пионердвижению.

В свою очередь, в июле 1927 года орловские пионеры принимали у себя в городе делегацию детей германских рабочих.

В день приезда делегации всей городской пионерской организации и частью рабочих-железнодорожников были устроены встреча и небольшой митинг на вокзале, на котором присутствовало около 700 человек. Для приема делегации в Орёл приехали пионеры из трех уездов губернии.

За три дня пребывания делегации в Орле гости посетили завод им. Медведова, где ознакомились с полным процессом плужного дела. Затем делегация посетила железнодорожное депо МК ЖД, где после осмотра прошел митинг рабочих депо и делегатов. Далее гости посетили детский дом-школу-коммуны имени Ленина, где ознакомились с работой мастерских и бытовой жизнью детдомовцев. Делегаты приняли участие в играх на площадке, в конце посещения прошла беседа делегации со всей школой.

Затем делегация посетила Центральный дом юных пионеров, пионерские площадки четырех отрядов, где немецкие дети также приняли участие в играх. В последний день пребывания делегаты посетили пионерский

лагерь, расположенный в 52 верстах от города, где ознакомились с жизнью лагеря и частично с жизнью крестьян из окрестных сёл. Вечером второго дня пребывания делегатов в Орле был устроен митинг у городского памятника Ленину с факелами, с ракетами, на котором присутствовало 3 тысячи человек. День этого митинга – 2 июня 1927 года – надолго запомнился орловским пионерам и жителям города.

XIV съезд партии (декабрь 1925 года) подчеркнул важность и сущность интернационального воспитания подрастающего поколения.

Анализируя деятельность пионерской организации, ЦК ВКП(б) в своем Постановлении от 25 июня 1928 года «О состоянии и ближайших задачах пионердвижения» указал, что необходимо «...в детях развивать чувство международной солидарности, решительно изживая проявление национальной розни» [7, С. 67].

Постановления партии и комсомола о пионерской организации составили идейную основу для развития теории и практики интернационального воспитания. Укреплялись связи между пионерскими организациями советских республик. В 1927 году делегация ленинградских пионеров посетила Узбекистан, в следующем году с ответным визитом в Ленинград приезжали пионеры Узбекистана; в том же году Москву посетили делегации пионеров Киева, Харькова, Симферополя, Вятки; гости из Болгарии, Англии, Франции.

Борьба международного пролетариата, национально-освободительная борьба колониальных стран находила отклик у пионеров. Так, в 1926 году, во время стачки английских горняков, советские пионеры вместе со взрослыми проводили сбор денежных средств для помощи бастующим и их детям [1, С. 15]. В 1928 году пионеры проводили сбор средств детям локаутированных рабочих Германии.

Задачами IX Международной детской недели (1929 года) стали «усиление интернационального воспитания пионеров Советского Союза; непримиримая борьба со всеми проявлениями шовинизма и антисемитизма в

детской среде; развитие и закрепление связи с пионерскими организациями всего мира; сбор интернациональной детской копейки в помощь детям рабочих и крестьян Китая, подписка на журнал германских пионеров «Барбан» [7, С. 90].

В 1929–1930 годах советские пионеры организовывали массовые выступления за освобождение американского пионера Гарри Айзмана, осужденного за участие в первомайской демонстрации школьников. В отрядах проходили митинги и собрания. Тысячи писем были направлены в адрес «Пионерской правды», МОПРа.

В августе 1929 года в Москве состоялся I Всесоюзный слет пионеров. Присутствие делегаций всех союзных, автономных республик и областей, иностранных делегаций из Европы, Азии и Америки, проведение первой Международной детской коммунистической конференции придали слету ярко выраженный международный характер, расширили интернациональный кругозор пионеров и способствовали установлению широких дружественных связей между пионерами.

В рамках слёта участники обсудили вопросы об участии детей СССР в социалистическом строительстве, о защите Советского Союза в случае нападения на него империалистов, о международных связях детей. Само название секций определяло содержание интернациональной работы.

На слете были заключены договоры по социалистическому соревнованию между пионерскими организациями Белоруссии, Азербайджана и Западной области, Татарской и Башкирской АССР, Туркмении и Ивановской области и др., а также интернациональные договоры между пионерами Украины и Америки, Норвегии, Закавказья, Швейцарии и Нижней Волги. Эти договоры свидетельствовали о рождении нового взаимодействия между подростками, что спустя многие годы начало называться «детскими послами дружбы».

VIII съезд ВЛКСМ (1928 год) в резолюции отметил необходимость систематической работы по интернациональному воспитанию, направленному на борьбу с национальной

рознь, и налаживанию связей с национальными отрядами и школами.

Вопросам интернационального воспитания детей было посвящено специальное инструктивное письмо «Вожатые! Крепите интернациональную связь!», а также обращение Центрального бюро юных пионеров «Всем юным пионерам, всем детям трудящихся» [14, С. 106].

Не случайно Положение о коммунистической детской организации юных пионеров имени В. И. Ленина, принятое в 1928 году, также закладывало основы интернационального воспитания, акцентируя внимание на том, что «пионерская организация борется против попыток враждебной идеологии влиять на детей (национализм, антисемитизм, мещанство, индивидуализм, собственничество) и ведет систематическую деятельность по воспитанию интернационализма, коллективизма...». Законы юных пионеров (1929 год) тоже отражали эту направленность: «Пионеры – товарищи детям рабочих и крестьян всего мира, всех народов», «Пионеры стремятся вовлечь в свою организацию и работу детей всех трудящихся» [14, С. 107].

Большое значение имело обращение Н. К. Крупской к пионерам, опубликованное в «Пионерской правде» 21 ноября 1930 года под заголовком «Тов. Крупская дает пионерам наказ», в котором она отмечала важность активного участия «в братском единении с другими национальностями» [4, С. 17].

В это время начали широко развиваться связи между пионерскими организациями центральных районов и национальных республик. Пионеры Свердловского района, ребята-нижегородцы устанавливают дружбу с татарскими ребятами Краснооктябрьского района, посылают к ним 25 агитбригад. Ростовская пионербаза имени Микояна подружилась с ингушами и карачаевцами.

«На Всесоюзном слете в Москве, – писал А. М. Горький, – некий зритель спросил детей одной из групп Средней Азии: – Вы какого народа? Ему ответили: – Пионеры.

Это похоже на анекдот, но это – было. И за этим последовало сказанное вполголоса за-

мечание другого зрителя: – Вот когда действительно началось стачивание национальных предрассудков» [12].

Таким образом, вся деятельность пионерской организации в 20-х годах была проникнута идеями пролетарского интернационализма и неразрывно связывалась с воспитанием патриотизма.

Многие отряды зарабатывали средства в фонд «Интернациональный пяточок», оформляли уголки, проводили беседы, утренники, вечера, викторины на интернациональные темы.

Установление фашистских режимов в ряде стран Европы, усиление агрессии фашистских держав и подготовка ко Второй мировой войне затрудняли связи советских пионеров с зарубежными организациями. Советские пионеры и школьники внимательно следили за борьбой рабочего класса против фашизма в странах капитала, изучали жизнь и борьбу выдающихся деятелей международного революционного движения – Эрнста Тельмана, Георгия Димитрова и др. Им посвящались беседы в отрядах и политических кружках, о них оформлялись альбомы, в знак восхищения их мужеством их избирали почетными пионерами.

В годы гражданской войны в Испании пионеры со всем советским народом выражали свои горячие симпатии республиканцам. Они участвовали в сборе денежных средств помощи их детей, посылали подарки. Когда испанские дети были перевезены в СССР, пионеры окружили их дружеским вниманием и заботой.

В 1937 году дети героической Барселоны прислали советским пионерам знамена. За право их получения началось соревнование пионерских отрядов страны. В день двадцатилетия советской власти ЦК ВЛКСМ вручил знамена пионерскому отряду имени Ф. Дзержинского школы № 325 Москвы и отряду имени М. Горького г. Еревана.

Война усилила интерес ребят к героическому прошлому Родины, способствовала воспитанию чувств братской дружбы к народам нашей страны. В качестве подтверждения можно привести хотя бы такой пример: до войны тесная дружба завязалась между мос-

ковскими школами и школами г. Нальчика (Кабардинская автономная советская социалистическая республика). Фашисты взорвали в Нальчике все крупные дома, не уцелела ни одна школа. Пионеры Москвы провели сбор подарков. Они послали в Кабарду 3000 учебников, 1850 томов художественной литературы, 2500 карандашей и ручек, 700 наглядных пособий, 1760 предметов одежды, игрушки [2].

В постановлении VII пленума ЦК ВЛКСМ было записано: «Считать важнейшей задачей комсомола обеспечить дальнейшее улучшение работы пионерской организации имени В. И. Ленина, направлять и впредь ее деятельность на воспитание пионеров в духе советского патриотизма, дружбы народов». В области интернационального воспитания в эти годы широкое распространение получили походы и путешествия пионеров и школьников по родному краю. В 1946 году в путешествиях участвовало более миллиона детей, в 1948 году – пять миллионов. Летом 1946 и 1948 годов состоялись всесоюзные слеты юных путешественников. Они подвели итоги работы пионеров и призвали отряды шире развешивать походы и путешествия по родному краю.

Патриотический призыв пионеров и школьников Чоботовской семилетней школы Московской области в 1947 году «Украсим Родину садами!» был подхвачен пионерами всех союзных республик. ЦК ВЛКСМ совместно с Министерством просвещения РСФСР и Министерством сельского хозяйства объявили Всесоюзный конкурс на лучшего юного садовода. А весной следующего года во Владимире проходил первый Всесоюзный слет юных садоводов, на который съехались делегаты из всех республик. Они решили в знак дружбы заложить «Сад союзных республик». Со всех концов страны пионеры присылали семена и саженцы плодовых и декоративных деревьев для «Сада дружбы», который был заложен в г. Владимире как напоминание о дружбе подростков разных национальностей.

Накануне XII съезда ВЛКСМ были подведены итоги деятельности пионерских отрядов

и дружин, в том числе в области интернационального воспитания. Съезд в своей резолюции «О работе пионерской организации имени В. И. Ленина» подчеркнул, что «пионерская организация должна и впредь воспитывать чувство советского патриотизма, дружбы между народами и пролетарского интернационализма...» [7, С. 192].

ЦК ВЛКСМ в своем докладе на первой Всесоюзной конференции старших пионерских вожатых (1955 г.) отметил улучшение работы пионерской организации. Пионерские отряды чаще стали проводить сборы, праздники, фестивали, посвященные дружбе народов, жизни детей за рубежом, борьбе за мир. Расширилась их международная переписка. Впервые делегации советских пионеров выезжали в международные пионерские лагеря Польши, Чехословакии и Болгарии. В пионерском лагере «Артек» отдыхали пионеры зарубежных стран [4, С. 31].

Значительно оживилась интернациональная работа в пионерской организации в связи с подготовкой и проведением фестиваля советской молодежи, VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 года).

В дни фестиваля в Москве состоялась первая в истории фестивалей встреча работников детских организаций 17 стран мира. Обменявшись опытом работы, они единодушно решили крепить дружбу, направлять все усилия, чтобы воспитать молодежь своих стран в духе мира и дружбы между народами [4, С. 32].

В Постановлении VIII пленума ЦК ВЛКСМ 1957 года «О мероприятиях по улучшению работы пионерской организации имени В. И. Ленина» не только обобщен богатый опыт интернационального воспитания, накопленный за прошедшее время, но и проанализированы недостатки. Пленум рекомендовал укреплять постоянные связи между пионерскими организациями союзных и автономных республик путем переписки, обмена делегациями, проведения заочных спортивных соревнований, конкурсов, создания общих пионерских лагерей [7, С. 221].

Всесоюзные соревнования, объявленные

Центральным советом: пионерская двухлетка «Пионеры – Родине» (1960–1962 гг.), соревнование на лучший пионерский отряд (1962–1963 гг.), смотр «Сияйте, ленинские звёзды!» (1964–1966 гг.), – предусматривали и вопросы интернационального воспитания. Например, во всесоюзном смотре «Сияйте, ленинские звёзды!» имеется конкретное направление – «Пионерский марш мира и дружбы». Традиционными стали всесоюзные экспедиции по изучению истории Родины. Во многих дружинах стали создаваться клубы и музеи интернациональной дружбы, проводились фестивали, форумы мира и дружбы, обмен делегациями пионеров между республиками и областями. Миллионы пионеров приняли участие в сборе металлолома для нефтепровода «Дружба».

Летом 1962 года в Артеке проведен Всесоюзный слет пионеров, на котором присутствовали делегации от пионерских и детских демократических организаций многих стран мира. Вместе с делегатами слета советских пионеров они приняли послание ко всем детям мира с призывом крепить и беречь мир.

Богатый опыт, накопленный пионерской организацией, был обобщен на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам пионерского движения в феврале 1963 года.

Конференция отметила, что во многих дружинах и отрядах интернациональное воспитание носило не политический характер, а культурно-просветительный, что отряды и дружины, увлекаясь массовыми мероприятиями, недостаточно уделяли внимания формированию интернационального сознания и поведения каждого пионера, слабо проводилась работа по укреплению дружбы между пионерами союзных и автономных республик. Формы работы по интернациональному воспитанию в отрядах и дружинах были бедны, часто не связаны с жизнью, с задачами коммунистического строительства и в силу этого не способствовали привлечению пионеров к трудовой и общественно полезной деятельности. Отсутствовала система интернационального воспитания, эпизодические мероприятия не давали пионерам глубоких знаний, не могли

удовлетворить их интересы.

Следует отметить, что выступавший на этой конференции президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров, говоря об интернациональном воспитании, привел в качестве примера беседу французских журналистов с воспитанником пятого класса школы-интерната № 12 Академии педагогических наук Лёней Поляковым, который убедительно рассказал о борьбе за мир, о своей ненависти к войне, сделавшей инвалидом отца, «охарактеризовал человеконенавистнические черты фашизма» [3, С. 18], т. е. прекрасно справился с дискуссией и показал высокий уровень развития интернационального мышления.

С 1964 года ежегодно 8 февраля стал отмечаться День юного героя-антифашиста. Это начинание родилось по предложению членов клуба интернациональной дружбы им. Ю. А. Гагарина Московского дворца пионеров. В их обращении к сверстникам говорилось: «Пусть в этот день дети во всех уголках Земли, вспоминая о бессмертных подвигах юных борцов, еще теснее сомкнут свои ряды, еще крепче возьмутся за руки и новыми делами укрепят мир и дружбу на всём земном шаре! Пусть всегда будет солнце для всех детей!» [13, С. 28].

II пленум ЦК ВЛКСМ (3 февраля 1967 года) обратил внимание на необходимость улучшения интернационального воспитания в пионерской организации.

В резолюции пленума была обозначена необходимость крепить дружбу детей различных национальностей СССР.

Делался акцент на том, что комсомольские организации должны активнее знакомить пионеров с успехами братских союзных республик в области экономики, культуры, науки.

Работа пионерских организаций по интернациональному воспитанию должна была содействовать укреплению дружбы с детьми трудящихся всех стран, для чего определялось необходимым всемерно активизировать деятельность детских клубов интернациональной дружбы, поощрять коллективную переписку советских детей с зарубежными друзьями, проводить школьные форумы, ор-

ганизовывать выставки, отражающие работу и успехи братских пионерских организаций [16, С. 68].

Предложение XVII съезда ВЛКСМ о проведении Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» встретило активную поддержку в международном молодежном, юношеском и детском движении, а также среди широкого круга международных, региональных и национальных общественных организаций взрослых.

В программе СИМЕА, например, был раздел «За укрепление рядов прогрессивного и демократического детского и юношеского движения, за развитие и укрепление связей и сотрудничества с широким кругом детских и юношеских организаций на национальном, региональном и международном уровнях», поэтому СИМЕА поддержал предложение XVII съезда ВЛКСМ о проведении международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!», подчеркнув, что фестиваль – значительное событие в мире [5, С. 11].

Все пионерские дружины СССР обсудили призыв участников консультативной встречи и наметили программу действий под лозунгом «Фестиваль в «Артеке» – фестиваль везде!». Пионерские отряды соревновались за право послать своих делегатов в «Артек» на этот форум.

16 апреля 1977 года на коммунистический субботник вышли представители 25-миллионной пионерской организации. Заработанные деньги они передали в Фонд мира. Пионерские ансамбли песни и пляски, пионерские театры и агитколлективы устраивали платные концерты, спортивные лотереи. Полученные средства отчисляли в Фонд мира и в Фонд Международного детского фестиваля. По всей стране прошли яркие праздники под девизом «У нас дружба на всей планете». Подготовка к фестивалю широко освещалась по телевидению, в детской и молодежной прессе, по радио.

Подготовка и проведение Международного детского фестиваля активизировали совместные действия всех международных, региональных и национальных молодежных, дет-

ских организаций различных политических и социальных ориентаций, общественных организаций в борьбе за права детей, за социальный прогресс, за дальнейшее углубление и необратимость международной разрядки. Кроме того, фестиваль доказал, что юность планеты хочет дружить и жить в мире.

В 1978 году заместителем министра просвещения СССР В. М. Коротковым и председателем Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина А. В. Федуловой было утверждено примерное положение о клубе интернациональной дружбы пионеров и школьников.

Стоит привести как пример работу клубов интернациональной дружбы Орловской области, смотр которых проводился в 1981 году с целью дальнейшего совершенствования содержания, форм и методов работы клубов по воспитанию пионеров и школьников в духе дружбы народов СССР, советского патриотизма и пролетарского интернационализма [10].

В смотре приняли участие все клубы интернациональной дружбы (КИД) Орловской области. В ходе смотра КИДы Новодеревенковского района, например, подготовили и провели тематические вечера «Слушайте: говорит юность отцов и матерей», посвященные 58-й годовщине образования СССР, а также 57-й годовщине со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина. Членами КИДов Краснозоренской, Судбищенской средних школ, Дома пионеров были проведены конференции «Наш друг – Болгария», «Свободный Вьетнам», «Народная Монголия», «Куба – любовь моя». Члены клуба Малиновской восьмилетней школы и Дома пионеров провели неделю дружбы с Вьетнамом и Монголией. 8 февраля все клубы провели митинг, посвященный Дню юного героя-антифашиста, возложили гирлянды к братским могилам. Членами клуба интернациональной дружбы Краснозоренской средней школы были проведены викторины: «Дружба разноцветных галстуков», «Братские страны социализма», а также устный журнал «Международное молодежное движение». В дни

смотра выпускались газеты, молнии, бюллетени о ходе смотра. Члены клубов интернациональной дружбы Краснозоренской, Судбищенской, Паньковской средних школ выступали с лекциями и беседами по вопросам внутренней и внешней политики. Членами клубов велась переписка с КИДами имени Алёши болгарского города Тутракан, «Дружба» г. Гудермес, «Глобус» г. Липецка, им. Станка Димитрова г. Брянска, «Товарищ» г. Белгорода и другими. Членами КИДа в Краснозоренской средней школе оформлены стенды: «Эрнст Тельман», «Его имя носит КИД», «Мы – интернационалисты», «Они освобождали Европу», «Братья по оружию», «Пионерские организации», «Мы говорим «нет» войне», «Борцы за мир» и другие [10].

В отчете Мценского ГК ВЛКСМ о ходе смотра клубов интернациональной дружбы было отмечено, что во Мценске «работает 11 клубов интернациональной дружбы» [10]. Во всех КИДах работали секции: «Здравствуй, Франция», «Учимся говорить по-английски», «Моя Родина – СССР», «Почтамыт «Дружба», музыкально-драматическая; секция печати и оформителей; лекторий «Глобус». Особый акцент делался на краеведческой работе. Клубом имени Юлиуса Фучика школы № 4 были собраны материалы на следующие темы: «Суровая память» (об узниках концлагерей), «Зверства фашистов на территории Мценского района», «Они сражались вдали от Родины» (о советских людях – участниках Сопротивления), «Нормандия-Неман» и другие. Собрать эти материалы КИДу позволила обширная переписка со школьниками Франции (Пантен, Гренобль, Париж, Марсель), ГДР, Польши, Болгарии [10].

Ливенский ГК ВЛКСМ в рамках данного смотра предоставил отчет, где указал, что «много лет работает клуб интернациональной дружбы средней школы № 1. Клуб ведет переписку с Болгарией, Латвией, Украиной, Белоруссией. Собраны богатые коллекции значков и марок. Проводятся заочные путешествия на иностранных языках в города-побратимы Разград, Ислерих. В плане работы – конференция «Наш друг – Болгария», викторина

«Знаешь ли ты своих друзей?». Лекторская разучивала игры и песни на иностранных языках, знакомила с жизнью, традициями сверстников за рубежом» [10].

Кроме систематической работы клубов интернациональной дружбы, практиковались различные акции, например всесоюзные кампании солидарности (на наш взгляд, фактически аналог Международной детской недели двадцатых годов), проходившие под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс!».

В дни Недели солидарности в отрядах проводились беседы, устные журналы, пионерские сборы, линейки, радиопередачи, чтение книг о юных героях-антифашистах, борцах за мир и справедливость, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, членами комитета защиты мира, комитета советских женщин, писателями, поэтами, журналистами, Героями Социалистического Труда. Названия отражали тематику: «Были ребята солдатами», «Помним их имена», «Два мира – два детства», «Шаги и мужество» и др. [13, С. 11].

В рамках ежегодного празднования Дня образования СССР традиционно проводилась пионерская игра-путешествие «Созвездие пятнадцати дружных», в ходе которой на конкретных примерах подростки рассказывали об экономических связях предприятий и учреждений своего города с братскими республиками страны; о самых интересных пионерских делах какой-либо союзной республики, края Советского Союза; знакомили участников игры с тружениками, ветеранами войны и труда, представителями различных национальностей большой Родины, которые своим трудом или подвигами прославили ее. В программу игры-путешествия также входили номера художественной самодеятельности: песни, танцы, игры, стихи народов СССР.

В период так называемой гонки вооружений начала 80-х годов прошлого века делегаты VIII Всесоюзного слета пионеров (г. Москва) 20 мая 1981 года приняли обращение «К детям войны», в котором слет призывал сплотить ряды юного поколения в борьбе за мир, за права детей, за то, чтобы каждый

мальчик, каждая девочка могли ходить в школу, отдыхать в пионерских лагерях, чтобы они никогда не знали голода, болезней и нищеты, а кроме того, чтобы не было больше взрывов, чтобы черные тучи войны никогда не затмили ясного солнца [13, С. 14].

В 1985 году советская пионерия готовилась встретить XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов (г. Москва). Не остались в стороне от всеобщего дела и пионеры Орловской области. В пионерских дружинах проводились разнообразнейшие мероприятия в рамках подготовки Всемирного форума: викторины «Фестивальная ромашка», конкурсы рисунков «О чём бы я рассказал участникам фестиваля», ярмарки солидарности, средства от которых были перечислены в фонд фестиваля. Например, пионерами г. Мценска (Орловская область) было перечислено в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1200 рублей, более 4000 рублей перечислено в Фонд мира. Юные интернационалисты г. Мценска приняли участие в операции «Компаньеро».

В октябре 1985 года была открыта неделя действий за мир и разоружение, посвященная 40-летию ООН (1985 год) и Международному году мира [11].

IX Всесоюзный пионерский слёт, прошедший в 1987 году, тоже призвал крепить дружбу между пионерами СССР, с детьми всей планеты. В решении слета было отмечено, что ни в коем случае нельзя проявлять высокомерие, неуважение к национальному достоинству, языку, культуре народов, в особенности к русскому языку как средству межнационального общения [6, С. 3].

Это особенно актуально сегодня, когда международная напряженность достигла своего апогея. И проблема современной цивилизации не только в политическом, экономическом и военном противостоянии различных сил и государств и даже не столько в нём, сколько в мировоззренческом, концептуальном тупике, в котором мы оказались к третьему десятилетию XXI столетия. «Конец истории» по Фукуяме явно не состоялся. Либерально-потребительский «рай» оказался пря-

мой дорогой к деградации.

В этих условиях человечество в поисках ответов и смыслов закономерно обращается к живому опыту прошлых поколений – с их победами, достижениями и мечтами о воспитании нового, более совершенного человека-творца, а не толерантно-потребительской биологической массы.

Библиография / References:

1. Вожатый. – 1926. – № 8–9.
2. Вожатый. – 1947. – № 10.
3. Вожатый. – 1963. – № 4.
4. Вожатый. – 1967. – № 3.
5. Вожатый. – 1977. – № 10.
6. Вожатый. – 1987. – № 12.
7. Всесоюзная пионерская организация им. Ленина. Документы и материалы съездов, конференций, пленумов, бюро, секретариата ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина 1920–1972 гг. – М., 1972. – 457 с.
8. ГАОО. – Ф. П-1281. – Оп. 1. – Д. 115.
9. ГАОО. – Ф. П-1282. – Оп. 6.
10. ГАОО. – Ф. П-1283. – Оп. 85. – Д. 74.
11. ГАОО. – Ф. П-1283. – Оп. 89. – Д. 6.
12. Максим Горький. Советские дети [Электронный ресурс] / <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-253.htm> (дата обращения: 25.01.2022 г.).
13. Методический бюллетень по интернациональному воспитанию пионеров и школьников. – Орёл, 1982. – 39 с.
14. Орлова Л.Н. Исторические и социальные аспекты расширения деятельности пионерской организации в условиях многонационального государства / Запад – Восток: Россия и Европа, религия и мир. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под редакцией В.А. Ливцова. – Орёл, 2020. – С. 106–112.
15. Орлова Л.Н. Традиции нравственного и патриотического воспитания в Орловской пионерской организации как основа успешной деятельности российского движения школьников // Образование и общество. – 2017. – С. 46–48.

16. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орёл – Орловское полесье: путеводитель по экскурсионному маршруту. – Орёл, 2007.
17. Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ январь – декабрь 1967 г. – М.: Молодая гвардия, 1968. – 639 с.
18. Товарищ Комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. Т. 1. 1918–1941 гг. / Сост.: В. Десятерик и др. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 608 с.
1. Vozhatyj [Leader]. – 1926. – № 8-9. (In Russ.).
2. Vozhatyj. – 1947. – № 10. (In Russ.).
3. Vozhatyj. – 1963. – № 4. (In Russ.).
4. Vozhatyj. – 1967. – № 3. (In Russ.).
5. Vozhatyj. – 1977. – № 10. (In Russ.).
6. Vozhatyj. – 1987. – № 12. (In Russ.).
7. Vsesojuznaja pionerskaja organizacija im. Lenina. Dokumenty i materialy s#ezdov, konferencij, plenumov, Bjuro, Sekretariata CK VLKSM, Central'nogo Soveta Vsesojuznoj pionerskoj organizacii imeni V.I. Lenina 1920–1972 gg. [All-Union Pioneer Organization. Lenin. Documents and materials of congresses, conferences, plenums, the Bureau, the Secretariat of the Central Committee of the Komsomol, the Central Council of the All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin 1920–1972]. – М., 1972. – 457s. (In Russ.).
8. GAOO. F. P-1281. Op. 1. D.115. (In Russ.).
9. GAOO. F. P-1282. Op.6. (In Russ.).
10. GAOO. F. P-1283. Op. 85. D.74. (In Russ.).
11. GAOO. F. P-1283. Op.89. D.6. (In Russ.).
12. Maksim Gor'kij. Sovetskie deti [Maxim Gorky. Soviet children] [Jelektronnyj resurs] / <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-253.htm> (data obrashhenija 25.01.2022g.). (In Russ.).
13. Metodicheskij bjulleten' po internacional'nomu vospitaniju pionerov i shkol'nikov [Methodical bulletin on the international education of pioneers and schoolchildren]. – Orjol, 1982. – 39s. (In Russ.).
14. Orlova L.N. (2020) Istoricheskie i social'nye aspekty rasshirenija dejatel'nosti pionerskoj organizacii v uslovijah mnogonacional'nogo gosudarstva [Historical and social aspects of expanding the activities of the pioneer organization in a multinational state] / Zapad-Vostok: Rossiya i Evropa, religija i mir. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. pod redakciej V.A. Livcova. – Orjol, 2020. – S.106-112. (In Russ.).
15. Orlova L.N. (2017) Tradicii npravstvennogo i patrioticheskogo vospitanija v Orlovskoj pionerskoj organizacii kak osnova uspešnoj dejatel'nosti rossijskogo dvizhenija shkol'nikov [Traditions of moral and patriotic education in the Oryol pioneer organization as the basis for the successful activity of the Russian movement of schoolchildren] // Obrazovanie i obshhestvo. – S.46–48. (In Russ.).
16. Ashihmina E.N., Livcov V.A. (2007) Orjol – Orlovskoe poles'e [Oryol – Oryol Polesye]: putevoditel' po jekskursionnomu marshrutu / Orjol. (In Russ.).
17. Sbornik postanovlenij CK VLKSM janvar'-dekabr' 1967 g. [Collection of resolutions of the Central Committee of the Komsomol January-December 1967]. – М.: «Molodaja gvardija», 1968. – 639s. (In Russ.).
18. Tovarishh Komsomol: Dokumenty sezdov, konferencij i CK VLKSM [Comrade Komsomol: Documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol]. V 2-h t. T.1. 1918–1941 / Sost.: V. Desjaterik i dr. – М.: Molodaja gvardija, 1969. – 608s. (In Russ.).

ЛУПАНДИН Виталий Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: vit183@yandex.ru, AuthorID: 371460

LUPANDIN V.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: vit183@yandex.ru, AuthorID: 371460

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛОГИКЕ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКОВ

THE IDEAS ABOUT LOGIC AS AN ACADEMIC DISCIPLINE IN THE CONTEXT OF THE REFORMS OF RUSSIAN EDUCATION IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Аннотация. Цель статьи – анализ места и роли логики как учебной дисциплины в аспекте реформирования российского образования в период XIX – начала XX веков. Областью исследования является реформирование российского образования указанного периода, предметом исследования – представления о месте и роли логики как учебной дисциплины в данном процессе. Результаты исследования могут применяться при изучении гуманитарных учебных дисциплин высшего профессионального образования. В отношении общества, политики и системы государственного и муниципального управления результаты исследования могут применяться с целью повышения культуры мышления представителей социума, а также представителей системы государственного управления всех уровней.

Ключевые слова: система образования, начальное образование, среднее образование, высшее образование, логика, преподавание логики, роль и значение логики в системе образования.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the place and role of logic as an academic discipline in the aspect of reforming Russian education in the 19th – early 20th centuries. The author draws attention to the fact that the scope of the study is the reforming of Russian education in the 19th – early 20th centuries and the subject of the study is the idea of the place and role of logic as an educational discipline in this process. As a result, the author draws conclusions that the research results can be used by studying the humanities as well as they can be applied in order to improve the ways of thinking of representatives of society and those of the public administration in relation to society, politics and the system of state and municipal administration.

Keywords: educational system, primary education, secondary education, higher education, logic, teaching logic, role and significance of logic in the educational system.

ВВЕДЕНИЕ

В научных исследованиях, посвящённых изучению места и роли логики в развитии отечественной науки и отечественного образова-

ния, достаточно часто говорится о том, что уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1945–1946 гг., И. В. Сталин высказался о необходимости вновь ввести логику в учебные планы средней школы, как это было ещё в дореволюционной России. Однако в

Российской империи XIX века школы (в их современном представлении) как единые унифицированные учебные заведения не существовали. В связи с этим, на наш взгляд, актуализируется необходимость формирования системных представлений о том, в каких учебных заведениях России XIX века изучалась логика, какое значение она имела в контексте реформирования отечественного образования в XIX – начале XX века. Почему за отправную точку мы берём именно этот исторический период? Как отмечает В. И. Кобзарь, начало XX века для отечественной логики было благоприятным [11, С. 18], а основания для этого были заложены в предыдущем, XIX веке в ходе реформирования системы образования Российской империи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чем же предопределено начало реформирования российской системы образования в XIX веке? На этот вопрос невозможно дать односложный ответ, поскольку в данном случае прослеживается влияние целого ряда факторов: во-первых, увеличивается территория Российского государства и, соответственно, происходит прирост населения; во-вторых, развивается экономика России, влекущая за собой рост буржуазных отношений; в-третьих, расширяются международные связи в сфере экономики, политики, торговли; в-четвёртых, развиваются промышленность и сельское хозяйство, вызывающие необходимость развития связи, транспорта, путей сообщения. В свою очередь, данные обстоятельства обуславливают необходимость появления людей с новым типом мышления и новым, более качественным уровнем образования. Для того чтобы этот уровень был достигнут, и возникает необходимость проведения реформ системы образования России, и в этом отношении велика роль личности, выступающей инициатором проведения реформ, поскольку эта личность должна обладать не только стремлением к переменам в той или иной сфере жизнедеятельности общества, но и соответ-

ствующими интеллектуальными и материальными ресурсами, позволяющими данные перемены реализовать.

В связи с этим одним из основоположников реформы российского образования XIX века по праву следует считать императора Александра I, который, как указывается в исследовании А. И. Пискунова, в 1802–1804 гг. в качестве одной из реформ осуществил реформу системы образования [13, С. 187]. К основным результатам реформаторской деятельности императора Александра I в сфере образования, на наш взгляд, следует отнести:

- создание министерства народного просвещения (1802 год);
- утверждение базовых принципов функционирования системы образования – бесплатность, бесплатность обучения на его низших ступенях, преемственность учебных программ [22, С. 198] (1803 год);
- утверждение «Предварительных правил народного просвещения» [13, С. 187] (1803 год);
- выделение, в качестве основных ступеней образования церковно-приходских школ, уездных училищ, гимназий и университетов [13, С. 187; 24, С. 10] (1804 год);
- утверждение Устава учебных заведений, подведомых университетам [13, С. 187] (1804 год);
- выделение шести округов Российской империи по числу университетов – Московский, Санкт-Петербургский, Виленский, Казанский, Харьковский, Дерптский [13, С. 187] (1804 год);
- закрепление за округами кураторов от министерства народного просвещения [13, С. 187] (1804 год);
- расширение университетских обязанностей – руководство деятельностью гимназий, методический и инспекторский контроль их деятельности [13, С. 187];
- введение университетского устава, предоставляющего значительную автономию университетам, позволяющую самостоятельно выбирать ректора и профессуру, не допускающую постороннего вмешательства в университетские дела, а также позволяющую

университетам самостоятельно назначать учителей в училища и гимназии своего округа [17, С. 492-496] (1804 год).

Вводимые императором Александром I преобразования были призваны выстроить своего рода образовательную вертикаль, в которой каждый элемент системы образования должен был готовить обучающихся к переходу на последующую ступень обучения. В то же время, наряду с университетским уставом, по указу императора Александра I от 21 июля 1804 года вводится Цензурный устав, согласно которому должна проводиться проверка рукописей на предмет нахождения в них недопустимых мыслей и выражений. При этом, согласно Цензурному уставу, двойной смысл изложенного в рукописях «должно толковать» в пользу автора.

Какое же место занимала логика в системе российского образования XIX века в аспекте его реформирования? Для ответа на данный вопрос проанализируем программу обучения приходских училищ, уездных училищ, гимназий и университетов [24, С. 10] как основных образовательных учреждений России начала XIX столетия.

Приходские училища (церковно-приходские школы) функционировали при приходах Русской православной церкви, их программа была рассчитана на один год обучения и, как отмечается в работе А. И. Пискунова и др., «содержание занятий здесь составляли Закон Божий, Чтение, Письмо, Арифметика, Чтение и объяснение книги «Краткое наставление в сельском домоводстве»» [13, С. 187; 25]. В соответствии с императорским указом 1803 года церковно-приходские школы были всеобщими – туда принимались дети обоих полов и различного возраста, как правило, от 7 до 15 лет, но были и обучающиеся в возрасте от 16 до 20 лет [15, С. 19]. Основная задача приходских училищ состояла в подготовке обучающихся к поступлению в гимназию.

Исходя из названия, такие школы в основном существовали за счёт средств прихода, а потому порой владели нищенское существование и зачастую не могли обеспечить долж-

ный уровень подготовки обучающихся. Однако не стоит забывать о том, что низкая успеваемость учащихся церковно-приходских школ зависела и от регулярности посещения занятий обучающимися, которые часто являлись основными помощниками родителей в своих семьях [10, С. 248–249].

В уездные училища (уездные школы), которые имели двухгодичный срок обучения, могли поступать ученики любого сословия и соответствующего возраста, окончившие церковно-приходские школы или получившие знания (дома или в пансионе), аналогичные тем, которые получали обучающиеся церковно-приходских школ [30]. Претенденты на поступление в уездные училища, обучавшиеся до этого в церковно-приходских школах, предоставляли аттестат по итогам обучения, а претенденты, обучавшиеся дома или в пансионах, должны были выдержать вступительное испытание. Уездные училища призваны решать две основные задачи: во-первых, ознакомить обучающихся с теми сведениями, с той информацией, которая могла бы пригодиться им в дальнейшей трудовой деятельности; во-вторых, при наличии желания и возможностей подготовить обучающихся для поступления в гимназию.

Исходя из этого, как указано в работе Е. А. Калининой, «в уездных училищах изучались Закон Божий и Священная История, Должности человека и гражданина, Российская грамматика, Числописание, Правописание, Правила слога, Всеобщая география и математическая география, География российского государства, Всеобщая история, Российская история, Арифметика, Начальные правила геометрии, Начальные правила физики и естественной истории, Начальные правила технологии, Рисование» [14, С. 194; 27]. Уездные училища финансировались уже государством, а значит, имели большую возможность дать обучающимся более качественное образование.

В гимназиях, предшественниками которых были грамматические школы, по Уставу учебных заведений от 1804 года срок обучения составлял 4 года, а в первый класс учащиеся

поступали, как правило, в возрасте 9–10 лет. Обучение в гимназиях было ориентировано на поступление выпускников в университеты или на государственную службу. Соответственно, перечень изучаемых дисциплин имел более «светский характер» и, согласно Е. А. Калининой, «включал в себя Математику, Историю, Географию, Статистику, Философию, Изящные науки, Политэкономия, Естественную историю, Технологию, Коммерческие науки, Латинский язык, Французский язык, Немецкий язык, Рисование» [14, С. 194; 31]. Как правило, гимназии открывались в губернских городах, находились на дотации правительства, а качество подготовки преподавательского состава позволяло дать обучающимся знания лучше, чем в уездных и приходских училищах.

Проведённый анализ позволяет нам говорить о том, что на начальном этапе (1802–1810 гг.) реформирования российского образования XIX века в учебной программе образовательных учебных заведений начального уровня – церковно-приходских школах и уездных школах – логика как учебная дисциплина и как наука отсутствовала. Не преподавалась она и в гимназиях, которые, как известно, изначально назывались грамматическими школами.

Однако уже в 1819 году граф С. С. Уваров (будущий министр народного просвещения) в должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа выступил с инициативой реформирования гимназического образования, в соответствии с которым, наряду с введением в гимназические учебные планы для изучения Закона Божьего, отечественного (русского) языка, была введена и логика как самостоятельная наука. Подчеркнём: именно самостоятельная наука, поскольку в рамках той же реформы из гимназического образования была исключена философия, а вместе с ней ещё ряд учебных дисциплин. Таким образом, гимназии стали первыми в России светскими учебными заведениями среднего образования, в которых, наряду с лицеями и университетами, началось преподавание логики.

В этом отношении иная ситуация склады-

валась в российских университетах – Московском, Санкт-Петербургском, Тартуском, Вильнюсском, Харьковском и Казанском. Согласно единому университетскому уставу 1804 года в каждом из них было четыре отделения: отделение нравственных и политических наук, отделение физических и математических наук, отделение врачебных или медицинских наук, отделение словесных наук. [17, С. 219–220]. Соответственно, в указанный нами период (1802–1810 гг.) логика в университетах преподавалась на отделениях нравственных и политических наук, например, в Санкт-Петербургском университете логику преподавал Пётр Дмитриевич Лодий, в Императорском Московском университете логику преподавали Андрей Михайлович Брянцев и Михаил Матвеевич Снегирёв [12, С. 163–164].

В 1810 году в системе образования России произошло значимое событие – указом императора Александра I от 12 августа 1810 года был учреждён Царскосельский лицей, то есть, по сути, возобновлено функционирование специальных учебных заведений – лицеев, соотносящихся как с уровнем среднего, так и с уровнем высшего образования. Первым лицеем на территории Российской империи был Рижский императорский лицей, который после реформы школьного образования 1804 года был преобразован в гимназию. Учреждённый же по указу императора Александра I Царскосельский лицей, в 1811 году принявший в свои стены первых учащихся, в своих правах приравнивался к университету, то есть он был учебным заведением высшего профессионального образования, выпускники которого готовились к государственной службе.

Говоря о том, что Царскосельский лицей в своём статусе приравнивался к университету, мы вправе предположить, что лицеисты, как и студенты университетов, должны были изучать логику. Научные источники данное предположение подтверждают. Например, в работах А. М. Артёмкина и А. И. Пискунова говорится: «Общий срок обучения в Царскосельском лицее составлял шесть лет и делился на два курса (начальный и окончательный) по три года каждый. Содержание начального

курса составляли учебные дисциплины Русский язык, Латинский язык, Немецкий язык, Французский язык, Закон Божий, Философия, Логика, Арифметика, Алгебра, Тригонометрия, Физика, История Российская, История Всеобщая, География, Хронология, Риторика, Числописание, Рисование, Фехтование, Верховая езда, Плавание. Содержание окончательного курса составляли два цикла предметов – изящные искусства и гимнастические упражнения, а также курсы физических, математических, исторических наук, словесность» [1, С. 14; 12, С. 188]. Вполне естественно, что в лицее проводилась текущая и итоговая аттестация обучающихся, конечной целью которой был перевод лицеистов в следующий класс [13, С. 188].

В этом отношении примечателен факт, согласно которому знаменитый выпускник Царскосельского лицея – великий русский поэт А. С. Пушкин также изучал логику и, согласно таблице успеваемости, в отношении логики был «весьма замысловат и остроумен, но не прилежен вовсе и успехи не значущие» [30]. Как следует понимать сказанное? Как известно, остротой ума Александр Сергеевич от природы не был обижен, однако, по свидетельству очевидцев, к предметам, которые были ему неинтересны, усердия не проявлял. Вероятно, логика была одним из таких предметов.

Формируя представление о месте, роли и значении логики в развитии охарактеризованных нами элементов системы отечественного образования, нам следует выяснить, кто был у истоков преподавания логики в российских гимназиях, лицеях и университетах первой половины XIX столетия. Для этого вновь обратим наше внимание на специализированные духовные учебные заведения России, к которым, как отмечают М. А. Гончаров и М. Г. Плохова, кроме церковно-приходских школ, относились духовные семинарии и духовные академии. Наш интерес к этим учебным заведениям не случаен, поскольку именно духовные образовательные учреждения России стали первым источником подготовки педагогических кадров для светских образова-

тельных учреждений: школ (училищ), гимназий, лицеев и университетов [9, С. 121–122]. И здесь достаточно вспомнить, что знаменитый русский учёный М. В. Ломоносов начинал своё обучение в духовном учебном заведении – Славяно-греко-латинской академии.

Как утверждают М. А. Гончаров и М. Г. Плохова, несмотря на то что Россия была многонациональным и многоконфессиональным государством, на развитие просвещения в России в большей степени оказали влияние духовно-учебные заведения именно Русской православной церкви, поскольку они были непосредственно связаны с государством и государственной идеологией. Кроме того, именно они в XVI – начале XVIII века были единственными источниками образования в России [9, С. 121–122]. Именно поэтому следует отметить особую роль духовных образовательных учреждений России в развитии логической науки, подходов и методов её преподавания в учебных заведениях. Нельзя не согласиться с мнением В. А. Бажанова о том, что развитие традиционной формальной логики в рамках университетского образования практически не подвергалось гонению или подвергалось в меньшей степени, чем гонение на философию, не в последнюю очередь именно потому, что изначально логика преподавалась в духовных академиях и в духовных семинариях [3, С. 8]. Кроме того, В. А. Бажанов акцентирует внимание на том, что именно подготовленные в духовных образовательных учреждениях специалисты по логике в дальнейшем обеспечивали непрерывность преподавания логической науки в светских учебных заведениях (прежде всего в университетах) как в годы, свободные от гонений на философию, так и в годы гонений на неё [4, С. 144–145]. В своём исследовании В. А. Бажанов перечисляет наиболее известных логиков, окончивших духовные образовательные учреждения и внесших значительный вклад в преподавание и развитие логики в светских учебных заведениях:

– «Киевская духовная академия – С. С. Гогоцкий, В. Н. Карпов, О. М. Новицкий, М. М. Троицкий, П. Д. Юркевич;

- Московская духовная академия – архимандрит Гавриил, М. И. Каринский, Н. И. Надеждин;
- Казанская духовная академия – В. А. Снегирёв;
- Санкт-Петербургская духовная академия – М. И. Владиславлев;
- Костромская духовная академия – А. С. Лубкин;
- Нижегородская духовная семинария – Ф. А. Зеленогорский» [4, С. 145].

Среди указанных персоналий В. Н. Карпов, О. М. Новицкий, М. М. Троицкий, М. И. Каринский, М. И. Владиславлев, А. С. Лубкин впоследствии стали авторами оригинальных учебников или учебных пособий по логике, на основе которых проводились соответствующие учебные занятия в университетах, лицеях и гимназиях.

Возвращаясь к вопросу реформирования отечественной системы образования, следует подчеркнуть, что после Отечественной войны 1812 года внутренняя политика в этом направлении изменилась. В немалой степени этому способствовало преобразование в 1817 году министерства народного просвещения [24, С. 12] (основано 8 сентября 1802 года) в министерство духовных дел и народного просвещения [13, С. 189]. Вслед за этим, как указывает В. В. Перцев, началась ревизия учебного процесса и учебных планов в образовательных учреждениях всех уровней [18, С. 46–47]. Однако уже 15 марта 1824 года происходит обратный процесс, вследствие которого воссоздаётся самостоятельное министерство народного просвещения, которое к 1826 году получило указ императора Николая I к пересмотру всей системы отечественного образования. В результате, в 1827 году принцип бессословности образования был фактически ликвидирован, а ему на смену пришёл принцип сословности и бюрократической централизации.

В соответствии с этим принципом в 1828 году был принят школьный устав, действие которого распространялось на гимназии, уездные и приходские училища, которые отныне не были элементами единой системы

образования, провозглашаемой Александром I. Согласно данному уставу в одноклассных приходских училищах дети низших сословий должны были обучаться математике, чтению, письму, Закону Божьему; в трёхклассных уездных училищах дети средних сословий должны были обучаться математике, чтению, письму, Закону Божьему, географии, геометрии, истории; в семиклассных гимназиях дети высших сословий должны были обучаться по программе подготовки для поступления в университет [27]. Отныне приходские училища не готовили детей для поступления в гимназии.

Развитие идей Цензурного устава 1804 года получило воплощение в обновлённом Университетском уставе от 1835 года, который ограничил автономию университетов, запретил университетский суд и фактически ввёл полицейский надзор за студентами. Как отмечают В. А. Бажанов и В. И. Маркин, в 1850 году вышло высочайшее повеление императора Николая I, ограничившее преподавание философии в университетах логикой и психологией. При этом преподавание логики и психологии должны были осуществлять профессора богословия, а разработка программы их преподавания возлагалась на Московскую духовную академию с последующим одобрением комитетом при Священном синоде [5, С. 99–100]. По свидетельству авторов, «данная программа содержательно не сильно отличалась от программы преподавания логики до введения ограничения на преподавание философии в светских университетах» [5, С. 100].

Сменивший на российском троне императора Николая I император Александр II указом от 1863 года вернул университетам прежнюю автономию, а вместе с ней и право преподавать философию. Для нашего исследования это имеет особое значение, поскольку развитие логической науки в российских университетах всегда велось в рамках философского знания, представлявшего собой триаду наук: собственно, философию, логику и психологию. По мнению мыслителей того времени, изучение одной из наук в указанной триаде без других наук способствовало обеднению пред-

ставлений о каждой из них. Такое состояние дел имело как положительные, так и отрицательные моменты: с одной стороны, дополнение знаний в одной из указанных наук достижениями других является несомненным плюсом, с другой стороны, изучение и развитие логики в контексте философского знания стало одной из причин «гонения» на логику в послереволюционной России и в Советском Союзе.

Перемены в системе отечественного образования второй половины XIX века, сопровождающие развитие высшего образования, стали прообразом сходных процессов на уровнях начального и среднего образования.

В частности, как отмечается в работе В. В. Перцева, уже в мае 1858 года императором Александром II было утверждено Положение о женских училищах ведомства министерства народного просвещения [18, С. 46; 19, С. 267–268]. Следует отметить, что женские училища были не первыми специализированными в дореволюционной России образовательными учебными учреждениями для лиц женского пола. Например, ещё в 1806 году в Санкт-Петербурге был основан так называемый дом трудолюбия. Это казённое учебное заведение было предназначено для рано осиротевших девочек младшего офицерского состава, с 1847 года получило статус Елизаветинского училища, а с 1892 года – Елизаветинского института [8, С. 132]. Также в качестве примера следует упомянуть учебное заведение, которое называлось Петербургским Екатерининским институтом, основанное в 1798 году, куда поступали учиться дочери потомственных, но незнатных и небогатых дворян [8, С. 144]. Ну и конечно, нельзя обойти стороной известный в России и за её пределами Смольный институт, основанный в 1764 году, куда изначально поступали учиться дочери дворян, однако уже начиная с 1765 года данное учебное заведение было доступно и для «мещанских девиц» [8, С. 160].

В 1860 году как подведомственные учебные заведения [18], по свидетельству В. В. Перцева, женские училища обрели разрядность: училища II разряда приравнивались

к начальной школе, а училища I разряда приравнивались к неполной шестилетней гимназии. Учебные предметы, изучаемые в женских гимназиях, за редким исключением, практически не отличались от изучаемого в гимназиях мужских [18, С. 46]. На основе данного факта закономерен вопрос: изучалась ли логика в женских гимназиях (училищах I разряда)? На данный вопрос с большой долей вероятности следует дать отрицательный ответ, поскольку, несмотря на незначительные отличия от программы обучения в мужских гимназиях, по свидетельству С. В. Сидорова и А. В. Семёновой, данные отличия всё-таки существовали и логика как учебная дисциплина отсутствовала в учебных планах женских гимназий. [21, С. 154–156].

Как указывает В. В. Перцев, начиная с 1864 года мужские гимназии в России стали подразделять на классические (с изучением двух древних языков либо одного латинского языка) и на реальные гимназии [18, С. 47]. Такое деление не было равнозначным, так как классические гимназии предоставляли право своим выпускникам поступать в университет без экзаменов, у выпускников же реальных гимназий такое право было ограничено физико-математическим факультетом университета. При стремлении выпускника реальной гимназии поступить на другой факультет университета он должен был дополнительно изучить латинский язык или один из древних языков. В качестве примера мы можем сослаться на В. И. Ульянова (Ленина), окончившего Симбирскую классическую гимназию и впоследствии поступившего в Казанский университет на юридический факультет.

Кроме того, в исследовании В. В. Перцева говорится о том, что в 1871 году при непосредственном участии нового министра народного просвещения Д. А. Толстого реальные гимназии переводятся в разряд реальных училищ. И если в классических гимназиях был добавлен ещё один, 8-й год обучения, то дальнейшая деятельность реальных училищ осуществляется на основе Устава реальных училищ от 1872 года, позволявшего выпускникам реальных училищ, как ранее выпускникам

реальных гимназий, поступать в высшие учебные заведения [18, С. 47–49].

Не меньшее число преобразований затронуло и приходские училища. Так, в 60-е гг. XIX столетия неоднократно высказывалось мнение о необходимости закрытия церковно-приходских школ, поскольку их ученики демонстрировали невысокий уровень знаний. В отечественной прессе указанного периода всё чаще говорилось о том, что в церковно-приходских школах не обучают детей, а «забивают» их сознание суевериями и предрассудками [6, С. 96]. Кроме того, проведённые проверки доказывали, что значительное число церковно-приходских школ существовало номинально, на бумаге, занятия в них не проводились. Было непонятно, к какому ведомству отнести эти школы, кому они должны функционально подчиняться – министерству народного просвещения или Святейшему синоду.

Дальнейшее существование церковно-приходских школ было поддержано в правительственных кругах, в частности обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев выступил с инициативой создания «Правил о церковно-приходских школах» [6, С. 98], регламентирующих статус и деятельность церковно-приходских школ в России. Правила были разработаны Святейшим синодом, и после обсуждения в ходе заседания комиссии при Святейшем синоде К. П. Победоносцев представил проект правил на утверждение высочайшей особе – императору Александру III. Утверждение правил позволило снять существующее противоречие о функциональном подчинении, и с 1884 года приходские училища окончательно стали подчиняться Святейшему синоду.

Следует отметить, что ещё до утверждения правил, согласно положениям 1864 года, Русской православной церкви предоставлялось право осуществлять контроль как за религиозно-нравственным направлением подготовки учащихся, так и за преподаванием всех остальных предметов. В 1886 году была обновлена программа обучения в церковно-приходских школах, поскольку продолжительность обучения стала составлять два, а затем

и три года. Соответственно, перечень изучаемых дисциплин, как указывают Р. В. Яценко и Е. П. Воробьёв, расширился до семи: «Закон Божий, Церковно-славянское пение, Церковно-славянский язык, Русский язык, Чистописание, Арифметика, Русская история» [25, С. 74]. В конце XIX – начале XX века продолжительность обучения в ряде приходских школ увеличилась до 4 лет, а перечень изучаемых учебных дисциплин, кроме перечисленных выше, стал включать в себя краткую церковную историю, географию, природоведение, черчение, рисование [25, С. 74; 26].

С 1875 года началось преобразование уездных училищ в городские училища, срок обучения в которых варьировался от одного года до пяти лет. Содержание образовательных программ традиционно включало в себя те учебные дисциплины, которые были характерны и для уездных училищ, но с оговоркой о том, что если имелось разрешение министерства народного просвещения, то в училищах разрешалось преподавать и другие, дополнительные предметы. В 1870-х годах в России появляются земские школы, которые вплоть до Октябрьской революции 1917 года были одним из самых распространённых учебных заведений начального уровня. Задача земских школ – формирование у обучающихся основных навыков грамотности, поэтому обучение в таких школах происходило в двух- или трехлетний срок, а программа обучения была классической для учебных заведений начального уровня.

Как отмечает В. В. Перцев: «Конец XIX – начало XX века – период непрекращаемых споров вокруг будущего средней школы. Задуманная А. Н. Шварцем в 1908 году реформа, предусматривающая единый тип среднеобразовательной школы – гимназию, была снята с обсуждения в 1910 году следующим министром Л. А. Кассо. В 1913 году в Государственную Думу было внесено законодательное предложение об установлении преемственности между начальной и средней школой через высшие народные училища и откритии доступа в университет лицам, окончившим курсы реальных училищ, наравне с

абитуриентами гимназии; но оно также не получило реального воплощения в жизнь. 9 января 1915 года министром был назначен Игнатъев, началась работа по сбору материалов о системах образования во Франции, США и Англии. Однако из-за нападков на Игнатъева он 28 декабря 1916 года был уволен с должности, и с его уходом реформы были остановлены. Февральская революция 1917 года подвела черту гимназическому образованию в России» [18, С. 5].

Таким образом, в XIX веке преподавание логики в российских образовательных учреждениях осуществлялось только на уровне гимназий, лицеев и университетов. Начальная школа в форме приходских, уездных или городских училищ, а также земских школ преподавание и изучение логики не предполагала, а ставила перед собой стратегическую задачу – повышение уровня грамотности населения Российского государства.

Октябрьская революция 1917 года сопровождалась фундаментальными изменениями всех сфер жизнедеятельности российского общества, поэтому сфера образования в данном случае не является исключением. Отметим, что основные принципы построения образования в послереволюционной России и в дальнейшем в СССР были сформулированы задолго до Октябрьской революции 1917 года – в 1903 году в программе Российской социал-демократической партии (далее РСДРП) – и озвучены во время II съезда РСДРП с 17 июля по 10 августа 1903 года. К основным принципам относились:

- принцип бесплатного образования детей обоих полов до 16 лет;
- принцип ликвидации сословных школ;
- принцип ликвидации ограничений в образовании по национальным признакам;
- принцип отделения школы от церкви;
- принцип обучения в школах на родном языке;
- принцип снабжения государством детей из бедных семей всем необходимым для обучения – пищей, одеждой, учебными пособиями [16, С. 16].

Фактически известно, что во время съезда

произошел раскол, следствием которого стало образование большевистского и меньшевистского направления РСДРП. Ставшая правящей после Октябрьской революции 1917 года партия большевиков вопросы образования считала одними из приоритетных, поэтому направила все возможные усилия на реформирование народного образования в целом и формирование системы управления народным образованием. Для того чтобы получить полноценное представление о происходящих процессах, обратимся к исследованию Т. М. Ашеновой и М. А. Коженовой [2]. Как отмечают авторы, «на основе декрета от 26 октября 1917 года «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» было сформировано советское правительство – Совет Народных Комиссаров (далее – СНК), а в его составе – образован народный комиссариат по просвещению, возглавляемый А. В. Луначарским» [2, Л. 5]. Поскольку СНК сочетал в себе элементы законодательной, распорядительной и исполнительной власти, то деловая документация народного комиссариата по просвещению иногда обретала силу закона, что отразилось на процессе организации и структурирования системы образования в постреволюционной России [2, Л. 5].

Как отмечает в своём исследовании И. В. Петухова, 29 октября 1917 года с предложением создать «единую для всех граждан светскую школу в нескольких ступенях» к населению России обратился нарком просвещения А. В. Луначарский [19, С. 63]. В это же время был опубликован важнейший документ, определявший, во-первых, «...основные направления деятельности Советской власти в области образования...» [2, Л. 6], а во-вторых, «положение органов управления в системе управления образованием» [2, Л. 6]. В ноябре 1917 года совместным декретом ВЦИК и СНК учреждена Государственная комиссия по просвещению, призванная руководить всей системой народного образования и культуры [2, Л. 6]. Однако существующее министерство народного просвещения сохраняло свои исполнительские функции, а учреждённой Государственной комиссии предстояло плодотворно

творно сотрудничать с Государственным комитетом по народному образованию, действующему ещё со времён Временного правительства. Таким образом, в период 1917–1918 гг. в послереволюционной России управление народным образованием было смешанным – оно включало в себя элементы существовавшей и формирующейся систем.

Дальнейшее реформирование системы образования в послереволюционной России было закреплено законодательно, поскольку с принятием Конституции РСФСР от 10 июня 1918 года одной из основных задач молодой Советской республики была задача предоставления рабочим и крестьянам полного, всестороннего и бесплатного образования. На основе принятой в 1918 году Конституции РСФСР, а также директив СНК система образования молодой Советской республики должна была выстраиваться на основе следующих принципов:

- принцип запрета на существование частных школ;
 - принцип бесплатного обучения;
 - принцип совместного обучения детей обоих полов;
 - принцип отделения школы от церкви, введение запрета на преподавание в учебных заведениях вероучения;
 - принцип отмены физических наказаний;
 - принцип обучения представителей иных национальностей на родном языке;
 - положено начало созданию системы дошкольного воспитания;
 - введены в действие новые правила приёма в вузы.
- Как отмечает Е. Ю. Быкова, «разработкой строительства новой системы народного образования занималась Государственная Комиссия по Просвещению, по результатам деятельности которой церковно-приходские школы заменяются сельскими, вместо уездных училищ и гимназий создаются единые трудовые школы и к середине 1920-х сформировалась следующая система школьного образования» [7, С. 180]:
- «начальная школа (1-я ступень) с четырехлетним сроком обучения;

– семилетняя школа как фундамент всей школьной системы;

– школа 2-й ступени (девятилетняя средняя школа);

– фабрично-заводские семилетки – разновидность семилетней школы в промышленных центрах и районах; школа крестьянской молодежи, являющаяся продолжением школы 1-й ступени для сельской молодежи;

– школа фабрично-заводского ученичества преимущественно для рабочих подростков с профессиональной установкой, но с сохранением общеобразовательных знаний в объеме семилетней школы;

– рабочий факультет, дававший среднее образование рабоче-крестьянской молодежи, поступающей затем в своем большинстве в высшие учебные заведения» [7, С. 181].

Как указывает И. В. Петухова, на первом году обучения в школах присутствовали стандартные предметы, обеспечивающие развитие у обучающихся грамотности, на втором году вводились история, география, природоведение; пение, рисование, труд и физкультура вводились в обучение и распределялись по усмотрению учебного заведения [19, С. 64].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Послереволюционное преобразование школьного образования в РСФСР затронуло не только элементы системы образования, но и её содержательную часть. Данный аспект является предметом отдельного самостоятельного научного исследования, мы же отметим: сразу после революции в рамках отечественного школьного образования намечалась тенденция к отказу от классно-предметного обучения и переход к обучению трудоориентированному. Однако в силу ряда обстоятельств в конечном итоге этого не произошло – к поурочно-классному обучению вернулись, однако логика как учебный предмет вплоть до 1947 года в учебную программу школьного образования не вводилась. Во многом это произошло потому, что сразу после Октябрьской революции 1917 года прекратило существование гимназическое образование –

единственное, в рамках которого логика изучалась как предмет среднего образования.

Что же касается высшего профессионального образования, прежде всего университетов, то в отношении данного уровня образования история преподавания логики в послереволюционный период исследована многими учёными, в работах которых говорится о неоднозначности отношения к логической науке – от полного её отрицания (как части буржуазной философии) до осознания её значимости во всех сферах научного познания.

Библиография/References:

1. Артёмкин А.Н. Царскосельский лицей как пример элитного учебного заведения начала XIX века // Вестник научных конференций. – 2016. – № 2–5. – С. 13–15.
2. Ашенова Т.М., Коженева М.А. К вопросу о формировании центральных органов управления образованием в 1917–1918 гг. // Вестник Омской юридической академии. – 2013. – № 1. – С. 4–8.
3. Бажанов В.А. История логики в России и СССР. – М.: Канон, 2007. – 336 с.
4. Бажанов В.А. Преподавание логики в дореволюционной России: вклад священнослужителей // Высшее образование в России. – 2012. – № 1. – С. 144–149.
5. Бажанов В.А., Маркин В.И. Логическое образование в России: краткая история, современное состояние, перспективы // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 98–109.
6. Белослудцева В.В. Церковно-приходская школа в системе начального образования в России во второй половине XIX века // Вестник Пермского университета. Серия «История и политология». – 2009. – № 4. – С. 95–99.
7. Быкова Е.Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 179–189.
8. Гимназисты, кадеты, лицеисты, смолянки: образование в царской России / под ред. Е.А. Павликова. – М.: Просвещение, 2022. –

208 с.

9. Гончаров М.А., Плохова М.Г. Духовно-учебные заведения и их место в формировании образовательного пространства России XVII – XIX веков // Вестник ПСТГУ. – 2012. – Вып. 3. – С. 120–130.
10. Житенев Т.Е. Условия обучения в начальных церковных школах в конце XIX – начале XX века. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 1. – С. 246–261.
11. Кобзарь В.И. Логика в России последнего столетия: основные этапы и итоги // Философские науки. – 2009. – № 4. – С. 18–33.
12. Круглов А.Н. Преподавание логики в Императорском Московском университете // Логико-философские штудии. – 2020. – № 2 (Т. 18). – С. 161–195.
13. История педагогики и образования: от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века / под ред. А.И. Пискунова. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 512 с.
14. Калинина Е.А. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 192–202.
15. Красницкая Т.А. Ученический состав церковных школ России в конце XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3 (Т. 21). – С. 19–23.
16. Острога В.М. Вопросы народного образования в программах политических партий России (начало XX в.) // Труды БГТУ. – 2016. – № 5. – С. 14–18.
17. Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. / под ред. В.Л. Янина. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 688 с.
18. Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № 1. – С. 46–53.
19. Петухова И.В. Проблема содержания образования в советской школе 1918–1941 гг. // Достижения науки и образования. – 2016. – № 12. – С. 63–71.

20. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 3. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1864–1904. – 855 с.
21. Сидоров С.В., Семёнова А.В. Содержание и организация образования в женских гимназиях и прогимназиях предреволюционной России // Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2011. – № 1. – С. 153–156.
22. Тутарищева С.М., Сляднев М.В. Эволюция образовательной системы в России XIX века: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы» г. Курск. 25.06.2020. – Курск: Издательство «Финансовый университет при Правительстве РФ» (Курский филиал), 2020. – С. 197–199.
23. Цыбулькинова В.Е. История внутришкольного управления: монография. – М.: Прометей, 2011. – 208 с.
24. Яковкина Н.И. История русской культуры XIX века. 2-е изд. стер. – СПб.: Лань, 2002. – 576 с.
25. Яценко Р.В., Воробьёв Е.П. Процесс обучения в церковно-приходских школах в конце XIX – начале XX века // Начальная школа до и после. – 2013. – № 7. – С. 73–77.
26. Суворый А. Программы церковно-приходских школ // Проза.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://proza.ru/2020/06/30/1050> (дата обращения: 2.03.2022).
27. Об уездных училищах [Электронный ресурс]. – URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000027/st009.shtml> (дата обращения: 4.03.2022).
28. Гимназическое образование в Российской империи [Электронный ресурс]. – URL: <http://glukhov-gymnasien.com/?id=110> (дата обращения: 6.03.2022).
29. Образование в Российской империи [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 7.03.2022).
30. Матвеева Е.С., Ливцов В.А., Филонов В.И. Деятельность Комиссии Духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования в XIX веке (на материалах Орловской губернии) // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 126–137.
31. Табель Александра Пушкина с оценками [Электронный ресурс]. – URL: <http://hronika.su/tabel-aleksandra-pushkina-s-ocenkami/> (дата обращения: 10.03.2022).
32. История гимназического образования в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lik10.ru/history/gimnirrus.html> (дата обращения: 12.03.2022).
1. Artjomkin A.N. (2016) Carskosel'skij licej, kak primer jelitnogo uchebnogo zavedenija nachala XIX veka [Tsarskoye Selo Lyceum as an example of an elite educational institution of the early 19th century] // Vestnik nauchnykh konferencij. – №2–5. – S. 13–15. (In Russ.).
2. Ashenova T.M., Kozhenova M.A. (2013) K voprosu o formirovanii central'nyh organov upravlenija obrazovaniem v 1917-1918 gg. [On the question of the formation of the central educational authorities in 1917-1918] // Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii. – №1. – S. 4–8. (In Russ.).
3. Bazhanov V.A. (2007) Istorija logiki v Rossii i SSSR [History of logic in Russia and the USSR]. – M.: Kanon. – 336s. (In Russ.).
4. Bazhanov V.A. (2012) Prepodavanie logiki v dorevoljucionnoj Rossii: vklad svjashhennoslužitelej [Teaching logic in pre-revolutionary Russia: the contribution of the clergy] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – №1. – S. 144–149. (In Russ.).
5. Bazhanov V.A., Markin V.I. (2013) Logicheskoe obrazovanie v Rossii: kratkaja istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy [Logic education in Russia: a brief history, current state, prospects] // Filosofskie nauki. – №1. – S. 98–109. (In Russ.).
6. Belosludceva V.V. (2009) Cerkovno-prihodskaja shkola v sisteme nachal'nogo obrazovanija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Parish school in the system of primary education in Russia in the second half of the 19th century] // Vestnik Permskogo universiteta: serija istorija i politologija. – №4. – S. 95–99. (In Russ.).

7. Bykova E.Ju. (2011) Reformirovanie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v SSSR v 1917–1930gg.: organizacionnye i ideologicheskie aspekty [Reforming the system of school education in the USSR in 1917–1930: organizational and ideological aspects] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 1. – S. 179–189.
8. Gimnazisty, kadety, liceisty, smoljanki: obrazovanie v carskoj Rossii / pod red. E.A. Pavlikova [Gymnasium students, cadets, lyceum students, Smolyanka students: education in Tsarist Russia]. – M.: Prosveshchenie, 2022. – 208s. (In Russ.).
9. Goncharov M.A., Plokhova M.G. (2012) Duhovno-uchebnye zavedeniya i ih mesto v formirovanii obrazovatel'nogo prostranstva Rossii XVII–XIX vekov [Spiritual educational institutions and their place in the formation of the educational space of Russia in the 17th–19th centuries] // Vestnik PSTGU. – Vyp.3. – S.120–130. (In Russ.).
10. Zhitenev T.E. (2009) Usloviya obuchenija v nachal'nyh cerkovnyh shkolah v konce XIX – nachale XX veka [Conditions of education in elementary church schools in the late XIX - early XX century] // Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – №1. – S.246–261. (In Russ.).
11. Kobzar' V.I. (2009) Logika v Rossii poslednego stoletija: osnovnye jetapy i itogi [Logic in Russia in the Last Century: Main Stages and Results] // Philosophical Sciences] // Filosofskie nauki. – №4. – S.18–33. (In Russ.).
12. Kruglov A.N. (2020) Prepodavanie logiki v Imperatorskom Moskovskom universitete [Teaching logic at the Imperial Moscow University] // Logiko-filosofskie shtudii. – №2 (T.18). – S.161–195. (In Russ.).
13. Istorija pedagogiki i obrazovaniya: ot razrozhdeniya vospitaniya v pervobytnom obshchestve do konca XX veka [History of Pedagogy and Education: From the Origin of Education in a Primitive Society to the End of the 20th Century] / pod red. A.I. Piskunova. – M.: TC Sfera, 2001. – 512s. (In Russ.).
14. Kalinina E.A. (2012) Shkol'naja reforma Aleksandra I i «Polozhenie ob uchilishhah» [School reform of Alexander I and the «Regulations on schools»] // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. – №11. – S. 192–202. (In Russ.).
15. Krasnickaja T.A. (2015) Uchenicheskij sostav cerkovnyh shkol Rossii v konce XIX – nachale XX veka v Rossii [The student body of church schools in Russia at the end of the 19th - beginning of the 20th century in Russia] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – №3 (T.21). – S.19–23. (In Russ.).
16. Ostroga V.M. (2016) Voprosy narodnogo obrazovaniya v programmah politicheskikh partij Rossii (nachalo XXv.) [Issues of public education in the programs of political parties in Russia (early XX century)] // Trudy BGTU. – № 5. – S.14–18. (In Russ.).
17. Otechestvennaja istorija: jenciklopedija [Domestic history: encyclopedia]. V 5t. T.1. / pod red. V.L. Janina. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. – 688s. (In Russ.).
18. Percev V.V. (2013) Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevoljucionnoj Rossii: vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka [Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: the second half of the 19th - early 20th centuries] // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal Koncept. – №1. – S.46–53. (In Russ.).
19. Petuhova I.V. (2016) Problema soderzhaniya obrazovaniya v sovetskoj shkole 1918–1941 gg. [The problem of the content of education in the Soviet school in 1918–1941] // Dostizhenija nauki i obrazovaniya. – №12. – S. 63–71. (In Russ.).
20. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. T.3. – SPb.: Tip. Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1864–1904. – 855s. (In Russ.).
21. Sidorov S.V., Semjonova A.V. (2011) Soderzhanie i organizacija obrazovaniya v zhen'skikh gimnazijah i progimnazijah predrevoljucionnoj Rossii [The content and organization of education in women's gymnasiums and progymnasiums in pre-revolutionary Russia] // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – №1. – S.153–156. (In Russ.).
22. Tutarishheva S.M., Sjadnev M.V. (2020)

- Jevoljucija obrazovatel'noj sistemy v Rossii XIX veka: sbornik nauchnyh statej 19-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Social'no-jeekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendencii, perspektivy» [The evolution of the educational system in Russia in the 19th century: a collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference «Social and Economic Development of Russia: Problems, Trends, Prospects»] g.Kursk. 25.06.2020. – Kursk. Izdatel'stvo: Finansovyj universitet pri pravitel'stve RF. (Kurskij filial). – S.197–199. (In Russ.).
23. Cybul'nikova V.E. (2011) Istorija vnutriškol'nogo upravlenija: monografija [History of intraschool management: monograph]. – M.: Prometej. – 208s. (In Russ.).
24. Jakovkina N.I. (2002) Istorija russkoj kul'tury XIX veka [History of Russian culture of the XIX century]. 2-e izd. ster. – SPb.: Lan'. – 576s. (In Russ.).
25. Jashhenko R.V., Vorob'jov E.P. (2013) Process obuchenija v cerkovno-prihodskih shkolah v konce XIX – nachale XX veka [The process of education in parochial schools in the late 19th - early 20th centuries] // Nachal'naja shkola do i posle. – №7. – S.73–77. (In Russ.).
26. Suvoryj A. Programmy cerkovno-prihodskih shkol [Programs of parochial schools] Proza.ru [Elektronnyj resurs]. – URL: // <https://proza.ru/2020/06/30/1050> (data obrashhenija 2.03.2022). (In Russ.).
27. Ob uezdnyh uchilishhah [About district schools] [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000027/st009.shtml> (data obrashhenija 4.03.2022). (In Russ.).
28. Gimnazicheskoe obrazovanie v Rossijskoj imperii [Gymnasium education in the Russian Empire] [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://glukhov-gymnasien.com/?id=110> (data obrashhenija 6.03.2022). (In Russ.).
29. Obrazovanie v Rossijskoj imperii [Education in the Russian Empire] [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashhenija 7.03.2022). (In Russ.).
30. Matveeva E.S., Livcov V.A., Filonov V.I. (2021) Dejatel'nost' Komissii Duhovnyh uchilishh po voprosam organizacii i podderzhki sistemy duhovnogo obrazovanija v XIX veke (na materialah Orlovskoj gubernii) [Activities of the Commission of Theological Schools on the Organization and Support of the System of Spiritual Education in the 19th Century (Based on the Materials of the Oryol Province)] // Bylye gody. – №16(1). – S.126-137. (In Russ.).
31. Tabel' Aleksandra Pushkina s ocenkami [Report card of Alexander Pushkin with grades] [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://hronika.su/tabel-aleksandra-pushkina-s-ocenkami/> (data obrashhenija 10.03.2022).
32. Istorija gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii [History of gymnasium education in Russia] [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.lik10.ru/history/gimnirus.html> (data obrashhenija 12.03.2022).

УДК 304.4(47):316я473(410)''18''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-103-113

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru, AuthorID: 296315

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru, AuthorID: 296315

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ**

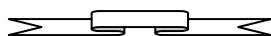
**SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE MIDDLE OF THE 19TH
CENTURY IN THE VIEW OF BRITISH CONTEMPORARIES**

Аннотация. Цель статьи – анализ британского социокультурного восприятия России и внутривнутриполитической жизни россиян в начале 60-х гг. XIX века, а также уточнению специфики британского менталитета как такового. Российская и Британская империи являлись одними из главных акторов на международной арене в XIX веке. Взаимоотношения двух держав носили достаточно сложный характер: союзнические отношения в период наполеоновских войн в начале XIX века к 1850-м гг. сменились противостоянием двух сторон в рамках обострившегося Восточного вопроса, закончившимся Крымской войной (1853–1856 гг.). Россия интересовала британцев всегда. Интерес к ее истории, внутренней и внешней политике возрос после окончания войны, восшествия на престол нового императора Александра II. В центре внимания британской общественности были проводимая им политика реформ и отношение к ней различных слоев российского общества. Всё это находило освещение на страницах британских периодических изданий, которые сквозь призму русофобских настроений способствовали формированию образа России и россиян в британском обществе.

Ключевые слова: Россия, Александр II, британские периодические журналы, российское дворянство, чиновники, политические группировки, русофобия.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the British socio-cultural perception of Russia and the domestic political life of Russians in the early 1860s of the 19th centuries and to clarify the specifics of the British mentality. The author draws attention to the fact that the Russian and British empires were one of the main actors in the international arena in the 19th century. Much attention is given to the relationship between the two powers that was quite complex. A special attention is paid to the analysis of allied relations during the Napoleonic Wars from the beginning of the 19th century to the 1850s. They were replaced by a confrontation between the two sides within the aggravated Eastern Question, which ended with the Crimean War (1853–1856). As a result, the author draws conclusions that the British have always been interested in Russia, its history, domestic and foreign policy especially after the end of the war and the accession of the new Emperor Alexander II. His reform policy and Russian public attitude to it were the center of British public attention. All this were the top stories on the pages of British newspapers which generated anti-Russian sentiments and image of Russia in the British society.

Keywords: Russia, Alexander II, British periodicals, Russian nobility, official establishment, political groups, Russophobia.

ВВЕДЕНИЕ

Середина XIX века ознаменовалась в истории Великобритании значительными трансформационными процессами. Крупная промышленная держава, успешно прошедшая процесс индустриализации, господствовала на мировом экономическом рынке в качестве «мастерской мира». Как внешние факторы, так и установившаяся определенная стабильность во внутривнутриполитической жизни страны в 50–60-х гг. XIX века определяли менталитет средневикторианского англичанина, на который оказывали влияние, с одной стороны, «островизм», а с другой – начинающий набирать силу британский национализм, основанный на новых представлениях о прогрессе и цивилизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обращаясь к проблеме формирования образа «другого» в общественном мнении жителей Британских островов в рассматриваемый период, на наш взгляд, следует обратить внимание не только на то, какие использовались механизмы описания и презентации этих образов, но и на то, как эти образы влияли на общественное сознание самих англичан, на понимание ими собственных «я/мы» сквозь призму восприятия других народов. Предметом исследования в данной статье является аналитический срез складывавшихся образов России и россиян начала 60-х гг. XIX века в английском обществе и их влияния на менталитет собственно британцев.

Проблема формирования российского образа в Великобритании в середине XIX века нашла свое освещение в исследовательской литературе [2, 3, 10, 15, 16]. Но новизна представленного в данной статье материала состоит в том, что главными источниками исследования проблемы стали не тревоги путешественников и мемуарная литература современников, а публикации в британских ежеквартальных и еженедельных журналах начала 60-х гг. XIX века, посвященные российским

событиям в этот период. Отношение англичан к России было достаточно сложным, так как они, с одной стороны, воспринимали её и россиян как азиатскую страну и, соответственно, азиатский народ, но, с другой – славянские и европейские истоки формирования российской нации не могли не учитываться ими. В связи с этим проведение фрагментарного страноведческого среза в рамках британского социокультурного восприятия России может представлять интерес как для понимания взаимоотношений Великобритании с Российской империей, так и уточнения британского менталитета как такового.

Представления англичан о России и её населении формировалось под влиянием многочисленных заметок и впечатлений посетивших её путешественников. Опубликованные в «толстых» журналах и сопровождаемые комментариями журналистов, они пользовались вниманием широкой читательской аудитории. Однако необходимо учитывать то, что они носили преимущественно субъективный характер. Путешественникам легче было описать дома, лодки, еду, одежду, оружие и орудия труда тех народов, с которыми они встречались, чем понять их мысли и чувства [6, Р.2]. Английскому обществу в целом на протяжении всего XIX века была свойственна ксенофобия. Можно привести пример рассуждений Джона Генри Ньюмана (1801–1890гг.), известного в викторианской Англии богослова, возведенного папой Римским в сан кардинала, относительно понятий «варварства» и «цивилизации». В лекции, посвященной истории Турции, прочитанной им в Католическом институте Ливерпуля в 1853 году, сопоставляя два понятия, он отмечал, что основу «варварства» составляет «общее воображение», которое включает в себя «религию, божественную миссию правителя или династии и историческую славу». Варварство – это естественное состояние человека, он живет эмоциями, его поведение не определяется законом, поэтому варвар «вырастает почти таким же, каким был в детстве: капризным, своенравным, неуравнове-

шенным, ленивым, раздражительным, легко-возбудимым». Он импульсивен, действует в соответствии с моментом, не считаясь с последствиями; «он энергичен или ленив, вспыльчив или спокоен, как дует ветер или светит солнце». Что же касается понятия «цивилизация», то это именно то состояние, к которому стремится природа человека; здесь все подчинено «общему смыслу», в основе существования – «общие интересы». Цивилизованные государства постоянно развиваются, совершенствуются: «это развитие искусства из природы, самоуправления из страсти, уверенности из мнения и веры из разума» [9, Р. 163–165]. Таким образом, Ньоман четко проводит грань между развитыми государствами, а под ними подразумевались западные страны и их населения, и отсталыми народами, которые находятся на более низкой ступени цивилизационного развития. Именно такое восприятие «отсталости» англичане трансполировали на другие народы, не забывая при этом отмечать те или иные специфические черты их развития.

Все рассуждения Дж. Г. Ньюмана о варварстве относились не столько к России, сколько к Турции, но они в равной степени соотносятся с восприятием англичан образа России и её народа в рассматриваемый период. Для большинства из них Россия первой половины и середины XIX века оставалась *terra incognita*. Британские журналисты признают, как трудно писать о стране, о «которой так мало что известно» [13, 4 Oct., Р. 395]. Но при этом они очень чётко дают понять своим читателям, что Россия – это азиатская страна, на становление которой, а также на формирование характера ее населения оказало влияние татаро-монгольское иго. Журнал «The Westminster Review» в 1864 году безапелляционно заявляет, что по форме и по своим тенденциям Россия в своем развитии «оставалась азиатским государством – но не застойным и зачахшим, как увядшие империи современной Азии, а мощным, агрессивным и неверным, как Персия Ксеркса или Татария Чингисхана» [21, Р. 176]. В английском обществе бытовало мнение, что русские – это не

европейцы в чистом виде, а представители азиатских народов. Определенную принадлежность к европейской цивилизации английские журналисты применительно к России всё же допускали. Отмечая специфику государственного устройства страны, они подчеркивали, что «монархия, вместо расплывчатых прерогатив и неопределенных притязаний средневековой королевской власти, сочетает в себе некоторые атрибуты восточного деспотизма с современным европейским механизмом большой постоянной армии и организованной полиции». Но в то же время журналисты характеризовали Россию не только как азиатскую, но и как славянскую страну. В частности, они писали: «Как и во всех славянских странах, в России существует устоявшаяся социальная иерархия, которая для всех практических целей может служить той же цели, что и более сплоченная организация тевтонских рас, которая выступает основой англосаксонского самоуправления» [19, 26 Apr., Р. 457].

В журнале «The Fortnightly Review» за 1866 год была помещена большая статья, посвященная русскому обществу. Характеризуя его, автор публикации Артур Бенни, журналист, переводчик и революционный деятель шестидесятых годов, после приезда в Англию в 1857 году принявший подданство Великобритании [Более подробно см.: 5, С. 23], посетивший Россию в начале 60-х гг., касаясь вопроса о ее социальной структуре, заметил, что в России можно говорить не столько о классах, сколько о сословиях. Беря понятие «классы» в кавычки, автор отмечал, что «в определенном смысле русская нация состоит только из двух совершенно различных, но очень неравных классов – управляющих и управляемых» [8, part 1, Р. 556]. К числу первых он относил, помимо «целой армии регулярных чиновников, как гражданских, так и военных», еще и русских дворян, «которые не имеют ни логического, ни даже исторического смысла существования независимо от правительства». Они слепо подчиняются имперской системе в обмен на право жить за счет миллионов управляемых. Английские журналисты в целом негативно

отзывались о русских дворянах. Анализируя положение потомственных дворян, он отмечал, что в России «почти каждый дворянин служил правительству в том или ином официальном качестве», т. е. был на военной или на гражданской службе, а не дворянин, заняв определенную ступень на чиновнической службе, мог получить дворянский титул. В данной статье журнала «The Fortnightly Review» подробно описывается служебная лестница, по которой проходил российский чиновник на протяжении всей своей карьеры. При этом автор замечал, что богатый дворянин-землевладелец с презрением смотрит на бедного, не знатного чиновника, который только начинает подниматься по служебной лестнице. Но когда этот чиновник достигает высот в своей карьере, занимает сенаторский или директорский пост, то «самый гордый аристократ», если только он сам не занимает аналогичного поста, станет «его покорным слугой» [8, part 1, P. 556]. Можно подумать, что на Британских островах было иначе!

Говоря о высшем сословии в России, А. Бенни с некоторым высокомерием писал, что его составляют пятьсот или шестьсот семей крупных землевладельцев, до 1861 года владевших тысячами душ крепостных, положение которых осложнилось после освобождения крестьян. Они не образуют аристократии в европейском понимании этого термина, подчеркивал автор статьи, «не имеют партийной связи между собой и не обладают ни малейшим влиянием на правительство, за исключением тех случаев, когда они сами входят в бюрократию и, получив какой-либо из высоких министерских или придворных постов, становятся частью эксклюзивной клики, или камарильи, которая управляет страной» [8, part 1, P. 556–557]. И дальше следует рассуждение о российском правящем дворянстве: «российская, точнее, петербургская камарилья не имеет ни корней в стране, ни великих имен, которыми можно похвастаться, ни широко распространенных семейных связей, ни какой-либо традиции, и, следовательно, нет общих принципов, связывающих различных членов клики между собой, и в большинстве

своем даже не имеют собственного состояния» [8, part 1, P. 557]. А. Бенни ссылается на наличие классовой системы государственной службы в России («Табель о рангах» — Т. Г.). При этом он пишет, что присвоение нового чина не влечет за собой никаких расходов для чиновника; более того, «при получении ордена или другого подобного знака отличия новый кавалер должен заплатить не только за материалы знака отличия, но и довольно круглую сумму за диплом, <...> так что практическое следствие всего этого процесса состоит только в том, что каждый низший чиновник в течение целого года вынужден корчиться и лебезить перед своим непосредственным начальником, от которого, конечно, полностью зависело представление всех его подчинённых к тому или иному виду вознаграждения, или даже вообще без вознаграждения» [8, part 1, P. 558].

Определенный интерес представляют замечания А. Бенни о тех российских чиновниках, которые составляли высший управленческий аппарат Российской империи. Он упоминает публикуемый для узкого круга лиц каждые три месяца томик под названием «Список всех лиц, принадлежащих к чинам четырех первых классов», в котором приводилось краткое изложение всех пенсий, вознаграждений, императорских подарков, земельных пожалований и т. д., которые получил чиновник с тех пор, как поступил на службу, и которые он получает в настоящее время. Автора статьи поразили два обстоятельства: «первое — это то, что, за редким исключением, все упомянутые имена были совершенно неизвестны не только мне, но и, вероятно, любому человеку в России, не посвященному в частную жизнь Зимнего дворца; второе, более удивительное, обстоятельство — то, что большинство имен были либо немецкими, либо польскими» [8, part 1, P. 560]. Нуждающиеся немецкие бароны и поляки-изгои из Прибалтийских провинций России, которым нечего было уже терять, по мнению А. Бенни, были лучшими кандидатами для службы царю-самодержцу. Таким образом, у британского читателя формируется далеко неприглядная картина российской си-

стемы государственной службы.

Что же касается остальных категорий населения Российской империи, то они состояли, как пишет А. Бенни, из «подавляющего большинства крестьян, сравнительно незначительного числа купцов, горожан или мещан <...>, и фактически, хотя и не по закону, наследственной касты духовенства» [8, part 1, P. 556].

Британские журналисты пытались охарактеризовать политическую ситуацию, сложившуюся в стране после воцарения Александра II на российский престол. Они отмечали, что после смерти Николая I в стране «произошел внезапный подъем ума и честности» [11, P. 84]. «В целом, — замечали они, — можно предположить, что все классы в России более или менее обеспокоены и взволнованы, а сравнительная либеральность нынешнего царствования допускает протесты и попытки агитации, которые были бы подавлены силой или сдержаны террором при строгом деспотизме Николая» [12, 4 Jan., P. 4]. Действительно, в российском обществе царил благожелательный настрой, можно сказать, оптимистическая по отношению к новому правителю атмосфера. А. И. Герцен, находясь в это время в Лондоне, писал 18 февраля 1858 года: «Мы имеем дело уже не со случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России; он столько же наследник 14 декабря, как Николай. Он работает с нами — для великого будущего. Имя Александра II отныне принадлежит истории». А М. А. Бакунин немного позднее — в 1862 году — заявлял, что «<...> 19 февраля 1861 года Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России» [4, С. 218].

Обстановка в стране, представленная в журнале «The Saturday Review» за 1862 год, характеризуется журналистами достаточно в благосклонных тонах: «На первый взгляд кажется, что в стране присутствуют те же социальные элементы, которые сделали возможной свободную конституцию в Англии. Есть знатные дворяне, землевладельцы, бережливые торговцы и трудолюбивые крепостные,

которые в настоящее время становятся владельцами копий; императорскими прерогативами управляет энергичная и популярная семья; и духовенство <...> обладает достоинством полного отождествления с народом и освобождения от чужеродного влияния» [12, 4 Jan., P. 4].

Фигура императора Александра II привлекала внимание британских читателей, и в связи с этим на страницах периодических изданий можно найти ряд публикаций, посвященных ему. Надо сразу отметить, что деятельность нового императора с момента вступления его на российский престол оценивалась англичанами сквозь призму деятельности его предшественников. Причем речь шла не столько о чертах личного характера того или иного русского императора, сколько о влиянии их стиля правления на формирование специфики российского самодержавия. По мнению журналистов, короткое царствование Павла было поучительным, поскольку оно демонстрировало, с какой легкостью совершаются революции и что «русские государи всегда подвергались большей опасности в собственных дворцах, чем за границей на открытой улице или в многолюдном собрании». Относительно правления Александра I отмечалось, что победа над Наполеоном «стала триумфом абсолютизма в России». Фигура императора приобрела божественный ореол, поскольку он спас свою страну и свою религию. Успехи русского оружия, причем, как замечали журналисты, «намеренно превозносимые», «внушали народу мысль, что отныне он непобедим, что перед ним великая судьба, что, победив французов, которые победили всех остальных, ни один народ в будущем не сможет ему противостоять». А Николай, вступивший на престол, считал, что абсолютизм поддерживается широкими массами его подданных [11, P. 83].

Правление Николая I вызывало серьезную критику со стороны англичан. С одной стороны, они признавали, что Николай был «единственным царем, который когда-либо достиг командного положения в Европе», а с другой — «его политика благоприятствовала системе обмана и мошенничества, в которой процве-

тала коррумпированная бюрократия», в стране недовольные подданные были «запуганы военным деспотизмом до покорности или принуждены к молчанию обманчивым величием императорского великолепия, демонстративно выставляемого напоказ дома и за границей» [11, Р. 83; 17, 23 Febr., Р. 187].

Александр II, в отличие от своего отца, пользовался в начале своего царствования более благоприятным расположением британских публицистов и журналистов [15, Р. 279]. Его, как отмечено выше, сопоставляли с прежними российскими правителями, но в то же время начинали оценивать и его первые шаги по реформированию страны. И здесь в первую очередь рассматривались его законы об отмене крепостного права [Более подробно об отношении англичан к отмене крепостного права в России см.: 1], предварительная работа по подготовке реформы судопроизводства и сама судебная реформа. Британские журналисты пытались представить Александра II своим читателям как «любезного и благонамеренного императора», как политика, которому присущи «умеренность и благие намерения». «Умеренность и благие намерения Александра, — пишут они, — действуют как общая оттепель на застойное единообразие, которое поддерживалось деспотическим эгоистичным беспорядком его отца». Его хвалят за «стойкость», с которой он отстаивал «великое нравственное убеждение своей жизни — необходимость освобождения (крестьян — Т. Г.)», и даже называют «величайшим революционером своего времени», имея в виду предварительные разработки (1862 год) его будущей судебной реформы [7, Р. 212; 13, 4 Oct., Р. 395; 18, 2 № V., Р. 1197; 20, 2 № V., Р. 1324]. Однако уже в начале его правления английские публицисты высказывали сомнения в способности русского царя быть последовательным в своих реформаторских начинаниях. Так, в 1860 году журнал «The Edinburgh Review» писал, что Александр II «не имеет ни характера, ни средств», чтобы привести страну к «великим и благотворным результатам», которых он желает. По мнению

журналистов, которые сотрясают стабильность тронов и институтов, чем к правителям, которые укрепляют их» [7, Р. 212].

Вокруг Александра II формируется две группировки дворянства. Первая — это консервативные и более пожилые представители класса, которые поддерживают абсолютизм и православие, сожалеют о временах императора Николая и в целом сокрушаются о нынешнем состоянии страны. Они хотели бы вернуться к прошлому и мрачно смотрят в будущее. Эта группировка, естественно, очень малочисленна. Вторая же партия — партия Прогресса, стремящаяся получить конституцию и представительное правительство, свободу прессы, суд присяжных, который уже частично введен, и другие реформы [11, Р. 88].

Касательно второй группировки британские журналисты в публикации журнала «The Quarterly Review» в 1863 году писали, что в ней сформировалось два течения. Первое составили «умеренные реформаторы, которые довольствуются постепенным развитием конституционных прав, призывая, однако, к немедленной отмене сословных привилегий». Взгляды этой группировки выражало очень способное и влиятельное московское периодическое издание «Русский вестник». Второе течение представляли «радикалы, намеренные разрушить всю административную машину и разработать самые дикие схемы ее перестройки. Это подразделение включает в себя все оттенки ультраполитиков, коммунистов, социалистов, республиканцев и вообще тех, кто, имея наименьшую долю в стране, рассчитывает получить выгоду от любого изменения формы правления». Журналисты особо акцентировали внимание читателей на том, что численно это сильная группировка, она состоит в основном «из молодежи в возрасте до двадцати пяти лет, и особенно из полуобразованных студентов военных училищ и университетов». И самое главное, на что они указывали: еще была идеология панславизма, распространенного среди дворян [11, Р. 88].

Интересны их размышления о таком направлении общественной мысли в россий-

ском обществе, как панславизм. Британские журналисты пытаются определить и охарактеризовать это политическое течение. Ведущей идеей панславистской партии, как они пишут, является объединение славянских рас в федерацию, которая должна заменить Австрию и Турцию и быть основана на национальности и православной вере под защитой России. Они делят панславистов на монархических и федеративных, но преобладающей для всех них является идея главенства русской цивилизации в общей славянской федерации [11, Р. 88–89].

По мнению англичан, дух панславизма в среде дворянства еще силен. И «хотя он и вымирает, тем не менее сослужил хорошую службу стране, напомнив общественному сознанию историю древних народных франшиз и привнеся дух единства в анализ всех политических вопросов». Панслависты рекомендуют упразднить дворянство как касту и объединить ее с другими классами. Самоуправление по древнему общинному принципу, заявляют журналисты, — чисто социалистическое — всегда горячо отстаивается ими, причем низшие классы выдвигаются как единственно верный тип исконного и желательного русского. Панслависты привержены национальной одежде и примитивным манерам своих предков и стремятся очистить свое законодательство от всего экзотического [11, Р. 88]. Именно такими английские современники видели российских сторонников панславизма.

Наряду с панславистами британские журналисты характеризуют ещё одно общественно-политическое течение — славянофильство. Главой партии славянофилов называют М. И. Аксакова. Суть, как они пишут, «довольно туманной теории» славянофильства «состоит в том, чтобы считать Петра Великого самым страшным врагом, который когда-либо был у его страны, а его реформу — величайшим бедствием, постигшим русский народ со времен нашествия монголов» [8, part 2, Р. 740]. Анализируя славянофильство как особую теорию, они отмечают, что согласно ей Пётр насильственно стремился внедрить сре-

ди русских «цивилизацию, несовместимую со всей их прежней историей, религией и образом жизни», тем самым он задержал национальное развитие русского народа и уничтожил в зародыше «славянскую цивилизацию», «бесконечно превосходящую всё, что Европа могла предложить взамен в то время и даже сейчас» [8, part 2, Р. 740]. Необходимо отметить, что отношение английских публицистов к деятельности Петра I было скорее скептическим, даже больше негативным, чем положительным. Немного об этом.

В журнале «The Quarterly Review» за 1863 год была помещена статья об истории становления российского государственного строя. Законодательная политика Петра I характеризуется английскими журналистами в весьма сдержанных тонах, но с определенной толикой сарказма. Так, журналисты утверждают, что правление Петра I было в высшей степени «неконституционным», в проведении своего курса он мог использовать только методы деспотизма [11, Р. 77–78]. Более жесткой критике правление Петра I подвергнуто в статье журнала «The Westminster review» за январь 1864 года, в которой приводится довольно неприглядная характеристика его законодательного курса. Критикуя реформаторскую деятельность Петра I, автор статьи делает следующий вывод: «всё его правление — это серия безжалостных жестокостей дома и блестящих козней за границей», все его действия были направлены только на достижение одной цели — «систематическое сжатие нации в инертную массу, движущуюся по его воле, и прочное утверждение его империи в таком положении, когда она в любой момент может наброситься на Европу» [21, Р. 176–177].

Но вернемся к славянофилам. При знакомстве с характеристиками, которые дают английские современники представителям этого русского общественно-политического направления, создается впечатление, что они пытаются представить их людьми, которые до конца не понимают, за что они выступают. В частности, англичане приводят примеры того, что, хотя славянофилы часто апеллируют к понятию «славянская цивилизация», когда их

просят объяснить данное понятие, то они затрудняются это сделать, прикрываясь «такими громкими, но не слишком ясными выражениями, как «истинная религиозность» <...>, «всеобщее братство между всеми классами», «чистота чувств и жизни», «абсолютная сыновняя покорность, повиновение неограниченной, но свободно признанной власти царя» и т. д. [8, part 2, P. 740].

Английские журналисты пытаются развести панславистов и славянофилов. В частности, они подчеркивали именно критическое отношение славянофилов к Петру I и его реформам. Они пишут: «<...> между славянофилами и панславизмом поздних лет правления Николая, который так напугал Европу в то время, нет ничего или почти ничего общего; напротив, славянофилы относились к императорской системе (или «петербургской», по требованию цензуры — Т. Г.), и особенно Петра Великого и Николая, с наибольшей антипатией по причине немецких (на славянофильском языке «западных») бюрократических и централизаторских элементов, привнесенных ими» [8, part 2, P. 740–741].

Другим общественно-политическим течением, которое привлекло внимание британских журналистов, был «русский радикализм», или нигилизм. Своим названием, отмечают они, нигилизм обязан роману И. С. Тургенева «Отцы и дети», в котором автор характеризует как хорошие стороны, так и недостатки русской радикальной партии, которая как раз в 1861 году начала окончательно формироваться. Журналисты сразу же предупреждают своих читателей, что слово «партия» «не следует понимать в том же смысле, который оно имеет в Европе». Нигилистов не связывает между собой ни реальная организация, ни четко определенная и общепринятая цель, утверждают они [8, part 2, P. 741].

По мнению английских современников, нигилисты «не более как те представители молодого поколения, которых система образования Николая не успела окончательно деморализовать, и которые с юношеской верой и неопытностью, всерьез восприняли либеральные обещания, данные в начале

нынешнего царствования, и действовали соответственно <...>. Они верили, что продажность и взяточничество будет уничтожено, в стране будет введена система, основанная на полной децентрализации, государственном отправлении правосудия, национальном представительстве и реальной свободе прессы» [8, part 2, P. 741–742]. Как пишут журналисты, в свое время они были героями, «общество смотрело на нигилистов, как на будущую надежду России, и ласкало и уговаривало их поверить, что они действительно являются представителями всеобщих желаний». Но надежды не оправдались, т.к. нигилисты оказались людьми без особых убеждений и объявили себя таковыми только ради моды, больше того, «чтобы использовать атеистические принципы <...> как удобный плащ для своего бесчестного поведения» [8, part 2, P. 742]. Касаясь вопроса об отношении журналистов к нигилизму, можно отметить некоторое сожаление, звучащее в их рассуждениях о нем. В частности, они замечают, что нигилизм был, не считая «заговора декабристов», самым чистым из всех когда-либо возникавших в русском обществе движением, «тайные и явные лидеры которого, если бы изменение системы в их пользу было возможно, своей безупречной честностью, неутомимой энергией и редкими талантами, возможно, сформировали бы прочный фундамент для будущего развития своей страны» [8, part 2, P. 742]. Рупорами, как они пишут, нигилистской школы были ежемесячные издания «Современник» и «Русское слово». Литературными лидерами партии были два главных редактора «Современника» — Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский.

Англичане пытаются разобраться в воззрениях нигилистов. Так, знакомя своих читателей с этим российским общественно-политическим течением, они отмечают, что принципы нигилизма, которые были представлены в «Современнике» и «Русском слове», носили обязательно отрицательный характер и заключались главным образом в тщательной критике действий и системы пра-

вительства с чисто демократической, даже социалистической точки зрения. Нигилисты также прибегали к язвительной сатире. Но поскольку в России была жесткая предварительная цензура, что «не позволяло последовательно излагать положительные стороны нигилистической теории», то Н.Г. Чернышевский нашел способ ее обойти и стал публиковать их в виде приложений к обзору переводов тех иностранных произведений, которые были наиболее близки ему по духу, например «Всеобщая история» и «История восемнадцатого века» Ф. К. Шлоссера, «История цивилизации» Г. Т. Бокля и многие работы Дж. С. Милля [8, part 2, P. 743]. Нигилисты верили, что народ их поддержит, а правительство будет бессильно перед ними, поэтому они стали думать о том, чтобы перейти от слов к делу, в частности, «тайно печатали, а затем распространяли революционные прокламации и надеялись привлечь на свою сторону то самое общество», которое к ним ранее относилось благосклонно. Но они потерпели поражение. Причем англичане сравнивают их с немецкими либералами 1848 года, находя общие черты в этих двух движениях: «оба были одинаково невежественны в отношении реальных чувств народа, ради которого они пожертвовали собой, оба имели одинаково смутные и неопределенные цели, и оба выбрали одинаково невыполнимые средства для достижения своей цели [8, part 2, P. 743]. Но русское движение было менее масштабным, чем немецкое. Именно такими британские современники воспринимали русских разночинцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, небольшой срез публикаций об общественно-политических событиях России середины XIX века на страницах британских журналов свидетельствует об определенном интересе жителей Туманного Альбиона к внутрисполитической жизни россиян, их желании лучше узнать различные стороны жизни отдельных слоев русского общества: дворянства, чиновничества, разночинцев и

т. д. Этот интерес во многом был обусловлен непростыми взаимоотношениями между двумя великими государствами – Британской и Российской империями, их многолетним соперничеством на международной арене. На характер российско-британских отношений, безусловно, оказала влияние Крымская война 1853–1856 гг., равно как и Польское восстание 1863 года. Эти события усилили распространение русофобских настроений среди жителей Туманного Альбиона, чему во многом способствовали публикации в британских периодических изданиях. Знакомя своих читателей с историей Российского государства, с различными сторонами жизни россиян, характеризуя политику реформ Александра II, складывание проправительственных и оппозиционных группировок в стране, британские публицисты, отдавая, с одной стороны, определенную дань историческому значению начавшихся в России преобразований, в то же время, с другой стороны, всё это преподносили своим читателям сквозь призму специфики британского менталитета, скептического отношения к перспективам прогрессивного развития либеральных начал в России. «Невозможно скрыть тот факт, – пишут они, – что проводимые сейчас реформы, как правило, несовершенно в своих деталях, какими бы правильными они ни были в принципе» [11, P. 86]. Журналистами делался вывод о том, что «богатство и знания России, на которых должно основываться свободное правительство, всё еще находятся в далеком будущем. Состоятельные люди (собственники) смогли бы принять участие в управлении страной, но у них нет опыта, и они могут использовать власть для решения своих частных интересов». Что же касается народных масс, то это люди, «насколько позволяют политические знания и способности, немногим лучше дикарей, хотя они кроткие и христианизированные дикари, обладающие собственным очарованием и добродетелью». В России нет среднего класса, и поэтому в целом «элементы либерального и прогрессивного правительства кажутся не очень многочисленными» [14, P. 379]. В цивилизованных странах абсолютная монархия

считается невыгодной и репрессивной формой правительства; но бессмысленно желать установления какой-либо конституционной системы в России, заключают британские современники. Таким образом, чувство превосходства, формирующееся у англичан в силу индустриального могущества и коммерческого господства их страны в мире, по отношению к другим народам, которые являются только подражателями британского политического опыта, приводило к культурному высокомерию. Недостаток информации о русских и убежденность в том, что существует только одна модель цивилизации, т. е. западная, были основными источниками упрощенных мнений о России и её народе.

Библиография/References:

1. Гелла Т.Н. Британский еженедельник «The Spectator» о крестьянском вопросе в России в 1861 г. // Учёные записки Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. – № 2 (91). – 2021. – С. 7–11.
2. Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. А.Н. Еремеева; редкол. И.И. Горлова и др. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. – 350 с.
3. Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX – начала XX века. – Архангельск: Издательство Поморского международного педагогического университета, 1994. – 208 с.
4. Лавров П.Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Литературное наследство. – № 76. – 518 с.
5. Радин С.А. Артур Бенни – В. И. Кельсиеву и Герцену // Литературное наследство. – 1955. – С. 23–36.
6. Bolt Ch. Victorian Attitudes to Race. – L.&NY: Routledge and K, 1971. – 254 p.
7. The Edinburgh review. 1860. Vol.112. July-October.
8. The Fortnightly review. 1866. Vol. 6. August-December.
9. Newman J.H. Lecture 7. Barbarism and Civilization// Lectures on the History of the Turks in

their Relation to Europe/Historical Sketches. Vol.1. – L.: Longmans and CO, 1908. – P.162–163.

10. Paul M.C. Western negative perception of Russia: «The War Cold mentality» over five hundred years// International Social Science Review. – Vol. 76. – №4. 2001. – P.103-121.
11. The Quarterly review. 1863. Vol.113. January-April.
12. The Saturday Review, 1862. Vol. 13. January.
13. The Saturday Review, 1862. Vol. 14 October.
14. The Saturday Review. 1864. Vol. 18. September. P.379.
15. Sakowicz Iwona. Russia and the Russians Opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies)// Journal of European Studies. – 2005. – 35(3). – P.271-282.
16. Sakowicz Iwona. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II// Studia Litterarum. 2016. – Том 1. – №1–2. – P.211-218/ <https://cyberleninka.ru/article/n/british-travelers-impressions-of-the-russians-during-the-reign-of-alexander-ii>.
17. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 1. January-June.
18. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 2. July-December.
19. The Spectator. 1862. Vol. 35. January-June.
20. The Spectator. 1862. Vol. 35. July-December.
21. The Westminster review. 1864. Vol. 81. January-April.

1. Gella T.N. (2021) Britanskiy yezhenedel'nik «The Spectator» o krest'yanskom voprose v Rossii v 1861g. // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.S.Turgeneva. – №2(91). – S.7–11. (In Russ.).

2. Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sb. nauch. st. po itogam Vseross. nauch. konfer. s mezhdunar. uchast. / отв. ред. А.Н. Еремеева; редкол. И.И. Горлова и др. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. – 350с. (In Russ.).
3. Zashikhin A.N. (1994) Glyadya iz Londona. Rossiya v obshchestvennoy mysli Britanii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka. – Arkhangel'sk:

- Izd-vo Pomorskogo mezh. d. ped. un-ta. – 208s.
4. Lavrov P.L. (1971) I.S. Turgenev i razvitiye russkogo obshchestva // Literaturnoye nasledstvo. – №76. – 518s. (In Russ.).
5. Radin C.A. (1955) Artur Benni – V.I. Kel'siyevu i Gertsenu // Literaturnoye nasledstvie. – S.23–36. (In Russ.).
6. Bolt Ch. (1971) Victorian Attitudes to Race. L.&NY: Routledge and K. – 254p. P.2. (In Engl.).
7. The Edinburgh review. 1860. Vol.112. July-October. (In Engl.).
8. The Fortnightly review. 1866. Vol. 6. August-December. (In Engl.).
9. Newman J.H. (1908) Lecture 7. Barbarism and Civilization// Lectures on the History of the Turks in their Relation to Europe/Historical Sketches. Vol. 1. L., Longmans and CO. – P.162-163. (In Engl.).
10. Paul M.C. Western negative perception of Russia: «The War Cold mentality» over five hundred years// International Social Science Review. Vol. 76. N ¾. 2001. P.103-121. (In Engl.).
11. The Quarterly review. 1863. Vol.113. January-April. (In Engl.).
12. The Saturday Review, 1862. Vol.13. January. (In Engl.).
13. The Saturday Review, 1862. Vol.14. October. (In Engl.).
14. The Saturday Review. 1864. Vol.18. September. P.379. (In Engl.).
15. Sakowicz Iwona. Russia and the Russians Opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies)// Journal of European Studies. 2005. 35(3). P.271 – 282. (In Engl.).
16. Sakowicz Iwona. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II// Studia Litterarum. 2016. Tom 1, № 1–2. P.211-218/ <https://cyberleninka.ru/article/n/british-travelers-impressions-of-the-russians-during-the-reign-of-alexander-ii>. (In Engl.).
17. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 1. January-June. (In Engl.).
18. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 2. July-December. (In Engl.).
19. The Spectator. 1862. Vol. 35. January-June. (In Engl.).
20. The Spectator. 1862. Vol. 35. July-December. (In Engl.).
21. The Westminster review. 1864. Vol. 81. January-April. (In Engl.).

МАМАЙКО Иван Андреевич, соискатель кафедры историко-культурного наследия Беларуси, Республиканский институт высшей школы (Республика Беларусь, Минск), e-mail: mamayko.1974@mail.ru

MAMAİKO I.A., Applicant at the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education (Republic of Belarus, Minsk), e-mail: mamayko.1974@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1917–1920-Е ГОДЫ)

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MILITSIYA OF BELARUS (1917-1920'S)

Аннотация. Цель статьи – состоит в рассмотрении возникновения и развития советской милиции Беларуси в контексте процессов оформления белорусской государственности. Автор устанавливает взаимосвязь между эволюцией государственного устройства, территориальной основы, структуры исполнительной власти и органов охраны правопорядка. Рабоче-крестьянская милиция рассматривалась в этот период как атрибут государственности и одновременно как орган классовой диктатуры, инструмент реализации политики советской власти. Использование архивных документов и нормативно-правовых актов позволяет представить организацию и содержание деятельности белорусской милиции в период утверждения советской власти. Можно утверждать, что в Беларуси формирование штатной централизованной структуры милиции началось в конце 1920 – начале 1921 года, а дальнейшие изменения в её организации и деятельности определялись тем социально-экономическим и политическим положением, которое складывалось в республике.

Ключевые слова: Республика Беларусь, белорусская государственность, советская власть, правоохранительная деятельность, органы внутренних дел, милиция.

Abstract. The purpose of the article is to consider the formation and development of the Soviet Militsya of Belarus in the context of the processes of formation of the Belarusian statehood.

The author establishes the relationship between the evolution of the state structure, the territorial basis, the structure of the executive power and law enforcement agencies. The workers-and-peasant militsya was considered as an attribute of statehood and at the same time as an organ of class dictatorship, an instrument for implementing the Soviet government policy. Much attention is given to archival documents and legal acts that allow to imagine the organization and content of the activities of the Belarusian Militsya during the period of establishment of Soviet power.

As a result, the author draws conclusions that the formation of a full-time centralized militsya structure started in late 1920 - early 1921, and further changes in its organization and activities were determined by the socio-economic and political situation that was developing in the Republic of Belarus.

Keywords: Republic of Belarus, Belarusian statehood, Soviet power, law enforcement, internal affairs bodies, Militsya.

ВВЕДЕНИЕ

Законодательство и система правоохра-

нительных органов являются важнейшими атрибутами суверенного государства. Поэтому исследование генезиса службы охраны правопорядка в Беларуси представляет ин-

терес с точки зрения эволюции белорусской государственности.

Полиция Российской империи входила в систему министерства внутренних дел. Кроме борьбы с преступностью ею исполнялись разнообразные функции в области охраны общественного порядка. После свержения самодержавия полиция, служившая прежнему режиму, была заменена «народным ополчением» – милицией. Дальнейшая эволюция этого института, наполнение его классовым содержанием «органа диктатуры пролетариата» непосредственно связаны с утверждением советской власти.

Народный комиссариат внутренних дел Российской Советской Республики Постановлением «О рабочей милиции» учредил её в статусе исполнительного органа местных Советов – вооружённых формирований трудящихся, *«поскольку в этом состоит её действительная сущность, в этом она коренным образом отличается от буржуазной полиции»* [1, С. 42]. В кратком постановлении «О рабочей милиции», которое содержало в себе всего три пункта, не раскрывалась организация милицейского дела. Наибольшее распространение получило организационное оформление рабочей милиции как отрядов Красной гвардии, но милицейские соединения могли действовать и под иными названиями – дружина охраны, отряды порядка и другие [1, С. 12]. Милиция, особенно красногвардейские отряды, активно использовалась в борьбе с так называемой внутренней и внешней контрреволюцией.

Более детальная регламентация организации и деятельности советской рабоче-крестьянской милиции была представлена в особой инструкции, утверждённой в октябре 1918 года совместным постановлением НКВД и Народного комиссариата юстиции. Как «народное ополчение» милиция состояла в ведении местных советов; в то же время как «исполнительный орган Рабоче-Крестьянской Центральной власти» милиция подчинялась общему руководству НКВД. Её классовый характер раскрывался в задачах милиции: *«Советская милиция стоит на*

страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного порядка и гражданской безопасности» [2, С. 52, 54].

Становление белорусской милиции связано с непростым периодом истории белорусских земель в годы Великой российской революции и Гражданской войны. Беларусь была ареной ожесточённых боевых действий Первой мировой войны; с 1915 года её западная часть была оккупирована немецкими войсками. На Западном фронте, проходившем преимущественно через территорию Беларуси, были сосредоточены революционизированные солдатские массы. В Могилёве располагалась Ставка Верховного главнокомандующего.

В первые дни после Февральской революции для охраны порядка в городе Минске была организована милиция Всероссийского земского союза. Гражданский комендант Минска Б. Самойленко 4 марта 1917 года назначил на должность временного командующего этой милицией одного из служащих ВЗС – Михаила Михайлова (под этой фамилией скрывался видный большевик М. Фрунзе). С этого события ведётся отсчёт истории белорусской милиции. Минск принял на себя роль руководящего центра по её организации на белорусских землях. М. Фрунзе оказались подчинены милицейские отряды Невеля, Двинска, Витебска, Лепеля и других городов и уездов Беларуси.

Административным оформлением этого подчинения стало создание в июне 1917 года Западной области с центром в Минске. Вскоре после прихода большевиков к власти в России Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта создал в качестве высшего органа власти Областной исполнительный комитет. В его подчинении на начало 1918 года находилось до 20 тыс. бойцов красногвардейских отрядов [3, С. 184]. С помощью Первого имени Минского Совета революционного полка, который объединял основные силы Красной гвардии Минска, в ночь на 18 декабря

1917 года был разогнан I Всебелорусский съезд, который предпринял попытку образовать небольшевистский орган власти в Беларуси в виде Всебелорусского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов [2, С. 117].

Провал советско-германских переговоров в Бресте и стремительное немецкое наступление привели к оккупации Минска 25 февраля 1918 года. На основании мирного договора между Германией и Украиной южные белорусские земли, включая Гомель, Мозырь, Пинск и Брест-Литовск, отошли к Украинской народной республике (УНР). Под эгидой немецкого военного командования была провозглашена Белорусская народная республика (БНР), которая включила населённые белорусами земли Смоленской и Черниговской областей. Однако поражение Германии в Первой мировой войне привело к краху этих проектов.

10 декабря 1918 года в Минск вошла Красная армия. Была впервые провозглашена независимость Белорусской Советской Социалистической Республики. Дальнейшие события советско-польской войны привели к тому, что по Рижскому мирному договору большая часть Полесья оказалась под властью Польши. Советская Белоруссия была восстановлена после польской оккупации лишь в урезанном составе Гродненской и Минской губерний [6, С. 111].

Белорусские исследователи истории милиции А. Ф. Вишневецкий и К. И. Барвинок полагают, что формирование советской милиции Западной области завершилось к концу 1918 года [1, С. 28; 2, С. 13]. Следует заметить, что деятельность рабоче-крестьянской милиции в 1917–1920 годах была нестабильной, осуществляясь на территориях, временно занятых Красной армией. Об этом же прямо говорится в первой книге по истории белорусской милиции: *«Акупацыі служылі тормазам, тым каменем, аб які разбівалася ўся будаўнічая работа, якую трэба было кожны раз пачынаць нанова; практыкі ў рабоце не магло быць, а адсюль – слабасць работы міліцыі, нізкая*

яе якасць, асабовы склад не на сваім месцы» [5, С. 36].

В данном контексте показательна выдержка из приказа Главного управления рабоче-крестьянской милиции ССРБ от 25 октября 1920 года № 3: «Р.-К. Милиция ССРБ чрезвычайно молода в организационном отношении и состоящих из не вполне опытных блюстителей революционного порядка с приближением театра военных действий проявила неимоверную и неизвестную в истории Советской милиции неустойчивость и трусость, что содействовало усилению общей паники и дало возможность темным индивидуумам организоваться в шайки и банды, грабить, разрушать народное достояние и нарушить на время устои революционного порядка. Во время эвакуации в разных уездах Белоруссии многие работники, сотрудники и милиционеры дезертировали, многие скрылись раньше, своими поступками опозорив Раб.-Крестьянскую Милицию» [7].

В структуре органов государственного управления милицейская служба входила в состав ведомства внутренних дел. Эволюция этого одного из важнейших органов исполнительной власти наглядно иллюстрирует сложности процесса генезиса белорусской государственности. Комиссариат внутренних дел Советской Белорусской Республики впервые возник в январе 1919 года, но уже через три месяца оказался упразднён в связи с прекращением существования ССРБ и образованием в результате объединения территорий советских Беларуси и Литвы Литовско-Белорусской советской республики (ЛитБел). Свои функции НКВД ССРБ передал отделу Управления милиции Минского губвоенревкома и НКВД ЛитБел. Милиция формировалась как орган в структуре Народного комиссариата внутренних дел. Вначале это был Комиссариат внутренних дел Военревкома Беларуси; затем – НКВД РСФСР, а с 17 декабря 1920 года по решению II Всебелорусского съезда Советов был образован Народный комиссариат внутренних дел ССРБ.

НКВД ССРБ в 1920-х годах занимался во-

просами советского строительства, административно-территориальным разграничением, коммунальным хозяйством, регистрацией частных товариществ и союзов, осуществлял управление местами лишения свободы. В его структуру также входила милиция и органы ЗАГС. В декабре 1930 года НКВД БССР был ликвидирован, а его функции были переданы иным органам власти (ЦИК, Наркомюст, Главному управлению милиции при СНК БССР и другим). В 1934 году был вновь образован НКВД БССР с новой структурой, куда вошли органы ОГПУ и милиции.

Анализ архивных документов, в основном сконцентрированных в фонде Главного управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР и фонде НКВД БССР Национального архива Республики Беларусь, позволяет сделать вывод, что организационно-штатная структура советской милиции в Беларуси впервые стала выстраиваться с декабря 1920 года. Об этом, в частности, свидетельствуют отчетные документы относительно деятельности милиции. Например, в докладе в НКВД ССРБ о деятельности милиции Беларуси с 1 февраля по 1 марта 1921 года отмечалось: «В феврале месяце деятельность Рабоче-Крестьянской милиции Белоруссии, как и в предыдущие месяцы, в общем, своем масштабе находилась и всё еще находится в стадии организации» [8]. А в подробном отчете за весь 1921 год констатировалось, что милиция создавалась с июля 1920 года по мере освобождения от поляков территории Белорусской Республики. Её кадры составляли лояльные советской власти жители. Руководство этими милицеейскими отрядами на первых порах было децентрализованным – они возглавлялись партийными работниками, назначенными Военно-революционным комитетом Белоруссии [9]. После освобождения Минской губернии Военревком создал Главное управление рабоче-крестьянской милиции ССРБ (Главмилиция) под руководством Станислава Мертенса [4, С. 421]. Начальник Главмилиции назначался Президиумом ЦИК ССРБ по постановлению коллегии НКВД. По его представлению

назначались и увольнялись начальники территориальных отделов [11]. Вскоре им было утверждено первое положение о Главмилиции ССРБ. В соответствии с данным документом на Главмилицию, как на центральный республиканский орган, возлагалось общее руководство:

- а) по формированию милиции в местах, где её ещё не было;
- б) по улучшению организации милицеейской и боевой подготовки милиции;
- в) по выработке методов и по организации борьбы с преступностью;
- г) по ревизии и инспектированию всех видов милиции;
- д) по обеспечению сотрудников милиции всеми видами, оснащения и обмундирования, вооружения и медицинской помощи [10].

Структура Главмилиции включала в свой состав следующие отделы: следственно-розыскной милиции (Главрозыск), уездно-городской (общей) милиции, промышленной милиции, инспекторский, материальный и секретариат [10].

Непосредственно борьба с преступностью (розыск и задержание преступников) была сконцентрирована в отделе следственно-розыскной милиции.

Приказом Главмилиции от 2 декабря 1920 года № 21 была объявлена первая оргштатная структура Главного управления (отделы: общий, инспекторский, материальный, Главрозыск, промышленной милиции, политотдел и секретариат), Минское городское и уездно-городское отделения советской рабоче-крестьянской милиции Беларуси, утвержденные НКВД ССРБ на заседании 21 ноября 1920 года, а также тарифные ставки всем сотрудникам милиции, утвержденные Советом профессиональных союзов Беларуси. Штат личного состава Главмилиции составлял 99 человек [12].

Штат Главрозыска вместе с начальником состоял из семи человек оперативного состава (помощник начальника, инспектора и следователи) и пяти человек технического персонала (секретарь, делопроизводители, конторщики) [13]. Для обслуживания города

Минска было организовано отделение уголовного розыска при Минской гормилиции (горрозыск) со штатом в 66 человек (четыре человека руководящего состава, 45 – оперативного состава, 17 технических работников) [13]. Кроме того, при каждой милицеейской части в Минске (всего их было пять) организовывались уголовно-розыскные столы в составе пяти человек (начальник, следователь, регистратор, делопроизводитель, конторщик).

В территориальную структуру белорусской милиции входило Главное управление, городская милиция Минска и шесть органов уездно-городской милиции [1, С. 73]. В уездах организовывались: при уездной милиции – уголовное отделение со штатом в 27 человек, городской розыскной стол при гормилиции в уездном городе – в составе девяти человек [15]. Во всех уездных уголовных отделениях предусматривалась организация бюро регистрации преступлений. Общий штат уголовного розыска по республике был установлен в 319 человек [6, С. 133].

Отличительной чертой организации и деятельности милиции стала её военизация – организация милиции по принципу Красной армии и сведение вооруженных сил милиции в армейские части. Военизация была предусмотрена Положением о Рабоче-крестьянской милиции и инструкцией Главного управления милиции при СНК РСФСР от 15 августа 1920 года «О проведении в жизнь организации милиции на основах Красной Армии» [15, С. 27].

В первую очередь, это было вызвано сложным внутриполитическим положением, которое характеризовалось в начале 1920-х годов очень высоким уровнем бандитизма как в РСФСР, так и в Беларуси. Борьба с бандитизмом в этот период являлась одним из главных направлений оперативно-служебной деятельности милиции и уголовного розыска, однако необходимо отметить, что в советской историографии, а также в сводках ЧК (Чрезвычайной комиссии) под этим термином подразумевались не только уголовные преступления, но и различные

антисоветские выступления.

Для усиления борьбы с бандитизмом в конце 1920 года из кадров городской и уездной милиции была сформирована Особая милицеейская бригада ССРБ в составе шести батальонов [16, С. 51]. Выполнение наиболее сложных задач поручалось отряду особого назначения в составе пехотной роты, кавалерийского и пулеметного взводов, который размещался в Минске и находился в непосредственном подчинении командования Особой милицеейской бригады.

Секретарь ЦБ КП(б)Б В. Кнорин в циркулярном письме, адресованном всем белорусским коммунистам, возлагал задачу искоренения бандитских проявлений на «соответственным образом профильтрованную и усиленную 40 полуротами из центра Белорусскую Рабоче-Крестьянскую Милицию и отряды Особого назначения» [17].

В 1921 году штат белорусской милиции составлял 1836 сотрудников [18], а в 1922 году – 3026 человек [19]. Милиция Советской Беларуси в 1920-е годы комплектовалась в основном за счёт рабочих и крестьян [20].

Отметим, что территория ССРБ до первого укрупнения (1924 год) состояла из шести уездов (Бобруйского, Борисовского, Игуменского (с 1923 года – Червенского), Мозырского, Минского и Слуцкого) с населением 1,6 млн человек.

Переход к мирному строительству, на рельсы новой экономической политики (НЭПа), отличительными чертами которой стали введение продналога, свобода торговли и развитие сельской кооперации, мелкой частной собственности, поставил новые задачи и перед милицией. Так, милиция должна была содействовать агентам Наркомпрода (Народного комиссариата продовольствия) в сборе продналога, заниматься регистрацией торговых предприятий, выдавать патенты, вести борьбу с самогонарением.

В связи с ростом преступлений против финансово-экономических основ советской власти, имевшим место в годы НЭПа, возникла потребность в централизации уголов-

но-розыскной деятельности [1, С. 73]. Розыск и охрана общественного порядка были ненадолго разделены: Управление уголовного розыска было подчинено напрямую НКВД БССР, но уже в 1924 году уголовный розыск и милиция снова вошли в состав единого Управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР.

Исполняя решение XII съезда РКП(б) по сокращению штатов государственного аппарата, третья сессия ЦИК БССР IV созыва (июль 1923 года) приняла постановление по сокращению отделов исполкомов, которые осуществляли надзор за работой милиции, уголовного розыска и мест заключения, их функции концентрировались в управлениях милиции, которые становились самостоятельными отделами исполкомов [1, С. 75].

В годы НЭПа происходят изменения организационной структуры милиции Беларуси. В июле 1921 года Особая милицмейская бригада ССРБ была ликвидирована, а отряд особого назначения переформировался в резерв 1-го разряда при Главмилиции ССРБ.

Структура Главмилиции ССРБ выглядела следующим образом:

- а) общая канцелярия;
- б) административно-строевой отдел, на который возлагались обязанности по поднятию на должную высоту как состояния строевой подготовки милиции, так и несения ею ее обязанностей и управления всеми видами службы милиции;
- в) отдел уголовного розыска, который имел целью наиболее успешное ведение борьбы с уголовной преступностью;
- г) материальный отдел, на который возлагались обязанности по обеспечению всей милиции обозно-вещевым, артиллерийско-инженерным, квартирным и продовольственно-фуражным довольствием;
- д) политсекретариат, который ведал просом проведения культурно-просветительской работы в милиции и надзором за политическим положением и политработой в органах милиции [7, С. 49].

Уезды в милицмейском плане делились на районы (1-й, 2-й и т. д.), которые объединяли

определенные области. Управляющим органом в этих районах была районная управа милиции. Например, в 1923 году Слуцкая уездная милиция делилась на четыре района [21].

Организационная структура уездных (городских) милиций Беларуси была следующей:

- 1) канцелярия управы милиции;
- 2) административно-строевое отделение;
- 3) отделение уголовного розыска;
- 4) материальное отделение;
- 5) ардом (арестантский дом);
- 6) адресный стол;
- 7) караульная команда;
- 8) резерв [6, С. 49].

Рост территории Белоруссии в процессе национально-территориального размежевания отразился в изменениях административно-территориального деления, а соответственно, и территориальной структуры органов охраны правопорядка. В марте 1924 года после передачи от РСФСР территорий, преимущественно населённых белорусами, площадь БССР увеличилась вдвое, а численность населения – втрое [22]. Новое административно-территориальное деление состояло из 10 округов, включавших 100 районов [23]. В соответствии с этим делением были образованы окружные милиции. Принятое тогда же Положение об НКВД БССР возлагало на милицию поддержание порядка и покоя в стране и реализацию политики центральной и местной власти [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, становление и развитие советских органов охраны правопорядка было непосредственно обусловлено внешнеполитическими условиями (иностранный оккупация – немецкая, затем польская), эволюцией территориального устройства белорусских земель и, наконец, политическим процессом утверждения советской власти и национально-государственным оформлением ССРБ. Можно утверждать, что в Беларуси формирование штатной централизованной

структуры милиции началось в конце 1920 – начале 1921 года, а дальнейшие изменения в её организации и деятельности определялись тем социально-экономическим и политическим положением, которое складывалось в республике.

Библиография / References:

1. Вишневский А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.

2. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007 гг.) / сост. К.И. Барвинко [и др.]; под ред. К.И. Барвинко, А.Ф. Вишневского. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.

3. Хохлов А.Г. Красная гвардия Белоруссии (март 1917 г. – март 1918 г.) / А.Г. Хохлов. – Минск: Наука и техника, 1965.

4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.

5. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613с.

6. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі. 1917 – 1927 / І. Крэйнін [і інш.]; пад агул. рэд. А. Сташэўскага. – Менск, 1927.

7. Телеграмма В.И. Ленина о мобилизации сил на борьбу за восстановление сельского хозяйства; телеграмма В.М. Молотова об организации местных комиссий по улучшению быта рабочих. Сборник приказов XVI армии за 1920 год. Переписка с ЦК РКП(б), партийными и советскими организациями, органами милиции по вопросам борьбы с бандитизмом, о мобилизации сил на борьбу с Врангелем, о проведении продразверсток, восстановлении сельского хозяйства. Приказы по отряду особого назначения Минской области. 12 октября 1920 года – 3 июня 1921 года // НА РБ. – Ф. 4 п. – Оп. 1. –

Д. 305. – Л. 33.

8. Доклады начальников отделов Главмилиции БССР о работе за декабрь 1920 года – сентябрь 1921 года // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 39.

9. Отчёты и доклады о деятельности Главмилиции и Мингормилиции, Центросоюза, сельхоз- и промысловой кооперации, комиссии по ликвидации последствий голода. Объяснительные записки о доходах и расходах, сметы и др. Январь 1922 г. – март 1923 г. // НА РБ. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 927. – Л. 14.

10. Проект положения о промышленной милиции, приказы и штатные расписания Главмилиции БССР и Минской городской милиции. 9 августа – 13 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 13.

11. Проект положения о промышленной милиции, приказы и штатные расписания Главмилиции БССР и Минской городской милиции. 9 августа – 13 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 13 об.

12. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 63, 63 об.

13. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 64 об.

14. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 65 об.

15. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. – М.: Высшая школа милиции МООП РСФСР, 1967.

16. История милиции Белорусской ССР (1917–1967 гг.). Краткий очерк / М-во охраны обществ. порядка Белорусской ССР; А.Ф. Атрощенко [и др.]. – Минск, 1967.

17. Переписка с ЦК РКП(б) и ЧК Белоруссии по вопросам борьбы с бандитизмом. Протоколы заседаний Контрольной комиссии КП(б)Б. Список уполномоченных по борьбе с

бандитизмом по Бобруйскому уезду. 29 мая 1921 года – 3 сентября 1921 года // НА РБ. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 86.

18. Циркуляры и инструкции НКВД БССР, протоколы заседаний коллегии НКВД БССР и межведомственных совещаний по установлению волисполкомов, штаты НКВД и волисполкомов БССР. 2 сентября 1921 года – 1 декабря 1921 года // НА РБ. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 242. – Л. 24.

19. Штатные расписания и сметы расходов Главмилиции БССР, уездных и городских милиций, списки сотрудников политбюро Игуменской уездной милиции. Смета расходов на содержание аппарата уездных милиций Минской губернии на 1-е полугодие 1919 года. Список уездов и волостей Минской губернии 1920 года. 24 августа 1920 года – 20 сентября 1921 года // НА РБ. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 139.

20. Протоколы заседаний партийной комиссии о порядке убоя скота и торговли мясом; проект постановления о контрольных цифрах по 2-му займу индустриализации, переписка с ЦК ВКП(б) и окружками КП(б)Б о подборе работника радиовещания, о ходе посевной кампании, о формировании заказов на оборудование спичечных фабрик и другие. Февраль 1928 года – декабрь 1929 года // НА РБ. – Ф. 4 п. – Оп. 1. – Д. 3711. – Л. 176.

21. Сведения помощников прокуроров уездов о работе за январь – октябрь 1923 года, отчетная ведомость о движении дел по отделу прокуратуры Наркомюста БССР с 1 января по 15 ноября 1923 года, сведения о дислокации органов милиции БССР, список расположения камер народных судей по уездам. 6 января – 15 ноября 1923 года // НА РБ. – Ф. 750. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 29.

22. Узбуйненне БССР // Википедия [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://be.wikipedia.org/wiki/Узбуйненне_БССР. – Дата доступа: 18.11.2021.

23. Административно-территориальное деление Беларуси // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746>. –

Дата доступа: 17.11.2021.

24. Положение о Народном комиссариате внутренних дел БССР // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1924. – № 25–26. – Ст. 221.

1. Vishnevskij A.F. (2000) Organizaciya i deyatel'nost' milicii Belarusi. 1917 – 1940gg.: istoriko-pravovye aspekty [Organization and activity of the militia of Belarus. 1917 – 1940: historical and legal aspects] . – Minsk: Tesej. – 224s. (In Russ.).

2. Miliciya Belarusi. Dokumenty i materialy (1917 – 2007) [The police of Belarus. Documents and materials (1917 – 2007)] / sost. K.I. Barvinok [i dr.]; pod red. K.I. Barvinka, A.F. Vishnevskogo. – Minsk: Akad. MVD Resp. Belarus', 2007. – 352 s. (In Russ.).

3. Hohlov A.G. (1965) Krasnaya gvardiya Belorussii (mart 1917 – mart 1918gg.) [The Red Guard of Belarus (March 1917 – March 1918)]. – Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russ.).

4. Gistoryya belaruskaj dzyarzhajŭnasci ŭ kancy HVIII – pachatku HKHI st. U2 kn. Kn.1 [The history of the Belarusian statehood in the late XVIII-early XXI century. In 2 books of Book 1]. – Minsk: Belarus. navuka, 2011. – 584s. (In Bel.).

5. Gistoryya Belarusi: u 6 t. [The History of Belarus: in 6 volumes]. – Minsk: Ekaperspektyva, 2000–2007. – T. 5: Belarus' u 1917–1945 gg. / A. Vabishchevich [i insh.]. – 2007. – 613s. (In Bel.).

6. Karotki narys gistoryi milicyi Belarusi. 1917 – 1927 [A brief outline of the history of the militia of Belarus. 1917–1927]; pad agul. red. A. Stasheŭskaga. – Mensk, 1927. (In Bel.).

7. Telegramma V.I. Lenina o mobilizacii sil na bor'bu za vosstanovlenie sel'skogo hozyajstva; telegramma V.M. Molotova ob organizacii mestnyh komissij po uluchsheniyu byta rabochih. Sbornik prikazov XVI armii za 1920 god. Perepiska s CK RKP(b), partijnymi i sovetskimi organizacijami, organami milicii po voprosam bor'by s banditizmom, o mobilizacii sil na bor'bu s Vrangelem, o provedenii prodravverstok, voss-

tanovlenii sel'skogo hozyajstva. Prikazy po ot-ryadu osobogo naznacheniya Minskoj oblasti. [V.I. Lenin's telegram on the mobilization of forces to fight for the restoration of agriculture; V.M. Molotov's telegram on the organization of local commissions to improve the life of workers. Collection of orders of the XVI Army for 1920. Correspondence with the Central Committee of the RCP (b), party and Soviet organizations, police bodies on the fight against banditry, on the mobilization of forces to fight Wrangel, on the conduct of prodrazverstok, the restoration of agriculture. Orders for the special purpose detachment of the Minsk region] 12 oktyabrya 1920 g. – 3 iyunya 1921. // NA RB. – F.4p. – Op.1. – D.305. – L.33. (In Russ.)

8. Doklady nachal'nikov otdelov Glavmilicii BSSR o rabote za dekabr' 1920 g. – sentyabr' 1921 g. [Reports of the heads of departments of the Glavmilitsiya of the BSSR on the work for December 1920 – September 1921] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.16. – L.39. (In Russ.)

9. Otchety i doklady o deyatel'nosti Glavmilicii i Mingormilicii, Centrsoyuza, sel'hoz i promyslovoj kooperacii, komissii po likvidacii posledstvij goloda. Ob'yasnitel'nye zapiski o dohodah i raskhodah, smety i dr. YAnvar' 1922 g. – mart 1923 g. [Reports and reports on the activities of the Glavmilitsiya and Mingormilitsiya, the Center Union, agricultural and commercial Cooperation, the Commission for the elimination of the consequences of hunger. Explanatory notes on income and expenses, estimates, etc. January 1922 – March 1923] // NA RB. – F.4p. – Op.1. – D.927. – L.14. (In Russ.)

10. Proekt polozheniya o promyshlennoj milicii, prikazy i shtatnye raspisaniya Glavmilicii BSSR i Minskoj gorodskoj milicii. 9 avgusta – 13 dekabrya 1920 g. [Draft regulations on the industrial police, orders and staffing tables of the BSSR and Minsk City police. August 9 – December 13, 1920] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.33. – L.13. (In Russ.)

11. Proekt polozheniya o promyshlennoj milicii, prikazy i shtatnye raspisaniya Glavmilicii BSSR i Minskoj gorodskoj milicii. 9 avgusta – 13 dekabrya 1920g. [Draft regulations on industrial militia, orders and staffing schedules of the

BSSR and Minsk City Militia. August 9 – December 13, 1920] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.33. – L.13ob. (In Russ.)

12. Prikazy Glavmilicii BSSR, shtatnye raspisaniya Glavmilicii BSSR, Minskoj gorodskoj i uездной milicii. 25oktyabrya – 31 dekabrya 1920 g. [Orders of the BSSR Main Militia, staff schedules of the BSSR Main Militia, Minsk city and county militia. October 25 – December 31, 1920] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.24. – L.63, 63ob. (In Russ.)

13. Prikazy Glavmilicii BSSR, shtatnye raspisaniya Glavmilicii BSSR, Minskoj gorodskoj i uездной milicii. 25oktyabrya – 31 dekabrya 1920 g. [Orders of the BSSR Main Militia, staff schedules of the BSSR Main Militia, Minsk city and county militia. October 25 – December 31, 1920] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.24. – L.64ob. (In Russ.)

14. Prikazy Glavmilicii BSSR, shtatnye raspisaniya Glavmilicii BSSR, Minskoj gorodskoj i uездной milicii. 25oktyabrya – 31 dekabrya 1920 g. [Orders of the BSSR Main Militia, staff schedules of the BSSR Main Militia, Minsk city and county militia. October 25 – December 31, 1920] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.24. – L.65ob. (In Russ.)

15. Eropkin M.I. Razvitie organov milicii v Sovetskom gosudarstve [Development of police bodies in the Soviet state]. – M.: Vyssh. shk. milicii MOOP RSFSR, 1967. (In Russ.)

16. Istoriya milicii Belorusskoj SSR (1917 – 1967gg.). Kratkij ocherk [History of the militia of the Byelorussian SSR (1917 – 1967). A brief essay]. – Minsk, 1967. (In Russ.)

17. Perepiska s CK RKP(b) i CHK Belorussii po voprosam bor'by s banditizmom. Protokoly zasedanij Kontrol'noj komissii KP(b)B. Spisok upolnomochennyh po bor'be s banditizmom po Bobrujskomu uезду. 29 maya 1921 g. – 3 sentyabrya 1921g. [Correspondence with the Central Committee of the RCP(b) and the Cheka of Belarus on the fight against banditry. Minutes of the meetings of the Control Commission of the KP (b) B. List of commissioners for combating banditry in the Bobruisk district. May 29, 1921 – September 3, 1921] // NA RB. – F.4p. – Op.1. – D.665. – L.86. (In Russ.)

18. Cirkulyary i instrukcii NKVD BSSR, protokoly zasedaniy kollegii NKVD BSSR, i mezhvedomstvennyh soveshchaniy po ustanovleniyu volispolkomov, shtaty NKVD i volispolkomov BSSR. 2 sentyabrya 1921 g. – 1 dekabrya 1921 g. [Circulars and instructions of the Board of the NKVD of the BSSR, minutes of meetings of the Board of the NKVD of the BSSR, and inter-departmental meetings on the establishment of executive committees, the staff of the NKVD and executive committees of the BSSR. September 2, 1921 – December 1, 1921] // NA RB. – F.34. – Op.1. – D.242. – L.24. (In Russ.)

19. Shtatnye raspisaniya i smety raskhodov Glavmilicii BSSR, uездных i gorodskih milicij, spiski sotrudnikov politbyuro Igumenskoj uездной milicii. Smeta raskhodov na sodержanie apparata uездных milicij Minskoj gub. na 1-oe polugodie 1919 g. Spisok uездov i volostej Minskoj gub., 1920 g. 24 avgusta 1920 g. – 20 sentyabrya 1921 g. [Staff schedules and cost estimates of the Glavmilitsiya of the BSSR, county and city militia, lists of employees of the politburo of the Hegumen County militia. Cost estimates for the maintenance of the apparatus of the district militia of the Minsk Gubernia for the 1st half of 1919 List of counties and volosts of Minsk Gubernia, 1920. August 24, 1920 – September 20, 1921] // NA RB. – F.35. – Op.1. – D.44. – L.139. (In Russ.)

20. Protokoly zasedaniy partijnoj komissii o poryadke uboya skota i trgovli myasom; proekt postanovleniya o kontrol'nyh cifrah po 2-mu zajmu industrializacii, perepiska s CK VKP(b) i okruzhkomami KP(b)B o podbore rabotnika radioveshchaniya, o hode posevnoj kompanii, o formirovanii zakazov na oborudovanie spich-echnykh fabrik i drugie. Fevral' 1928g. – dekabr' 1929g. [Minutes of the meetings of the party commission on the procedure for slaughtering livestock and meat trade; draft resolution on the control figures for the 2nd loan of industrializa-tion, correspondence with the Central Commit-tee of the CPSU (b) and the district committees of the CP(b) B about the selection of a radio broadcasting employee, about the course of the sowing campaign, about the formation of orders for the equipment of match factories and others.

February 1928 – December 1929] // NA RB. – F.4p. – Op.1. – D.3711. – L.176. (In Russ.)

21. Svedeniya pomoshchnikov prokurorov uездov o rabote za yanvar' – oktyabr' 1923g., otchetnaya vedomost' o dvizhenii del po otdelu prokuratury Narkomyusta BSSR s 1 yanvarya po 15 noyabrya 1923g., svedeniya o dislokacii or-ganov milicii BSSR, spisok raspolozheniya ka-mer narodnykh sudej po uездam. 6 yanvarya – 15 noyabrya 1923 g. [Information of assistant prosecutors of counties on the work for January – October 1923, the report sheet on the move-ment of cases in the Prosecutor's office of the People's Commissariat of the BSSR from Janu-ary 1 to November 15, 1923, information on the deployment of the BSSR militia bodies, a list of the location of chambers of people's judges by counties] // NA RB. – F.750. – Op.1. – D.30. – L.29. (In Russ.)

22. Uzbujnenne BSSR [Consolidation of the BSSR] // Vikipediya [Elektronnyj resurs]. – 2012. – Rezhim dostupa: http://be.wikipedia.org/wiki/Uzbujnenne_BSSR. – Data dostupa: 18.11.2022. (In Bel.)

23. Administrativno-territorial'noe delenie Belarusi [Administrative-territorial division of Belarus] // Arhivy Belarusi [Elektronnyj resurs]. – 2012. – Rezhim dostupa: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746>. – Data dostupa: 17.11.2022. (In Russ.)

24. Polozhenie o Narodnom Komissariate Vnutrennih Del BSSR [Regulations on the Peo-ple's Commissariat of Internal Affairs of the BSSR] // Sobr. uzakon. i rasporyazh. rab. - krest. pravitel'stva BSSR. – 1924. – №25–26. – St.221. (In Russ.)

АРБЕКОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия, Тула), e-mail: killkennedy123@yandex.ru, AuthorID: 1113334

ARBEKOV A.B., Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Tula State Arms Museum (Russian Federation, Tula), e-mail: killkennedy123@yandex.ru, AuthorID: 1113334

ЕГИПЕТ И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

EGYPT AND BRITISH MILITARY STRATEGY ON THE EASTERN QUESTION IN THE SECOND HALF OF THE 70S OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении роли Египта в формировании британской военной стратегии в период Восточного кризиса на основании документов британских и российских архивов (1875–1878 гг.). Исследование данной тематики позволяет проследить процесс планирования военных операций Соединенного королевства по захвату Египта и объяснить логику действий высшего политического руководства Британской империи в указанный исторический период. Основной акцент автором сделан на изучении делопроизводственных материалов Военного ведомства Великобритании и его разведывательных структур.

Ключевые слова: Восточный кризис, Восточный вопрос, военная разведка, Военное министерство, Викторианская Англия; имперская политика, Египет, Суэцкий канал.

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of Egypt in developing the British military strategy during the Eastern Crisis on the basis of the British and Russian archives (1875–1878).

It is stressed that the study of this problem allows to trace the process of planning the British military operations to capture Egypt. It gives an opportunity to explain the logic of the actions of the British ruling elite during this period.

As a result, the author emphasizes that the research focuses on the study of the records of the British War Department and its intelligence agencies.

Keywords: Eastern Crisis, Eastern Question, military intelligence, War Department, Victorian England, imperial policy, Egypt, Suez Channel.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из краеугольных камней британской имперской стратегии на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX века стал египетский вопрос, определивший на последующие десятилетия основной вектор внешнеполитического курса Соединенного Королевства на единоличный контроль над Суэцким каналом. Данную проблему второе либеральное министерство

У. Гладстона (1880–1885 гг.) решило путем прямой военной интервенции и длительной оккупации Египта, приведшей к прямой конфронтации с правительством Третьей республики во Франции.

Во многом успех военно-морской операции 1882 года был обусловлен скрупулезной проработкой и совершенствованием ее плана в течение нескольких лет до начала вторжения, что резко выделяет Египетскую кам-

панию на фоне остальных колониальных войн Великобритании Викторианской эпохи. Однако сама теоретизация основных аспектов военно-морской операции 1882 года, фактически проводившаяся с началом Восточного кризиса (1875–1878 гг.), к сожалению, осталась за рамками взора научных исследователей.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно в англоязычной историографии изучались политические и военно-событийные стороны египетского вопроса в 70-х – 80-х гг. XIX века. Исключением в этом ряду являются фундаментальные работы У. Бивера и Э. Престона [4, Р. 1–7; 12, Р. 90], которые тем не менее анализировали проблему британского контроля над Египтом слишком фрагментарно или исключительно как второстепенный сюжет в контексте развития разведывательных и планирующих структур Соединенного Королевства в позднюю Викторианскую эпоху. В отечественной исторической науке тема роли и места Египта в военной стратегии Великобритании в период Восточного кризиса (1875–1878 гг.) и ее влияния на события 1882 года не подвергались изучению.

Поддержание территориальной целостности «большого человека Европы» – Османской империи, а также защита проливов Босфор и Дарданеллы от обладания ими другими европейскими державами являлись столпами традиционной политики Великобритании по сохранению своего могущества на Востоке. Однако завершение строительства Суэцкого канала французами в 1869 году побудило британские политические и военные элиты начать постепенную переориентацию своих традиционных стратегических приоритетов. Помимо явных экономических преимуществ, которые сулило обладание Суэцким каналом, очевидно, что наличие сокращенного пути через Африку на 5 тыс. миль позволяло более компактно и надежно выстраивать оборону имперских

владений на различных континентах. В связи этим российский военный агент в Лондоне Н. А. Новицкий в донесении от 24 мая 1870 года дальновидно отметил, что «при правильном и успешном развитии предприятия, английские капиталы будут стремиться к приобретению всего канала» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1870. – Д. 41. – Л. 157–157 об.).

Значительную роль в определении этого региона в качестве приоритета внешней и колониальной политики Великобритании сыграли события Восточного кризиса (1875–1878 гг.) в целом и Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) в частности. Поэтому первоначально захват Египта, как и афганский вопрос, отождествлялся Англией с проблемой «русской угрозы» Индии и во многом зависел от международной обстановки в Европе.

После начала восстаний в Боснии и Герцеговине летом 1875 года властные элиты Великобритании стали осознавать потенциальную возможность очередного вооруженного столкновения с Россией по восточному вопросу. Данное понятие в интерпретации британских правящих кругов означало сохранность морских коммуникаций с Индией через Персидский залив и акваторию Средиземного моря, напрямую связанную с Суэцким каналом и, соответственно, Египтом. Среди тори существовало определенное представление, что потенциальный успех российского оружия в войне против Турции обеспечивал полное доминирование России в Малой Азии и на Ближнем Востоке, откуда за счет посредничества Персии и Афганистана появлялась возможность напрямую угрожать Индии.

Для предотвращения подобной комбинации лидеры консервативной партии для выработки наиболее релевантных военно-стратегических инициатив обращались к советам специалистов разведывательного департамента Военного ведомства (Intelligence Department), выполнявшего функции Генерального штаба. В этот период в силу объективного возрастания сложности организации

вооруженных сил появляется потребность применения научного подхода к управлению армией. Особое значение приобретали грамотное построение разведывательной деятельности, сбор и аккумуляция различных военно-статистических и топографических сведений для проектирования релевантных внешнеполитических инициатив, соотносимых с мобилизационными ресурсами и военно-промышленным потенциалом государства. При этом территориальная обширность Британской империи с ее владениями, разбросанными по нескольким континентам, настоятельно требовала изучения беспрецедентно огромного пласта военных вопросов, касавшихся почти каждой части света.

В результате к середине 1873 года в Военном ведомстве Великобритании был сформирован новый разведывательный департамент, занимавшийся не только «сбором всей статистической и топографической информации, которой будет полезно обладать в случае вторжения или войны за рубежом», но и «применением этой информации в отношении мер <...>, которые должны быть приняты во время войны...» [15, Р. 82]. Расширение компетенций ведомства абсолютно закономерно позволяло продуцировать различные глобальные военные стратегии для решения актуальных внешнеполитических задач. Поэтому неудивительно, что именно разведывательный департамент стал своеобразным эквивалентом Генерального штаба.

Первым главой разведывательного департамента был назначен генерал-майор сэра Патрика Леонарда Макдугалла, ветеран Крымской войны, принимавший в 60-х гг. XIX века активное участие в организации обороны Канады от потенциального вторжения США и повышении боеспособности канадского ополчения с целью вывода британских войск из доминиона [13, Р. 214]. Назначая его на должность главы разведывательного департамента, Верховный главнокомандующий герцог Кембриджский писал королеве Виктории: «Он (Макдугалл. – А. А.) опытный человек, обладающий значительными способно-

стями к такой работе» [14, Р. 52].

Тем не менее разведывательный департамент не обладал самостоятельностью и наделялся чисто исполнительными и консультативными функциями – рекомендации, предложения и стратегические планы специалистов этого отдела были совершенно не обязательны для приведения в прямое исполнение представителями действующего правительства. По сути, до начала XX в. политики поздней Викторианской эпохи совершенно не допускали прямого вмешательства армейских кругов в процесс разработки имперской стратегии, предоставляя им роль советников именно по военным вопросам ее имплементации. Историк Дж. Гуч справедливо резюмировал, что «именно эта концептуальная ошибка, почти полное непонимание конструктивной роли, которую может сыграть департамент – являлось одним из самых серьезных препятствий в развитии сложного механизма планирования обороны (Великобритании. – А. А.)» [9, Р. 5]. Однако, выступая в качестве советников действующего правительства, специалисты данного ведомства оказали заметное влияние на формирование военной стратегии Великобритании во время международного кризиса 1875–1878 гг. Так, в качестве возможного варианта разрешения восточного вопроса, как ни странно, предлагался именно захват Египта.

В декабре 1875 года, сразу после приобретения Англией контрольного пакета акций Суэцкого канала, глава разведывательного департамента генерал-майор сэра П. Макдугалл совершил поездку в Египет с целью топографии местности и более детального изучения ключевых военно-стратегических позиций в регионе. По итогам этой командировки 16 июня 1876 года он составил пространную аналитическую записку «Оборона Египта», которая, по нашему мнению, имеет весомое историческое значение.

Во-первых, этот документ является наглядной иллюстрацией традиционной для Англии поздней Викторианской эпохи парадигмы мышления «лучшая защита – это нападение». Генерал Макдугалл прямо ука-

зывает, что для защиты Суэцкого канала от угрозы других европейских держав «...Англия может оказаться перед необходимостью оккупировать Египет своей армией либо с согласия Египта, либо с помощью силы...» (The National Archives (Kew), United Kingdom, PRO FO 881/2900, P. 3).

Во-вторых, он предопределил последующую переориентацию военно-стратегического внимания Великобритании в Средиземноморье с проливов Босфор и Дарданеллы на Суэцкий канал. Генерал-майор П. Макдугалл придерживался довольно прагматичных взглядов относительно структуры национальной обороны, рассматривая колониальные владения Великобритании и систему ее военно-морских баз и коммуникаций в качестве основных элементов имперского могущества. Поэтому он имел стойкое убеждение, что именно Египет являлся центральным связующим звеном метрополии с Индией и его возможная утрата гораздо сильнее отразится на положении Великобритании, нежели сам факт утверждения России на проливах. При этом современная оккупация Египта, по замыслу генерала Макдугалла, даже в случае гипотетической утраты морской инициативы обеспечивала Англию сильной военно-морской базой, полностью соответствующей тому политическому влиянию, «которое она (Англия. – А. А.) стремится оказывать в европейских делах» (TNA, PRO FO 881/2900, PP. 2–3). В контексте цитируемого отрывка довольно знаменательно, что именно Египет станет основным пунктом подготовки военной экспедиции против России в районе проливов и Черного моря в разгар Пендинского кризиса весной 1885 года (РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 4, 1885. – Д. 39. – Л. 15–17 об.).

И в-третьих, данная реляция являлась отправной точкой и основой всех планов потенциальной интервенции в Египет, которые разрабатывались высшим военным командованием Великобритании вплоть до событий 1882 года.

Переходя к анализу документа, отметим, что «Оборона Египта» носит преимуще-

ственно теоретический и рекомендательный характер. При этом важной особенностью записки является ее «зеркальность» в отношении рассматриваемых потенциальных операционных направлений как вражеской, так и обороняющейся стороны, так как оба положения при определенных обстоятельствах могла спокойно занять и сама Англия. Примечательно, что в документе нет однозначного указания на конкретную европейскую державу, которая могла составить Великобританию конкуренцию в Средиземном море в борьбе за Египет. Однако, исходя из системы координат международных отношений в рассматриваемый исторический период, можно однозначно утверждать, что в «Обороне Египта» речь шла прежде всего о России и Франции.

Касательно последней стороны конфликта, военные круги Великобритании в период Восточного кризиса имели достаточно весомые основания полагать, что Франция не будет препятствовать британским планам по оккупации Египта. Военный агент в Париже генерал-майор Джеймс Конолли докладывал 25 декабря 1876 года о царивших мнениях во французской армейской корпорации относительно сложившейся международной ситуации. Он пришел к выводу о преобладании реваншистских настроений по вопросу франко-германского соперничества после «военной тревоги» 1875 года, в связи с чем «именно к Рейну, а не к Нилу, направлены устремления всей нации» (TNA, PRO FO 424/46, № 135, Incl. 1, P. 78). Кроме того, британский военный атташе докладывал о желании многих высокопоставленных офицеров армии Третьей республики заключить оборонительный и наступательный союз с Англией на случай повторной эскалации конфликта с Германией. По мнению генерала Конолли, подобные обстоятельства позволяли властям в Лондоне с помощью «продуманной манипуляции» нивелировать «любые неприятности, связанные с оккупацией или захватом Англией части Египта», а все противоречия с французскими властями урегулировать «существенной денежной ком-

пенсацией за Суэцкий канал» (TNA, PRO FO 424/53, No. 280, Incl. 1, P. 135). Поэтому «Оборона Египта» генерала Макдугалла, с нашей точки зрения, носила прежде всего антироссийскую направленность, что полностью совпадало с позицией Лондона по восточному вопросу.

Изначально глава разведывательного департамента четко определил цель любого потенциального вторжения в Египет как «заграждение или овладение Суэцким каналом» (TNA, PRO FO 881/2900, P. 4). Им рассматривались два варианта подобной интервенции – сухопутным или морским путем. В первом случае нападение осуществлялось через территорию турецкой Сирии с целью занять Палестину в качестве операционной базы, откуда далее из Газы двумя корпусами (60–70 тыс. чел.) «противник» мог произвести концентрическое наступление к Суэцкому каналу. Примечательно, что подобный вариант вторжения совпадал с последующими планами британского командования в случае войны с Россией оккупировать побережье Сирии в заливе Искендерун (Александретта) с целью создания в восточном бассейне Средиземного моря дополнительной военно-морской гавани для организации наступления в Малую Азию (TNA, PRO FO 881/3146, PP. 109, 129–131). Однако, учитывая особенности местности, протяженность коммуникационных линий и потенциальные сложности при снабжении армии, генерал Макдугалл пришел к выводу, что подобный вариант следует исключить «из категории практически осуществимых операций» (TNA, PRO FO 881/2900, PP. 3–5). Поэтому единственно возможным способом вторжения в Египет, по его мнению, являлась переброска «вражеского» десанта через акватории Средиземного и Красного морей, для «отражения» которого Англии следовало задействовать один армейский корпус (35 тыс. чел.) при поддержке небольшого военного контингента из Индии.

Для выполнения этой задачи он выделял три точки вероятной высадки: 1) Александрия; 2) Порт-Саид; 3) Исмаилия. В первом

случае десантирование около Александрии или в других ближайших районах, по его мнению, не имело важного значения, так как этот шаг «уведет от настоящей цели (Суэцкого канала. – А. А.) и заставит выполнять утомительные операции» через сложную пустынную местность. В то же время Порт-Саид он оценивал как самую безопасную и наиболее доступную гавань на северном побережье Египта, высадка в которой позволяла быстро начать продвижение к Суэцкому каналу. Однако ключевой стратегической позицией генерал Макдугалл называл именно Исмаилию. Данный город находился на важнейшей железнодорожной развязке Каир – Исмаилия и Суэц – Исмаилия. Кроме того, если войска одной из противоборствующих сторон ставили задачу наступления на египетскую столицу, то именно Исмаилия являлась наиболее выгодным опорным пунктом для проведения последующих операций. Поэтому, как заключал генерал-майор Макдугалл, «вышеупомянутые соображения указывают на Исмаилию как на самое подходящее место для укрепленного лагеря, сооружения которого должны охватывать и защищать гидротехнические сооружения самой Исмаилии, а также важные каналы и ближайшие железнодорожные узлы» (Ibid., PP. 4–11).

Первоначально консервативное правительство Дизраэли воспринимало «в штывы» подобные инициативы. К осени 1876 года британский премьер-министр по-прежнему считал императивом внешней политики Великобритании именно турецкий вектор и в переписке с министром иностранных дел лордом Дерби называл вероятность аннексии Египта «дорогостоящей обузой» [7, PP. 265–266]. Глава британского МИДа также расценивал угрозу Египту со стороны России как химерическую, поскольку британские боевые корабли имели возможность достигнуть побережья Северной Африки прежде, чем российские сухопутные войска пересекут Сирию [2, С. 272]. Однако дальнейшее развитие кризиса на Востоке иначе ставило перспективу гегемонии Великобритании в

Средиземноморье.

В течение октября 1876 года специалисты разведывательного департамента подготовили два крупных военно-статистических отчета (TNA, WO 33/28/1876/622; TNA, PRO FO 881/3146), которые в общих чертах подвели к очень простой мысли – завоевание османской столицы и турецкой Армении, а также утверждение российского влияния на европейской и азиатской сторонах Босфора всего лишь вопрос времени. Для противодействия этим планам рекомендовались затратные и довольно рискованные десантные операции в Европе, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Общая их теоретическая основа была составлена в декабре 1876 года специалистами разведывательного департамента – подполковником Р. Хоумом и капитаном Э. Бэрингом под общим руководством генерал-майора П. Макдугалла. Все проекты потенциальной войны с Россией исходили из трех постулатов – Великобритания должна иметь: «1) полный контроль над морским пространством; 2) армию достаточной силы и численности для высадки на побережье; 3) военную морскую базу, с которой такая армия может действовать» (TNA, PRO FO 881/3146, P. 1). Из сформулированных предпосылок вполне очевидно соответствие им Египта в качестве пункта, способного выполнить все три задачи одновременно. Однако наиболее существенная проблема при планировании британской военной стратегии в рамках Восточного кризиса 1875–1878 гг. заключалась в мобилизации собственной сухопутной армии.

Особое географическое положение Туманного Альбиона, а также крупнейший боевой флот и система обширных морских коммуникаций полностью обеспечивали защиту Великобритании от угроз извне. Поэтому потребность в содержании многочисленной армии на основе всеобщей воинской повинности (конскрипции) по примеру континентальных держав попросту отсутствовала. «Значительная регулярная армия с хорошо организованными резервами во всяком государстве служит твердым ручательством в

сохранении мира, – писал российский военный представитель в Лондоне, – но в стране чисто морской, как Англия, конституция, которая не дает возможность содержать значительную сухопутную армию, и особенность ее географического положения – избавляют ее от этой необходимости» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1872. – Д. 44. – Л. 164). Вместо этого в Великобритании существовала система компактных «профессиональных» сухопутных вооруженных сил, которая выстраивалась на добровольном принципе прохождения воинской службы.

Однако на фоне побед германского оружия над французской армией в войне 1870–1871 гг. стала очевидной структурная проблема британской военной организации – отсутствие четкого мобилизационного расписания, адаптированного как под наступательные, так и под оборонительные нужды Соединенного Королевства. Генерал-майор Н. А. Новицкий в рапорте 13 января 1871 года сообщал в Петербург о широкой дискуссии, развернувшейся среди представителей военных и политических кругов Великобритании, «о состоянии сухопутных сил, об обеспечении края от нашествий иноплемennых, о необходимости иметь действующую армию, готовую к перевозке на всякое поле сражения» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1871. – Д. 42. – Л. 1–1 об.). В течение следующих нескольких лет в недрах Военного ведомства обсуждались различные проекты и схемы мобилизации британской армии. Некоторые специалисты, например полковник Г. Уолсли, считали необходимым переорганизовать систему национальной обороны таким образом, чтобы не только эффективно защищать метрополию и ее многочисленные заморские колонии, но и «создать 100-тысячную армию, всегда готовую для союзной войны на континенте» (Там же. – Л. 200 об.).

В итоге к декабрю 1875 года военный министр от консерваторов Г. Гаторн-Харди (впоследствии лорд Крэнбрук) утвердил расписание, разработанное специалистами разведывательного департамента. Оно подра-

зумеало формирование по территориальному принципу из регулярных войск и ополчения восьми армейских корпусов в Колчестере, Альдершоте, Кройдоне, Дублине, Солсбери, Честере, Йорке и Эдинбурге общей численностью около 280 тыс. чел. (TNA, WO 33/27/1875/606, PP. 7–13). Фактически Военное ведомство Великобритании копировало структуру и логику построения вооруженных сил Германии, где корпуса слагались из различных родов войск и категорий ландвера (в переводе с нем. – «оборона земли»), но адаптировало их под актуальные военные потребности Соединенного Королевства.

Теоретический фундамент расписания 1875 года основывался на предпосылке, «что в определенный день... Верховный главнокомандующий прикажет мобилизовать войска, для чего будут подготовлены приказы каждому корпусу, намечены маршруты их движения, а пункты назначения четко определены» (Ibid., P. 1). Британский флот признавался первой и основной линией обороны берегов Туманного Альбиона, поэтому формула мобилизации подразумевала два потенциальных сценария применения вооруженных сил страны: 1) война с державой, способной активно соперничать с Англией на морских просторах и осуществлять прямое вторжение на британские острова; 2) война с державой, не способной на прямое вторжение и серьезное соперничество с Англией на морских просторах, но имеющую возможность наносить ущерб ее колониальным владениям и морской торговле с помощью быстроходных крейсеров или небольшого броненосного флота. В первом случае рассматривались Франция и (при маловероятном стечении обстоятельств) Германия, во втором – Италия, Испания, Турция, США и Россия. Сценарий противостояния с Францией «поглощал» все мобилизационные ресурсы Великобритании для обороны от вторжения, но война с державой из второй категории предоставляла возможность оставить «дома» шесть корпусов и выделить два для операций за рубежом (Ibid., PP. 2–13) [6, PP. 110–112].

Вне зависимости от описанных выше сценариев с момента объявления мобилизации на подготовку корпусов в пунктах сосредоточения уходило примерно 6 недель (TNA, WO 33/27/1875/606, P. 7). Для проведения военных операций за рубежом предусматривалась комплектация крупных войсковых соединений, отличная от первого – оборонительного – варианта мобилизационного расписания. Она преследовала цель создания по опыту Крымской войны особой высокоомобильной Экспедиционной армии (Expeditionary Force), всегда готовой к быстрому реагированию. В таком случае 1-й «образцовый» корпус формировался за счет остальных исключительно из регулярных войск «не только как оружие для мгновенного удара, но и как стальной наконечник или острие всей остальной армии» (Ibid., P. 11). Параллельно 2-й корпус снаряжался из армейского запаса и ополчения, выступавшего в качестве постоянно действующего имперского резерва (Ibid., PP. 3–4). После Восточного кризиса (1875–1878 гг.) эта схема подверглась незначительной корректировке, и за рубеж отправлялся дополнительно 3-й корпус. Его войска распределяли по различным колониальным и военно-морским гарнизонам, за исключением Индии, поскольку количество вооруженных сил, дислоцированных там, считалось достаточным для обеспечения ее защиты [6, PP. 110–112].

Несмотря на рациональный подход к формированию вооруженных сил, воплощенный в мобилизационном плане 1875 года, стоит признать первую попытку введения данной схемы совершенно неудачной. Вся ее основа имела существенный изъян, касавшийся фактического наличия военных ресурсов для формирования указанных боевых соединений. Сразу после первых войсковых сборов в конфиденциальных отчетах генерал-квартирмейстера Ч. Эллиса отмечался серьезный «недобор» кадров всех родов войск, прежде всего инженерных и артиллерийских, а также острая нехватка транспорта, снаряжения, провизии, амуниции и артиллерии. По общим расцен-

кам на ноябрь 1875 года для полной комплектации корпусов, согласно мобилизационному расписанию, следовало привлечь к службе дополнительно 120 тыс. чел., произвести 204 орудия и закупить около 80 тыс. лошадей и 8 тыс. повозок (TNA, WO 33/27/1875/606, P. 25).

План 1875 года вполне очевидно исходил из перспективы дальнейшей оптимизации вооруженных сил Великобритании и увеличения численности всех слагаемых корпусной схемы мобилизации. Как писал в апреле 1886 года очередной глава разведывательного департамента генерал-майор Г. Брэкенбери, «целью этой публикации (мобилизационного расписания 1875 г. – А. А.) было открыть глаза всей стране и побудить правительство Ее Величества предпринять меры для заполнения пробелов путем формирования новых кавалерийских, артиллерийских, инженерных и ведомственных кадров пропорционально имеющейся пехоте» (British Library, United Kingdom, DMO/14/2, P. 2). Однако постоянное вовлечение британской армии в конфликты в колониях, а также стремительное развитие Восточного кризиса (1875–1878 гг.) не позволили специалистам разведывательного департамента довести задуманное до логического завершения. Так, согласно отчету Мобилизационного комитета под председательством генерал-адъютанта Ч. Эллиса от 19 июня 1877 года для приведения на военную ногу одного корпуса в течение 22 дней было необходимо задействовать все доступные резервы. Расходы на содержание данного войскового соединения на полгода без учета морской транспортировки составляли примерно 6,7 млн ф. ст., для покрытия которых консервативное правительство в начале февраля 1878 года вотировало в парламенте дополнительное финансирование. Однако из-за нехватки армейских кадров для формирования второго корпуса требовалось дополнительно рекрутировать еще 18 тыс. чел. и укомплектовать до штатов военного времени все остальные корпуса – всего 87 тыс. чел. Общие затраты на мобилизацию и содержание войск в течение всего

года комитет определял в 21 млн ф. ст. (TNA, WO 33/32/1878/668A, PP. 1–4). В конечном счете весной 1878 года метрополия смогла сформировать только один корпус численностью чуть больше 35 тыс. чел., задействовав для этого 13 тыс. чел. из армейского резерва и 22 тыс. из резерва ополчения [14, P. 292].

Таким образом, генерал-майор П. Макдугалл, будучи главой разведывательного департамента, был прекрасно осведомлен о реальных мобилизационных возможностях Великобритании. Отсюда, на наш взгляд, исходят все последующие настоятельные призывы с его стороны к правящим кругам обратить внимание на возможность аннексии Египта как на наиболее прагматичный способ решения восточного вопроса.

Довольно характерно, что в качестве средства донесения своих мыслей до действующего правительства генерал Макдугалл выбрал не прямые каналы связи по линии Военного министерства, а британскую прессу, которая в Викторианскую эпоху фактически представляла собой «четвертую власть» и основной инструмент общественного давления на политический курс правящей партии. В декабре 1876 года он опубликовал анонимную статью алармистского содержания в консервативном журнале «Блэквудс Мэгазин» [12, P. 21]. В ней автор утверждал, что захват Константинополя и проливов позволит России уже в ближайшей перспективе занять «господствующее положение, с которого она может безопасно спланировать, и в свое время и по своему усмотрению, осуществить нападение на наши восточные коммуникации путем вторжения в Египет или изнурительной морской войны в Средиземном море». Здесь необходимо пояснить, что после Франко-германской войны в течение первой половины 70-х гг. британское правительство не стремилось финансировать новые военно-морские программы. Российский военно-морской агент И. Ф. Лихачев в 1871 году писал, что «вслед-

ствие всего этого постройка больших мореходных броненосцев приостановлена и все внимание обращено теперь преимущественно на создание морской силы, приспособленной исключительно для прибрежной морской войны» (РГА ВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 3950. – Л. 32). Поэтому генерал Макдугалл настоятельно агитировал действующее правительство в качестве превентивных мер «обеспечить защиту Египта» и «удвоить расходы на ... флот» [10, Р. 774].

В октябре 1877 года глава разведывательного департамента подготовил еще одну анонимную статью, в которой для более убедительной аргументации своей позиции использовал выдержки из «Обороны Египта». В конце данной публикации он, по сути, прогнозировал события 1881–1882 гг., предупреждая банкротство Египта и вовлечение страны в состояние анархии, в результате чего «Англия ради собственного блага будет вынуждена взять на себя в поздний час и с большим неудобством задачу, которую можно было бы решить сейчас с относительно небольшими затратами» [11, Р. 487].

Вполне вероятно, что данные призывы не остались без внимания некоторых представителей консервативного кабинета Б. Дизраэли. Так, лорд Солсбери не разделял позицию премьер-министра о том, «что дорога в Индию ведет через Константинополь». Как отмечали В. Н. Виноградов и О. А. Науменков, в свою очередь он придерживался идеи о целесообразности «сдвинуть острие британкой агрессии в зону Египта» [1, С. 165–166]. По нашим представлениям, на точку зрения министра по делам Индии повлиял практикуемый им качественно новый подход к оценке роли и значения разведывательного департамента как инструмента реализации внешней политики Великобритании [3, С. 136]. Именно с санкции лорда Солсбери в феврале 1877 года было направлено несколько военных инженеров для разведки Кипра, Крита и Александрии для возможности их последующей оккупации в качестве перманентных британских военно-морских баз в Средиземноморье (TNA, PRO FO

424/38, № 21, PP. 155–156). Кроме того, правительству Египта был сделан конфиденциальный запрос на разрешение капитану Ч. Арда, специалисту разведывательного департамента, изучить фортификационные и оборонительные сооружения в Александрии (TNA, PRO FO 424/49, № 296, Р. 160).

К середине января 1878 года на основе наработок разведывательного департамента был подготовлен детализированный план за авторством капитана Э. Коллена по оккупации Александрии и Исмании в качестве военно-морских баз. В отличие от записки генерала Макдугалла, в которой захват Египта планировалось осуществить силами одного полностью укомплектованного корпуса из метрополии и одной дивизии из Индии, проект капитана Коллена подразумевал привлечение трех обособленных полевых дивизий численностью 8 тыс. чел. каждая. В определенном смысле данный план был ближе к британской «отрядной» традиции ведения колониальных войн, тогда как записка генерала Макдугалла, очевидно, опиралась на доминирующую на тот момент времени в Европе практику формирования вооруженных сил. В конечном счете проект капитана Коллена подразумевал: 1) оккупацию Александрии для возможного наступления на Каир вдоль западного течения Нила; 2) высадку десанта в Исманию для продвижения на столицу по маршруту железнодорожного сообщения Исмания – Тель-эль-Кебир – Каир (BL, IOR/L/MIL/17/17/44, PP. 1–6). Однако заключение 3 марта 1878 года прелиминарного мира в Сан-Стефано и потенциальная возможность захвата российскими войсками Константинополя вновь заставили консервативное правительство Б. Дизраэли обратить свой взор на Босфор и Дарданеллы.

12 февраля 1878 года тори распорядились ввести боевые корабли под командованием контр-адмирала Джеффри Хорнби в Мраморное море [5, Р. 295]. Следом было принято решение подготовить Экспедиционную армию по мобилизационному плану 1875 года. На страницах британской прессы

громко заявлялось: «...в разведывательном департаменте Конной гвардии (Horse Guards) был начертан всеобъемлющий план, согласно которому Экспедиционная армия может быть готова в течение нескольких дней к отправке из Англии. Детали были проработаны под руководством генерал-лейтенанта сэра Патрика Макдугалла и получили полное одобрение Его Высочества Верховного главнокомандующего и Военного министра <...>, и в течение одного месяца войска численностью не менее 60 000 человек могут быть отправлены на борт со всем необходимым для полевой службы» [8]. В итоге в марте 1878 года королева Виктория, несмотря на изначально заявленный нейтралитет, подписала приказ о призыве резервистов, а семь полков англо-индийской армии передислоцировали из Индии на о. Мальта [3, С. 158].

Для защиты британских геополитических интересов 4 июня 1878 года состоялось подписание оборонительной англо-турецкой конвенции, которая в итоге стала одним из ключевых шагов не только для утверждения могущества Англии на Востоке, но и подготовила плацдарм для интервенции в Египет в 1882 году по сценарию генерала П. Макдугалла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы. После приобретения Великобританией контрольного пакета акций компании Суэцкого канала в 1875 году представители высшего эшелона Военного ведомства стали предметно рассматривать сценарии интервенции в Египет. С точки зрения имперской стратегии Соединенного Королевства и специфики устройства его сухопутных вооруженных сил данный вариант разрешения восточного вопроса в 1875–1878 гг. считался наиболее оптимальным, поскольку он позволял, с одной стороны, сохранить исторически сложившуюся конфигурацию системы национальной обороны Великобритании с ее упором на

военно-морское доминирование, с другой – усилить собственные позиции в Африке и Евразии в контексте соперничества с другими европейскими державами.

Таким образом, в период Восточного кризиса началась постепенная переориентация британской военной стратегии с проблемы проливов Босфор и Дарданеллы на контроль над Суэцким каналом. Поэтому Египет стал играть ключевую роль во внешней политике Соединенного Королевства в последней трети XIX века. Это закономерно привело к необходимости его военного захвата в 1882 году.

Библиография/References:

1. Виноградов В.Н., Науменков О.А. Маркиз Солсбери: последний архитектор Pax Britannica // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. – 2002. – С. 156–191.
2. Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» И «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова). – СПб., 2020. – С. 256–274.
3. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012. – 454 с.
4. Beaver W. Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa. London, 2013. – 340 p.
5. Clowes W. L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present. Vol. VII, London, 1903.
6. Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880 // Royal Commission Appointed to Inquire into the Defence of British Possessions and Commerce Abroad, London, 1879.
7. Documents on Conservative Foreign Policy, 1852–1878. – Cambridge, 2012. – 396 p.

8. Edinburgh Evening News. – 1878. – 28 February.
9. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916. – London, 1974. – 36 p.
10. Macdougall P.L. The Conference at Constantinople // Blackwood's Magazine. – December 1876, Vol.120. – №734. – P. 763–775.
11. Macdougall P.L. The Khedive's Egypt, and our Route to India // Blackwood's Magazine. – 1877. – October. – Vol.122. – № 744. – P. 477–490.
12. Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis, 1876-1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966.
13. Raugh H. The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History. – Santa Barbara, 2004. – 403 p.
14. Verner W. The Military Life of H.R.H. George. – Duke of Cambridge Vol. 2, London, 1904.
15. Watson C.M. The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers. – London, 1909. – 419 p.
1. Vinogradov V.N., Naumenkov O.A. (2002) Markiz Solsberi: posledniy arkhitekt Pax Britannica [Marquess of Salisbury: the last architect of Pax Britannica] // Monarkhi, ministry, diplomaty XIX – nachala XX veka. – SPb, S.156–191. (In Russ.).
2. Gella T.N. (2002) Obraz Rossii v politicheskoy ritorike britanskikh parlamentariyev v period Vostochnogo krizisa 70-kh godov XIX veka [The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern crisis of the 70s of the 19th century] // «Svoi» I «Drugiye». Vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii (K yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova). – SPb., 2020. – S.256–274. (In Russ.).
3. Sergeyev Ye.YU. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. – M., 2012, 454s. (In Russ.).
4. Beaver W. Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa [Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa]. – London, 2013. – 340p. (in Engl.).
5. Clowes W. L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present [The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present]. Vol. VII, London, 1903. (in Engl.).
6. Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880 [Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880] // Royal Commission Appointed to Inquire into the Defence of British Possessions and Commerce Abroad, London, 1879. (in Engl.).
7. Documents on Conservative Foreign Policy, 1852–1878 [Documents on Conservative Foreign Policy, 1852-1878]. – Cambridge, 2012. – 396 p.
8. Edinburgh Evening News [Edinburgh Evening News]. – 1878. – 28 February. (in Engl.).
9. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916 [The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916]. – London, 1974. – 36p. (in Engl.).
10. Macdougall P.L. The Conference at Constantinople [The Conference at Constantinople] // Blackwood's Magazine. – December 1876, Vol.120. – №734. – P.763–775. (in Engl.).
11. Macdougall P.L. The Khedive's Egypt, and our Route to India [The Khedive's Egypt, and our Route to India] // Blackwood's Magazine. – 1877. – October. – Vol.122. – №744. – P.477–490. (in Engl.).
12. Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis [British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis], 1876-1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966.

(in Engl.).

13. Raugh H. The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History [The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History]. – Santa Barbara, 2004. – 403p. (in Engl.).

14. Verner W. The Military Life of H.R.H. George [The Military Life of H.R.H. George]. – Duke of Cambridge Vol. 2, London, 1904. (in Engl.).

15. Watson C.M. The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers [The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers]. – London, 1909. – 419p. (in Engl.).

КИЧАЕВ Павел Александрович, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: pkichaev@mail.ru, AuthorID: 1155627

KICHAEV P.A., Staff member, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Russian Federation, Orel), e-mail: pkichaev@mail.ru, AuthorID: 1155627

ЦЫБАКОВА Ольга Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: zaslonkina11@mail.ru, AuthorID: 662393

TSYBAKOVA O.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (Russian Federation, Oryol), e-mail: zaslonkina11@mail.ru, AuthorID: 662393

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ СССР И ЯПОНИИ ПО ПОВОДУ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮЖНЫХ КУРИЛ В XX СТОЛЕТИИ

THE HISTORY OF THE POLITICAL AND DIPLOMATIC STRUGGLE BETWEEN THE USSR AND JAPAN OVER THE OWNERSHIP OF THE SOUTHERN KURILES IN THE 20th CENTURY

Аннотация. Цель статьи состоит в комплексном анализе проблемы территориально-политического размежевания между Россией и Японией, а также в рассмотрении хронологии дипломатической борьбы по поводу принадлежности Южных Курил на протяжении второй половины XX столетия. Раскрываются причины и предпосылки эволюции позиций сторон по поводу реализации различных вариантов решения вопроса о суверенитете над Курильскими островами. Для подготовки статьи были использованы общенаучные и специальные методы научного исследования, такие как исторический, системный и сравнительно-правовой анализ. Аргументирован вывод, что требования Японии о передаче ей южной части Курильских островов следует признать одной из первых попыток ревизии итогов Второй мировой войны в XX столетии.

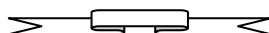
Ключевые слова: Курильские острова, Симодский трактат, Петербургский трактат, Портсмутский мирный договор, Сан-Францисский мирный договор 1951г., Московская декларация 1956 г.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the problem of territorial and political demarcation between Russia and Japan, as well as to consider the chronology of the diplomatic struggle over the ownership of the Southern Kuriles during the second half of the 20th century.

Much attention is given to the reasons and prerequisites for the evolution of the positions taken by the parties on the implementation of various options for resolving the issue of sovereignty over the Kuril Islands. General scientific and special research methods such as historical, systemic and comparative legal analysis are used.

As a result, the author draws conclusions that Japanese demands for transferring the southern part of the Kuril Islands should be recognized as one of the first attempts to revise the results of the Second World War in the 20th century.

Keywords: Kuril Islands, Treaty of Shimoda, St. Petersburg Treaty, Treaty of Portsmouth, 1951 Treaty of San Francisco, Peace 1956 Moscow Declaration.

ВВЕДЕНИЕ

Расширение российских владений на Дальнем Востоке стало результатом постоянной работы и развития России в северной части Тихого океана. На Курильских островах российские ученые и исследователи побывали в начале XVIII века. К середине 1760-х годов они достигли всех островов Курильской гряды [1, С. 19].

По мере освоения Курил русскими исследователями в 30-х годах XVIII века начался процесс христианизации коренного населения островов. При этом Россия осознала конкуренцию при освоении Курильской гряды с японскими миссионерами, которые, со своей стороны, осуществляли строительство буддистских храмов на островах. Несмотря на это, российское руководство планировало начать переговорный процесс о торговых взаимоотношениях с Японией [2, С. 16].

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА НАД КУРИЛЬСКИМИ ОСТРОВАМИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Освоение Российской империей островов Малой Курильской гряды сопровождалось картографированием местности, описанием островов, рыбооловецкой деятельностью, формированием поселений, ведением сельского хозяйства и т. д. В 1739–1740 годах под руководством Мартина Шпанберга была организована первая научная экспедиция, в ходе которой были подробно описаны южнокурильские острова [1, С. 20].

Начало экспансии Японии на южнокурильские острова было ознаменовано учреждением в 1802 году особого ведомства по колонизации данных территорий [1, С. 21]. Она сопровождалась сносом российских пограничных знаков и установлением собственных, изгнанием с островов подданных России и запрещением им вести торговлю с местным населением.

На всё это накладывался недостаток возможностей у российской стороны для удержания территорий. В конечном итоге это привело

к тому, что символическое представительство Российской империи на Курильской гряде в середине XIX века было утрачено. Переговорный процесс по вопросам принадлежности южнокурильских островов пришёлся на разгар Крымской войны 1853–1856 годов. В сложившихся условиях Россия была вынуждена как можно быстрее заключить русско-японский договор, чтобы не допустить захвата англо-французскими войсками российского посольства в Японии [1, С. 22]. Это привело к тому, что российские представители пошли на существенные уступки японской стороне.

25 января 1855 года был подписан Симодский трактат о торговле и границах, который предусматривал учреждение двухсторонних дипломатических отношений между Россией и Японией и установление государственной границы между двумя странами.

Спустя два десятилетия, 25 апреля 1875 года, стороны пришли к заключению Петербургского трактата. Данное событие было вызвано несколькими факторами: во-первых, отсутствием территориального размежевания острова Сахалин между Россией и Японией, во-вторых, возрастанием значения острова для интересов Российской империи, в-третьих, необходимостью предотвращения экспансии Токио на Дальнем Востоке. Для решения этого вопроса российская сторона пошла на очередные уступки, заключавшиеся в передаче всех Курильских островов Японии в обмен на отказ от претензий последней на южную часть острова Сахалин.

23 августа 1905 года в результате поражения Российской империи в Русско-японской войне был ратифицирован Портсмутский мирный договор. В соответствии с ним к Японии переходила южная часть острова Сахалин, а также предусматривалось, что все вышеизложенные документы, подписанные между двумя странами, аннулировались. Следовательно, трактаты 1875 года и 1895 года после ратификации Портсмутского договора больше не имели юридической силы [1, С. 23]. Поэтому все обращения официального Токио, которые делались в XX и XXI столетиях с использованием ссылок на указанные трактаты являются не-

правомерными.

В период с 1918 по 1922 год, когда в России шла Гражданская война, Японская империя перестала исполнять положения Портсмутского мирного договора, осуществив интервенцию на территории Дальнего Востока и Сибири. В ходе тяжелых боев с Народной армией Дальневосточной республики (ДВР) и красными партизанами японское военное руководство пошло на переговоры. 14 июля 1920 года был заключен договор между правительством Дальневосточной республики и руководством экспедиционного корпуса Японской империи, по итогам которого японские вооруженные силы покинули Забайкалье. Однако до 1922 года японские интервенты оставались на территории Дальнего Востока. К 1925 году японские вооруженные силы покинули северную часть острова Сахалин в соответствии с конвенцией, подписанной в Китае [3]. Также в документе указывалось, что Портсмутский договор остается действительным.

В 1930-е гг. Япония ввела войска в Маньчжурию, которая тогда не подчинялась центральным властям Китая – с этого момента условия Портсмутского мира 1905 года и фактически, и юридически были нарушены. В 1937 году началась открытая японо-китайская война. Накануне Великой Отечественной войны, в 1938–1939 годах, милитаристская Япония совершала акты агрессии против Советского Союза у озера Хасан и против Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол, нарушая мирные соглашения [4, С. 95]. Заметим, что современные японские дипломаты и исследователи предпочитают не касаться указанных фактов в своей риторике.

Необходимо заметить, что Токио с целью обоснования своих современных территориальных притязаний на Южные Курилы ссылается на Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, который был подписан 13 апреля 1941 года, известный как «Пакт Молотова – Мацуока» [5, С. 336]. Однако и данный договор Япония неоднократно нарушала в период, когда Германия начала войну против Советского Союза. Страна восходящего солнца активно помогала своему главному союзнику – Герма-

нии: осуществляла поставки стратегического сырья, предоставляла разведданные, нарушала государственную границу СССР.

Отметим, что советское руководство в указанное время уже не считало себя связанным неравноправными соглашениями императорской России. Именно в период Второй мировой войны между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции было подписано несколько основополагающих документов, которые касались вопроса принадлежности Курильских островов.

27 ноября 1943 года при участии США, Великобритании, Китая и СССР была подписана Каирская декларация. В соответствии с этим документом союзники обязывались вынудить Японию оставить захваченные ею территории [6, С. 43].

Подписание Ялтинских соглашений 11 февраля 1945 года оказало влияние на дальнейшую судьбу геополитического Дальневосточного региона. Согласно документу, который был согласован между СССР, США и Великобританией, Советский Союз обязался выступить против Японии спустя два или три месяца после капитуляции нацистской Германии. Выполнив это условие, СССР получал Южный Сахалин вместе с Курильскими островами. Таким образом, со 2 февраля 1946 года указанные территории присоединились к РСФСР, согласно соответствующему Указу Президиума Верховного Совета СССР [6, С. 45].

Согласно мнению японской стороны, юридически положения Ялтинских договоренностей не имеют юридической силы для Японии. Однако, изучая Акт о безоговорочной капитуляции, подписанный Японией 2 сентября 1945 года, нельзя не указать на выполнение обязательств Ялтинских соглашений официальным Токио. Дополнительным доказательством признания утраты Японией суверенитета над Курильской грядой является Сан-Францисский мирный договор, подписанный японской стороной в 1951 году. Согласно ему Япония обязалась принять все решения, сформированные союзными державами во время Второй мировой войны. В результате подписание этого договора означает отказ То-

кио от всяких претензий на полученные СССР территории, которые были освобождены от контроля японцев еще в сентябре 1945 года [7, С. 89]. Отметим, что Сан-Францисский мирный договор не был подписан Советским Союзом вследствие того, что на мирную конференцию не допустили КНР, которая в то время была союзником СССР.

МОСКОВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1956 ГОДА И ЕЁ ЧАСТИЧНАЯ ОТМЕНА

До наступления середины прошлого века СССР считал, что бывшие союзники поддержат суверенитет нашей страны над Курильскими островами. Основной причиной являлись результаты Второй мировой войны, закрепленные Уставом Организации Объединенных Наций. Японией данный устав был подписан, так как государство желало стать частью ООН. Однако вследствие того, что Советский Союз не подписал Сан-Францисский мирный договор, сформировалась ситуация международно-правовой неопределенности [8, С. 39]. Так, Токио отказался от суверенитета над полученной СССР территорией, однако факт ее вхождения в состав Советского Союза не был закреплен договором.

Начавшаяся в середине пятидесятых годов прошлого века «оттепель» между СССР и бывшими союзниками вела к уменьшению конфронтации в разных регионах земного шара. В результате руководство Советского Союза и Японии формировали планы по нормализации двусторонних отношений. Ключевая задача СССР того времени в направлении Дальнего Востока – формирование условий, при которых Япония не сможет превратиться в американского военно-политического союзника. Важным шагом в выполнении этого плана стала совместная советско-японская декларация, подписанная сторонами 19 октября 1956 года. Согласно её содержанию, состояние войны между двумя государствами заканчивалось, а дипломатические и консульские отношения восстанавливались [9, С. 83]. При этом советское правительство обязывалось изучить вопрос о принадлежности двух из четырех ост-

ровов, однако лишь при подписании мирного договора. В данном случае речь шла об архипелаге Хабомаи (Плоские острова) и острове Шикотан. При этом не учитывались положения законодательства РСФСР, к Сахалинской области которой к тому времени относились Курильские острова.

Так как в этом договоре есть оговорка относительно островов Малой Курильской гряды – они признаются территорией СССР, Токио официально признал эту местность подконтрольной Советскому Союзу. Вследствие этого делаем вывод о том, что граница между СССР и Японией, сформированная после Второй мировой войны, тоже была принята. В результате Япония не имеет права не признавать Южные Курилы частью Российской Федерации или бывшего СССР. Отметим, что декларация от 1956 года является аналогом мирного договора, который был составлен предварительно. Причиной является первая статья, которая свидетельствует о взаимном прекращении войны между двумя странами, а также о восстановлении мира и добрососедства [10, С. 257].

Обратим внимание на то, что руководство Советского Союза прорабатывало вопрос о возможности передачи острова Шикотан и гряды Хабомаи не только для заключения мирного договора, но и для решения более масштабной стратегической цели – достижения нейтрального статуса послевоенной Японии. Этот план не удалось реализовать, так как 19 января 1960 года был подписан Договор о безопасности и взаимодействии между США и Японией. Согласно ему Токио разрешал Вашингтону использовать следующие десять лет военные базы, располагающиеся на японских территориях, а также содержать там свои вооруженные силы. Тем самым проявлялся один из признаков милитаризации международной политики, присущих XX столетию [11, С. 161]. Поэтому от руководства Советского Союза поступило заявление о том, что Малая Курильская гряда будет передана Японии лишь в случае вывода иностранных войск из этой страны. Ответ Токио был следующим: СССР не мог выдвинуть условие, которого не было в декла-

рации 1956 года, не проведя совещание об этом с японской стороной [1, С. 26].

Нота советского правительства, отправленная 27 января 1960 года, заявляла, что вследствие нового договора, продляющего военный союз Вашингтона и Токио, Шикотан и Хабомаи не будут переданы Японии. 5 февраля 1960 года была направлена ответная записка Токио, согласно которой японская сторона намеревалась и далее предпринимать попытки по возвращению Шикотана и Хабомаи, а также иных «японских территорий» [1, С. 27].

Исходя из анализа хронологии событий второй половины 1950-х годов, сделаем вывод о том, что именно японское правительство сорвало заключение мирного договора между двумя государствами. Основным фактором стало выдвижение Токио дополнительных требований относительно территорий СССР, которые нарушили декларацию 1956 года. В результате Советский Союз не мог исполнить вторую часть девятой статьи. Таким образом, декларацию 1956 года имеет смысл считать частично утратившей силу, так как Токио отказался от ее изначальных условий [9, С. 70].

Отметим, что существовавший долгое время территориальный спор, а также неподписанный мирный договор не смогли стать барьерами, препятствовавшими двустороннему сотрудничеству. Здесь важно заметить, что Московское соглашение 1956 года прекратило состояние войны и восстановило дипломатические отношения, что позволило развернуть эффективное взаимодействие между странами в различных областях народного хозяйства.

С семидесятых годов прошлого века СССР и Япония смогли сформировать двухсотмильные исключительные экономические зоны, имевшие отношение к спорным территориям. Для Токио это имело особую важность по причине утраты возможности добывать биологические ресурсы в водах США и Канады, которые были признаны исключительными экономическими зонами этих стран. Однако на протяжении 1970–1980-х годов советские власти регулярно устанавливали многочисленные нарушения установленного закона японскими рыбаками. Это привело к жесткому контролю рыболовецкого промысла со

стороны Японии.

РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВОКРУГ ЮЖНЫХ КУРИЛ В 1980-Е – 1990-Е ГГ.

Следующие изменения относительно статуса Курильских островов произошли в конце восьмидесятых годов прошлого века. Международная политика Советского Союза в указанный период всё больше трансформировалась в направлении односторонних уступок в пользу геополитических конкурентов нашей страны. Существует мнение, что ближайшее окружение Горбачёва склоняло его к уступке определенной спорной части для получения японской экономической поддержки. Эксперты в данной области аргументируют, что ключевая роль в продвижении идеи о пересмотре статуса Южных Курил исходила от главы МИДа Советского Союза Э. Шеварднадзе [12, С. 78]. Власти США, которые представлял президент Р. Рейган, также оказывали давление на Москву, склоняя советское руководство к передаче территорий Южных Курил.

В результате визита М. С. Горбачёва в Токио было подписано Заявление СССР и Японии от 18 апреля 1991 года. В нем впервые за полвека поднимался вопрос о территориальной принадлежности Южных Курил. Аналогичная позиция была занята руководством Российской Федерации после распада СССР. Б. Ельцин собирался посетить Японию в 1992–1993 годы, однако поездка дважды откладывалась вследствие отсутствия намерений со стороны России решать спорный территориальный вопрос. Несмотря на это, встреча состоялась 13 октября 1993 года, ее итогом стала Токийская декларация. Согласно ей Российская Федерация признавала наличие территориального спора, а также указывала на свою готовность решить его согласно уже имеющимся договоренностям [14].

В XX столетии ситуация в политико-дипломатической борьбе вокруг Южных Курил изменилась. Ключевая причина состояла в том, что для Японии это лишь вопрос получения территории, а для России в случае утраты

стратегического региона в полной мере возникает угроза национальной безопасности, исходящая от американо-японского союза. Помимо прочего, для Японии получение хотя бы части курильских территорий воспринималось способом решения проблем перенаселенности страны и трудовой занятости населения, что приобрело особую актуальность во второй половине XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что Южные Курилы являются объектом геополитики с того времени, когда великие мировые державы обзавелись паровым морским военным и торговым флотом. Возвращение Курильских островов СССР, которые считались японскими с середины XIX века, сформировала затяжной морально-психологический синдром в обществе Страны восходящего солнца. При этом совершенно упускается из виду тот факт, что именно императорская Япония неоднократно нарушала установления Симодского и Петербургского трактатов XIX столетия, а затем и Портсмутского мира 1905 года: сначала отторгнув от России Южный Сахалин, а затем и проведя аннексию Маньчжурии в начале 1930-х годов. Тем самым Российская империя и СССР получали необходимые аргументацию и мотивацию по дезавуированию неравноправных соглашений относительно суверенитета над Курилами, каждое из которых заключалось в кризисные для отечественной государственности времена. Проблема так называемых северных территорий в Японии во второй половине XX столетия была во многом создана реваншистскими кругами, ориентированными на патронаж со стороны США. Это доказывается перманентным использованием темы территориального спора с СССР и Российской Федерацией именно в те периоды, когда правящим кругам восточного соседа России требовалось отвлечь массовое политическое сознание от идей формирования суверенной и нейтральной Японии, независимой от гегемонизма со стороны Соединенных Штатов.

Выдвигаемые со стороны Токио требова-

ния относительно передачи Южных Курил являются одной из первых попыток ревизии результатов Второй мировой войны, которые имели место в XX веке. Продолжением территориальных притязаний Японии являются процессы, способные дестабилизировать Азиатско-Тихоокеанский регион в XXI веке через эскалацию «замороженных» конфликтов и спорных ситуаций предшествующего времени.

Библиография/ References:

1. Русские Курилы: история и современность: Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников, С. А. Пономарев. – М.: Алгоритм, 2015. – 399 с.
2. Осипова М.В. Христианизация айнов как способ распространения российского влияния на Курильских островах // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 1 (161). – С. 15–22.
3. Самсонов А. 20 января 1925 года СССР и Япония подписали Пекинский договор // Военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/23189-20-yanvarya-1925-goda-sssr-i-yaponiya-podpisali-pekinskiy-dogovor.html> (дата обращения: 15.03.2022 г.).
4. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. – М.: Вече, 2011. – 95 с.
5. Славинский Б. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. – М.: Новина, 1995. – 336 с.
6. Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943–1946 гг. – М.: Министерство иностранных дел СССР, 1947. – 80 с.
7. Из мирного договора с Японией, подписанного в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года // Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). – М.: ДВО МИД СССР, 1954. – С. 89–104.
8. Вылегжанин А.Н., Неверова Е.В. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к оспариваемым Японией Южно-

Курильским островам // Московский журнал международного права. – 2016. – № 2. – С. 35–62.

9. Панов А.Н. Советско-японская совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 63–93.

10. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – Выпуск XVII – XVIII. – М. – С. 257–260.

11. Цыбаков Д.Л. Милитаризация межгосударственных союзов в постбиполярном мире: последствия для национальных интересов России // Власть. – 2012. – № 1. – С. 161–165.

12. Базин О.А. Новые факторы в решении проблемы Южных Курил в период перестройки // Технологос. – 2017. – № 1. – С. 76–83.

13. Токийская декларация о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 года // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 12.02.2022 г.).

14. Из совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 года // Посольство Японии в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1991.html> (дата обращения: 12.02.2022 г.).

1. Russkie Kurily: istoriya i sovremennost': Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-yaponskoj i sovetsko-yaponskoj granicy [Russian Kuriles: history and modernity: Collection of documents on the history of the formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border] / V.K. Zil'nov, A.A. Koshkin, A.YU. Plotnikov, S. A. Ponomarev. – M.: Algoritm, 2015. – 399s. (In Russ.).

2. Osipova M.V. (2012) Hristianizaciya ajnov kak sposob rasprostraneniya rossijskogo vliyaniya na Kuril'skih ostrovah [Christianization of the Ainu as a way to spread Russian influence on the Kuril Islands] // Vestnik DVO RAN. – №1(161). – S.15–22. (In Russ.).

3. Samsonov A. 20 yanvarya 1925 goda SSSR i YAponiya podpisali Pekinskij dogovor [On January 20, 1925, the USSR and Japan signed the Beijing Treaty] // Voennoe obozrenie [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://topwar.ru/23189-20-yanvarya-1925-goda-sssr-i-yaponiya-podpisali-pekinskiy-dogovor.html> (data obrashcheniya 15.03.2022g.). (In Russ.).

4. Koshkin A.A. (2011) «Kantokuen» – «Barbarossa» po-yaponski. Pochemu YAponiya ne napala na SSSR [Kantokuen means Barbarossa in Japanese. Why didn't Japan attack the USSR]. – M.: Veche. – 95s. (In Russ.).

5. Slavinskij B. (1995) Pakt o nejtralitete mezhd SSSR i YAponiej: diplomaticheskaya istoriya, 1941–1945 gg. [Neutrality Pact between the USSR and Japan: diplomatic history, 1941–1945]. – M.: Novina. – 336s. (In Russ.).

6. Sbornik dokumentov (Kairskaya deklaraciya, Krymskoe soglasenie, Potsdamskaya deklaraciya, reshenie Moskovskogo soveshchaniya i drugie dokumenty, svyazannye s kapitulyaciej YAponii) 1943–1946 gg. [Collection of documents (Cairo Declaration, Crimean Agreement, Potsdam Declaration, decision of the Moscow Conference and other documents related to the surrender of Japan) 1943–1946]. – M.: Ministerstvo inostrannyh del SSSR, 1947. – 80s. (In Russ.).

7. Iz mirnogo dogovora s YAponiej, podpisanogo v San-Francisko 8 sentyabrya 1951 goda // Sbornik dokumentov i materialov po YAponii (1951–1954 gg.) [From the peace treaty with Japan signed in San Francisco on September 8, 1951]. – M.: DVO MID SSSR, 1954. – S.89–104. (In Russ.).

8. Vylegzhanin A.N., Neverova E.V. (2016) Rossijsko-yaponskie dogovorennosti o morskikh rajonah, primykayushchih k osparivaemym YAponiej YUzhno-Kuril'skim ostrovam [Russian-Japanese agreements on maritime areas adjacent to the South Kuril Islands disputed by Japan] // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – №2. – S.35–62. (In Russ.).

9. Panov A.N. (2019) Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaraciya 1956 goda: slozhnyj put' k podpisaniyu, nelyogkaya sud'ba posle ratifikacii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a difficult path to signing, a difficult fate after

ratification] // YAponskie issledovaniya. – №2. – S.63–93. (In Russ.).

10. Sbornik deystvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states]. – Vypusk XVII-XVIII. – M. – S.257–260. (In Russ.).

11. Cybakov D.L. (2012) Militarizaciya mezhdgosudarstvennyh soyuzov v postbipolyarnom mire: posledstviya dlya nacional'nyh interesov Rossii [Militarization of Interstate Unions in the Post-Bipolar World: Consequences for Russia's National Interests] // Vlast'. – № 1. – S.161–165. (In Russ.).

12. Bazin O.A. (2017) Novye faktory v reshenii problemy YUzhnyh Kuril v period perestrojki [New factors in solving the problem of the Southern Kuriles during the period of perestroika] // Tekhnologos. – №1. – S.76–83. (In Russ.).

13. Tokijskaya deklaraciya o rossijsko-yaponskih otnosheniyah ot 13 oktyabrya 1993 goda [Tokyo Declaration on Russian-Japanese Relations of October 13, 1993] // Elektronnyj fond normativno-tekhnicheskoy i normativno-pravovoj informacii Konsorciuma «Kodeks» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (data obrashcheniya 12.02.2022g.). (In Russ.).

14. Iz Sovmestnogo sovetско-yaponskogo zayavleniya ot 18 aprelya 1991 goda [Embassy of Japan in Russia] // Posol'stvo YAponii v Rossii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1991.html> (data obrashcheniya 12.02.2022g.). (In Russ.).

УДК 351.741(47)''1913 ''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-144-153

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: angrebyonkin@mail.ru, AuthorID: 539940

GREBENKIN A.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Russian Federation, Orel), e-mail: angrebyonkin@mail.ru, AuthorID: 539940

ОХРАНА НИКОЛАЯ II ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ В НИЖНИЙ НОВГОРОД В 1913 Г.

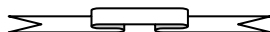
THE SECURITY OF NICHOLAS II DURING THE TRIP TO NIZHNY NOVGOROD IN 1913

Аннотация. Цель статьи – содержательный анализ планов проведения охранных мероприятий, призванных обеспечить безопасность Николая II и членов его семьи во время пребывания в Нижнем Новгороде и при следовании в Кострому в мае 1913 года. Данная поездка была предпринята в рамках юбилейных торжеств в честь 300-летия дома Романовых. Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие института государственной охраны в современной России нуждается в опоре на исторический опыт. Поиск оптимальных форм и методов реализации функции государственной охраны неизбежно заставляет обращаться к ранее разработанным методам. В первую очередь интерес представляют те из них, которые использовались при планировании и проведении масштабных охранных мероприятий. Особое значение при этом имеет обращение к опыту, накопленному при планировании и проведении юбилейных празднеств в честь 300-летия Дома Романовых. Исследование основано на неопубликованных материалах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Автор отмечает, что успешное выполнение программы юбилейных торжеств в Нижнем Новгороде было обеспечено главным образом благодаря тщательной подготовке охранных мероприятий. Она включала заблаговременную разработку плана охраны, разграничение полномочий между отдельными подразделениями, постановку конкретных задач ответственным должностным лицам, проведение большого комплекса предварительных мер охраны в местах высочайшего посещения.

Ключевые слова: Российская империя, Николай II, институт государственной охраны, Управление дворцового коменданта, юбилейные торжества в честь 300-летия Дома Романовых, Нижний Новгород.

Abstract. The purpose of the article to analyze of the plans for security measures to ensure the safety of Nicholas II and his family members during their stay in Nizhny Novgorod and while traveling to Kostroma in May 1913. The author draws attention to the fact that this trip was undertaken as part of the jubilee celebrations in honor of the 300th anniversary of the Romanov dynasty. It is stressed that the actuality of this research lies in the fact that the development of the Security Guard Service in modern Russia needs to rely on historical experience. The author emphasizes that the search for optimal forms and methods of implementing of the state protection function makes to turn to previously developed methods. Much attention is given to the methods used in planning and conducting large-scale security measures. The accumulated experience of planning and conducting the jubilee celebrations in honor of the 300th anniversary of the Romanov dynasty is of great importance. The study is based on unpublished materials from the collections of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. As a result, the author draws conclusions that the successful implementation of the jubilee celebration program in Nizhny Novgorod was ensured mainly due to the careful preparation of security measures. It included the advance development of a security plan, the separation of powers between individual units, the setting of specific tasks to responsible officials, and the implementation of a large set of preliminary security measures in places of the highest visit.

Keywords: Russian Empire, Nicholas II, Institution of Security Guard Service, Office of the Palace Commandant, jubilee celebrations in honor of the 300th anniversary of the Romanov dynasty, Nizhny Novgorod.

ВВЕДЕНИЕ

Юбилейные торжества в честь 300-летия дома Романовых, в которых приняли активное участие Николай II и члены его семьи, стали серьезным испытанием для системы императорской охраны. Следовало приложить максимум усилий, чтобы не допустить совершения террористических актов в отношении царя и его близких, а также предотвратить несчастные случаи, которые могли бы поставить под угрозу жизнь и здоровье присутствовавших на праздничных мероприятиях высочайших особ. Задачи, стоявшие перед Управлением дворцового коменданта и иными структурами, отвечавшими за охрану царя, усложнялись тем, что праздничные мероприятия проходили в нескольких населенных пунктах. Следовательно, нужно было позаботиться не только об обеспечении безопасности царской семьи в местах ее временного пребывания и при проезде по улицам городов, но и о принятии надлежащих мер охраны в отношении высочайшего путешествия по населенным пунктам, связанным с началом династии Романовых.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Визит императора в Нижний Новгород и другие города являлся не обычным визитом, а священной миссией. Как отмечает А. Е. Виденеева, путешествие Николая II было глубоко символическим, и «дорога из Костромы в Москву, которую в 1613 году прошел основатель царской династии Романовых Михаил Фёдорович, осознавалась как «священный путь призвания на царство» [1, С. 135]. По этой причине постовую и агентурную службу нужно было организовать таким образом, чтобы сакральная составляющая юбилейных мероприятий не была бы отодвинута на задний план, а торжественность и величавость не были бы принесены в жертву соображениям безопасности. Поскольку главной целью юбилейных торжеств выступало укрепление пошатнувшегося авторитета династии, «восстановление личного само-

державия» [4, С. 5], многочисленные телохранители императора не должны были мешать непосредственному общению Николая II с населением и лишить празднества их народного характера.

Охрана мест высочайших посещений и секретная охрана путей высочайших проездов начиная с 1913 года осуществлялись сборным отрядом Секретной охраны, в состав которого входили чины Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, сотрудники Дворцовой полиции, офицеры Отдельного корпуса жандармов, часть личного состава охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения, чины, командированные от охранных отделений, губернских жандармских управлений и учреждений общей полиции. Секретную охрану возглавлял один из офицеров Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. Отряд Секретной охраны действовал в соответствии с «Инструкцией чинам отряда Секретной охраны по охране Их Императорских Величеств во время высочайших путешествий и пребывания вне мест постоянных резиденций» [3].

По плану юбилейных мероприятий Николай II должен был посетить Нижний Новгород 17 мая 1913 года. В целях организации секретной охраны были приняты следующие меры. Прежде всего в Нижний Новгород заблаговременно командировали двух офицеров Отдельного корпуса жандармов для наблюдения за местами высочайших посещений и для производства предварительных работ. Один из них отвечал за охрану Преображенского кафедрального собора, где должно было состояться торжественное богослужение, другой – за охрану здания Дворянского собрания, которое должен был посетить император. Кроме того, эти офицеры являлись председателями комиссий по осмотру зданий, расположенных по линии высочайшего проезда.

В первых числах апреля 1913 года в Нижний Новгород прибыли два сотрудника Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. Им следовало по-

селиться в зданиях, которые в соответствии с программой торжеств удостоивались высочайшего посещения, и производить работы согласно инструкции, наблюдая за местным населением. Они также были включены в состав комиссий по осмотру зданий. Один из агентов по выбору флаг-капитана генерал-адъютанта К. Д. Нилова был назначен на пароход, на котором должен был происходить прием императором судовладельцев.

В начале мая в Нижний Новгород приехал один из офицеров Охранной агентуры с целью проверки работ офицеров, наблюдавших за местами посещений, и живших там чинов охраны, «равно и для выполнения самолично всех указанных в инструкции работ по охране мест посещения» (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 33 об.).

За пять дней до высочайшего прибытия в Нижний Новгород были командированы 300 агентов из состава отряда Секретной охраны. Для занятия постов тылового наряда в состав отряда были включены 60 нижних чинов общей полиции.

Контроль за пропуском в места высочайшего посещения, на вокзал и пристань предполагалось осуществлять в соответствии с установленными правилами. Согласно указаниям товарища министра внутренних дел при этом следовало обратить особое внимание на то, «чтобы на каждом контрольном пункте обязательно были соответствующие представители общественных групп и разных ведомств для удостоверения лиц своих катергорий» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 33 об.). Пропускной режим во дворце организовывался по распоряжению дворцового коменданта, а его обеспечение возлагалось на Собственный Е.И.В. сводный пехотный полк и Дворцовую полицию.

Для осмотра зданий, которые должен был посещать император, и путей проезда создавались четыре комиссии во главе с офицерами Отдельного корпуса жандармов. Первая комиссия отвечала за осмотр Вокзальной улицы, Песочной улицы до ее пересечения с Московской, 1-й Сибирской улицы, Бетанку-

ровской улицы до ее пересечения с Царской улицей, затем Царской улицы, Главного дома и Бетанкуровского переулка. Вторая комиссия должна была осматривать Царскую улицу от Бетанкуровского переулка и Нижегородскую улицу до Плашкоутного моста, а также правую сторону Рождественской улицы от Плашкоутного моста. Третья комиссия обеспечивала надзор за Алексеевской площадью, левой стороной Рождественской улицы от Плашкоутного моста и Земского съезда, а также Большой Покровки от Земского съезда до Дворянской улицы. Четвертой комиссии поручались Большая Благовещенская площадь и кремль. Двух необходимых офицеров, не считая двух уже наряженных в места посещений, требовалось командировать к 20 апреля.

Председатели комиссий подчинялись заведующему регистрационному бюро, а после прибытия начальника отряда Секретной охраны переходили в его распоряжение. Состав комиссии и их деятельность были определены особой инструкцией. Четыре человека от Охранной агентуры, которые входили в состав комиссий, прибыли в город к 20 апреля.

Охрана дворца губернатора и всей прилегавшей к нему территории (с одной стороны – до собора с колокольней и Ивановского спуска, с другой – до кремлевской стены в пределах от Иоанновских ворот до Губернаторских включительно) осуществлялась силами частей, подведомственных дворцовому коменданту.

4 апреля 1913 года заведующий Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, полковник А. И. Спиридович уведомил начальника Нижегородского губернского жандармского управления полковника К. И. Глобачева, что для обслуживания мест высочайших посещений в Нижнем Новгороде им командированы три агента. С. Богодзевич должен был взять под наблюдение Архангельский собор, А. Худыковский – здание Дворянского собрания, Д. Крыленкин – здание строившегося банка. Агентам полагалось проживать во вверенных

их попечению зданиях. В состав комиссии по осмотру зданий по путям высочайших проездов был включен агент Охранной агентуры Е. Михеев.

3 мая флаг-капитан К. Д. Нилов сообщил дворцовому коменданту генералу от кавалерии В. А. Дедюлину, что в Нижнем Новгороде «будет установлена большая нефтяная баржа, принадлежащая Председателю Совета Съездов Судовладельцев Волжского бассейна г-ну Сироткину» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 41). У этой баржи должны были ошвартовываться пароходы, предназначенные для императорской семьи. На ней же устанавливался катер, на котором размещалась представлявшаяся Николаю II депутация волжских судовладельцев. На барже должен был находиться охранный пост.

В результате совещания, состоявшегося в Нижнем Новгороде 20 марта 1913 года под председательством губернатора и в присутствии товарища министра внутренних дел, командующего Отдельным корпусом жандармов, был разработан план принятия предварительных мер по охране императора во время посещения Преображенского кафедрального собора. Утром в день высочайшего визита ротмистр князь Эристов, отвечавший за организацию охраны собора, должен был проверить лиц, проживавших под колокольней либо находившихся в соборе по своим служебным делам. После этого под его руководством чинам Секретной охраны следовало тщательно осмотреть весь собор, включая подвалы и колокольню, а затем занять посты согласно заранее разработанной ведомости. По окончании расстановки постов у главного входа в собор выступался контрольный пункт в составе начальника ротмистра князя Эристова, чина общей полиции, чина Дворцовой полиции, чина отряда Секретной охраны и назначенных по требованию губернатора представителей некоторых ведомств.

После учреждения контрольного пункта пропуск в собор производился лишь через него и только по установленным билетам. При допуске в место посещения по установ-

ленному билету политически неблагонадежного лица за ним устанавливалось наблюдение. После окончания богослужения в соборе, когда все присутствовавшие выходили вслед за крестным ходом, князь Эристов вместе с нарядом Секретной охраны должен был наблюдать, «дабы к вышедшим из собора не присоединились посторонние лица при шествии до места закладки памятника» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 44 об.).

Несмотря на статус предстоявшего мероприятия, процедура выдачи билетов, который руководил сын архиерея Н. И. Левитский, была организована неудовлетворительно. Председатель Нижегородской губернской архивной комиссии А. Я. Садовский в своих воспоминаниях отмечал, что лицам, желавшим присутствовать на встрече с императором, надо было взять у Левитского карточку и внести в неё свои данные, после чего на этой карточке расписывались те, кто должен был удостоверить благонадежность ее владельца. Затем карточка обменивалась на пропускной билет, в котором указывалось, где именно полагалось стоять допущенному на церемонию. Билеты стали выдавать незадолго до приезда Николая II, из-за чего возникла большая очередь и многим не удалось получить билет. Этим объяснялось относительно небольшое число присутствовавших на юбилейных торжествах в Нижнем Новгороде, «всего же досаднее было то, что только этого и не надобно было, пришедших в день встречи пропускали свободно, но таких было немного, большинство напугалось разных разговоров о невозможности видеть Государя без билета Левитского» [6, С. 334]. Бессмысленные бюрократические процедуры испортили атмосферу праздника, что не укрылось от внимания высоких гостей. Председатель Совета министров В. Н. Коковцов, сопровождавший Николая II во время всего путешествия, отмечал в своих мемуарах: «...везде у меня было одно впечатление – отсутствие настоящего энтузиазма и сравнительно небольшое скопление народа» [5, С. 169]. Излишне строгий и плохо организованный порядок допуска на торжества в

Нижнем Новгороде вызвал негативную реакцию и у самого Николая II: «С своей стороны Государь остался очень недовольным, узнав о фильтрации народа. С этим недовольством он приехал и в собор» [5, С. 334].

Ведомость постов отряда Секретной охраны, выставляемых на случай высочайшего посещения кафедрального собора в Нижнем Новгороде, предусматривала, что на контрольном пункте будет находиться один человек, в верхнем соборе – четверо, у входа в нижний собор с правой стороны под папертью – один, в нижнем соборе – один и у входа в подвальное помещение – один. Одиночные тыловые посты выставлялись у входа в квартиры под колокольней и во дворе позади колокольни.

Место закладки памятника Кузьме Минину на Благовещенской площади, где должен был присутствовать Николай II, охранялось следующим образом. Вход на платные трибуны, устроенные неподалеку от места закладки, осуществлялся по билетам, выданным нижегородским губернатором. Аналогичным образом дамы Нижегородского гарнизона пропускались на бесплатные трибуны, расположенные возле памятника Александру II и примыкавшие к Благовещенскому собору.

На Благовещенской площади должны были находиться ученицы Дворянского императора Александра II института, Мариинского женского института и Женского епархиального училища, а в сквере возле памятника Александру II размещался народный хор. Проверка учениц и участников хора и их расстановка вменялись в обязанность подполковнику Отдельного корпуса жандармов Щегловскому. Он же должен был наблюдать за местом закладки в пределах решетки сквера. Кроме того, подполковнику Щегловскому следовало выставить два офицерских контрольных пункта. Первый пункт размещался у входа на платные трибуны, а второй – на трибунах, отведенных для дам местного гарнизона. На первый пункт назначались ротмистр Отдельного корпуса жандармов Иванов, один классный чин полиции по распоря-

жению полицеймейстера и один чин Секретной охраны. Вторым пунктом занимали жандармский ротмистр Иващенко, один из офицеров, знавший всех дам гарнизона (по выбору начальника дислоцировавшейся в Нижнем Новгороде 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Н. Я. Лопушанского), а также один чин Секретной охраны. Подполковник Щегловский должен был позаботиться о том, чтобы на платные трибуны можно было пройти только через один вход. С этой целью в его распоряжение предоставлялось «потребное число городских местной полиции для образования пред означенными трибунами живой цепи» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 46 об.). Чтобы обеспечить охрану Николая II во время церемонии закладки памятника, Щегловскому были временно подчинены четыре чина Секретной охраны. Принятые меры охраны не были лишними: кроме учениц женских учебных заведений, на площадь были выведены кадеты, семинаристы, гимназисты, реалисты и учащиеся коммерческого училища, поэтому во время крестного хода от кафедрального собора до Благовещенской площади «по сторонам... торжественного шествия волновалось целое море людских голов и впереди нижегородская учащаяся молодежь» (Российский государственный исторический архив. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 150. Ч. IV. Л. 27).

На том же совещании 20 марта 1913 года был разработан план охраны Нижегородского отделения Государственного банка, которое также мог посетить Николай II. Утром того дня, в который ожидалось высочайшее посещение, отвечавший за охрану отделения банка ротмистр Зарецкий совместно с представителем отделения и одним из чинов Секретной охраны должен был проверить всех лиц, проживавших в здании банка и в усадьбе. После этого чины Секретной охраны под руководством Зарецкого и в присутствии представителей банка тщательно осматривали всё здание банка и усадьбы. По мере осуществления осмотра выставлялись посты секретной охраны по заранее составленной ведомости, в которую было внесено

15 внутренних и семь наружных постов. Внутренние посты контролировали двери, вестибюль, коридоры, лестницы, чердак и переходы в котельную и квартиру управляющего. Наружные посты наблюдали за воротами, подъездами, дворами и промежутками между постройками.

По окончании расстановки постов в здание банка и в усадьбу можно было пройти лишь по билетам и только через контрольный пункт и два пропускных поста. Контрольный пункт, начальником которого был ротмистр Зарецкий, находился у парадного входа в здание банка. Зарецкому помогали чин общей полиции, чин Дворцовой полиции, чин отряда Секретной охраны и заведующий зданием банка губернский секретарь Мальков.

Пропускной пост выставлялся у входа в сберегательную кассу для того, чтобы пропустить по списку тех служащих банка, которые должны были находиться в операционном зале, а также певчих. На этом посту находился чин отряда Секретной охраны, чин общей полиции и представитель банка. До начала работы контрольного пункта там же присутствовал ротмистр Зарецкий.

Лица, приходившие к жившим в здании банка и в его усадьбе до прибытия высочайших особ, пропускались в сопровождении чинов Секретной охраны или сторожей банка через второй пропускной пост у ворот под переходом из здания банка в квартиру управляющего, «но с таким расчетом, чтобы к моменту высочайшего приезда в здании банка и его усадьбе не осталось посторонних не имевших билетов лиц» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 47 об.).

Наконец, утвержденный тогда же, 20 марта, план охраны здания Дворянского собрания предполагал, что в день высочайшего посещения, в 6 часов утра, чины команды Секретной охраны под руководством ротмистра Тышкевича должны были занять все входы в здание собрания и его усадьбу, после чего при участии представителя от собрания тщательно осматривали все помещения и надворные постройки. При этом пред-

полагалось закрыть ряд дверей и ворот и расставить посты секретной охраны.

После завершения осмотра ротмистр Тышкевич должен был проверить по регистрационным листкам совместно с регистрационным надзирателем и чинами охраны всех лиц, проживавших в здании собрания. После окончания осмотра оцепление снималось и устанавливались два пропускных поста, три временных особых поста и три контрольных офицерских пункта. Пропускные посты располагались возле черных входов, каждый из них состоял из чина Секретной охраны и чина общей полиции. Временные особые посты были расположены у главного входа и на подъездах Дворянского банка и Депутатского собрания. Они пропускали посетителей по билетам; лица, не имевшие билетов, вносились в особый список и пропускались. Временные особые посты действовали до замены их офицерскими контрольными пунктами, которые устанавливались в 14 часов. Офицерский пункт у главного входа состоял из начальника пункта подполковника Щегловского, чинов общей полиции, Дворцовой полиции и Секретной охраны, а также представителей ведомств по требованию губернатора. Пункт на подъезде Дворянского банка действовал в составе начальника пункта ротмистра барона Тизенгаузена и чинов общей полиции и Секретной охраны. Наконец, на пункте на подъезде Депутатского собрания должны были находиться начальник пункта ротмистр Иващенко и чины общей полиции и Секретной охраны. Кроме того, на каждом из контрольных пунктов осуществлялся особый контроль силами представителей дворянской корпорации.

После выставления контрольных пунктов вход в собрание разрешался лишь тем, у кого имелся билет. Посетители, приходившие к людям, жившим в здании собрания, пропускались в сопровождении чинов охраны, «но с таким расчетом, чтобы к моменту высочайшего приезда в собрании не оставалось посторонних лиц» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 49 об. — 50). Если по билету в собрание проходило политически неблагонадежное

лицо, за ним устанавливалось наблюдение.

В общей сложности в охране здания Дворянского собрания был задействован 31 чин Секретной охраны. Из них трое должны были находиться на контрольных пунктах, двое – на пропускных постах, девять дежурили на 1-м этаже (причем не только в передней, приемной и проходных комнатах, но и в канцелярии банка и в бухгалтерии), 11 – на 2-м этаже (у дверей, на площадках, в столовой, в уборной и на чердаке), еще один занимал наружный пост во дворе собрания.

Безопасность Николая II во время поездок по Нижнему Новгороду обеспечивалась нарядами отряда Секретной охраны. Было разработано три маршрута передвижения царя по улицам города: № 1 – от вокзала до кремля, № 3 – от дворца до Государственного банка и Дворянского собрания, № 4 – от Дворянского собрания до Софроньевской пристани. Маршруты делились на участки, которыми заведовали офицеры охраны, а каждый участок, в свою очередь, делился на обходы. Так, маршрут № 1 включал четыре участка по 14, 10, 5 и 6 обходов соответственно. В состав обхода входило от 3 до 8 человек. Общая численность чинов Секретной охраны, обеспечивавших безопасность маршрута № 1, составляла 158 человек (четыре офицера и 154 нижних чина). К наряду на каждый маршрут прилагался «Перечень постов по владениям, обслуживающим особое внимание». К таким владениям относились меблированные комнаты, номера, пивные, рестораны, магазины, церкви, ночлежные приюты и проходные дворы.

Кроме того, были составлены списки лиц, находившихся под наружным наблюдением, с указанием их фамилии, имени и отчества, агентурной клички, профессии и места жительства. Некоторые из них при появлении на линии проезда подлежали задержанию, других следовало просто не допускать на маршрут.

По окончании торжеств в Нижнем Новгороде царь должен был подняться на пароходе «Межень» по Волге до Костромы. Во вре-

мя следования Николая II и членов его семьи водным путем руководство всеми мероприятиями по обеспечению безопасности передвижения возлагалось на начальника Нижегородского отделения Казанского округа путей сообщения. Ему были подчинены все чины технического и судоводного надзора, привлеченные к охране.

Чины технического надзора должны были обследовать судовую ход и устранить имевшиеся препятствия. С началом навигации 1913 года им следовало несколько раз протралить межennую ходовую полосу 11 водолазными кранами Ярославского, Унженского и Балахнинского технических участков, а также проверить ходовую полосу в пределах перекатов рамами судоводного надзора. Ширина проверяемой полосы должна была быть не менее 50 сажен. Все препятствия как естественного (камни, топляки), так и искусственного (потерянные якоря, лоты и т. д.) происхождения следовало убрать.

Чины судоводного надзора должны были поставить дополнительные бакены в тех местах, где по сторонам судоводного хода имелись препятствия, «с таким расчетом, чтобы, в случае утраты одного, остающиеся бакены в достаточной мере ограждали препятствия» (ГАРФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 106. Л. 4 об.). На каждом посту, обслуживавшем бакены, следовало иметь по две лодки с фонарями и инструментами, необходимыми для устройства сигнализации. Полосу траления нужно было обозначить с помощью вешек.

Непосредственно перед самим проездом весь путь следовало тщательно осмотреть. При этом участковые инспектора судоводства совершали последний рейс по участку с таким расчетом, чтобы прибыть к его нижней границе не ранее 6 и не позже 2 часов до прохода специальной флотилии. Подчиненные участковым инспекторам лица рассчитывали время начала последнего рейса от нижней границы участка таким образом, чтобы оказаться у верхней границы за 2 часа до проезда специальной флотилии, в которую входили пароход «Межень» и сопровождавшие его путевые и большие пассажирские

пароходы. Во время проезда инспекторские суда должны были отойти в сторону от фарватера и поддерживаться на ходу.

Все частные суда и плоты, которые во время проезда оказались на пути следования специальной флотилии, должны были останавливаться судами судоходного надзора. Надзор за остановленными судами поручался чинам местной полиции.

За 12 часов до отплытия из Нижнего Новгорода специальной флотилии вверх по реке отправлялся особый казенный пароход в сопровождении двух баркасов, на которых находились нижние чины полиции. Он должен был останавливать все встреченные им по пути из Нижнего Новгорода в Кострому буксирные пароходы с караванами, шедшие как сверху, так и снизу, и наблюдать за тем, чтобы они становились на якорь вне фарватера. На каждый из остановленных пароходов назначался нижний чин полиции. 25 человек предназначались для охраны остановленных судов, 11 должны были занять посты на пристанях в Костроме.

За 2 часа до отплытия из Нижнего Новгорода специальной флотилии вверх по реке отправлялся еще один казенный пароход с 12 нижними чинами полиции в сопровождении двух быстроходных рассыльных баркасов. Он останавливал все пароходы, шедшие как сверху, так и снизу, следя за тем, чтобы они становились на якорь вне фарватера. На каждое судно также назначался нижний чин полиции.

После прохождения специальной флотилии идущий сзади нее казенный пароход снимал с помощью баркаса полицейских с остановленных частных судов, после чего те могли продолжать свой путь. Пароходам, шедшим снизу, запрещалось его обгонять.

За 3 дня до прохода специальной флотилии прекращался выпуск на Волгу на отрезке между Рыбинском и Нижним Новгородом сплавных судов, а также грузовых и однорядных плотов. Остановка плотов осуществлялась на притоках Волги вблизи населенных пунктов. Тогда же движение грузовых судов, буксируемых пароходами, разреша-

лось не более как по два судна. Судам воспрещалось пользоваться рысковыми якорями. Суда, подходившие в этот временной промежуток к Рыбинску, задерживались речной полицией.

За 12 часов до проезда специальной флотилии останавливались на пути следования все шедшие как вверх, так и вниз буксирные пароходы с караванами, причем те из них, которые подходили снизу к Нижнему Новгороду, задерживались на Нижегородском рейде, а в случае его переполнения – у Подновского моста.

За 4 часа до проезда прекращался отвал от Нижнего Новгорода шедших вверх пассажирских, грузовых и порожних буксирных пароходов. За 2 часа до проезда останавливалось движение всех этих судов. Шедшие сверху пассажирские пароходы задерживались у тех пристаней, ниже которых в соответствии с заранее составленными графиками в течение 2 следующих часов должна была произойти их встреча со специальной флотилией. Если времени оставалось меньше, их следовало задержать у предыдущих пристаней или с помощью специального парохода с последующей высадкой нижнего чина полиции.

Надзор за остановкой пассажирских пароходов у пристаней возлагался на начальников судоходных дистанций и состоявших в их распоряжении пристанских надзорщиков, которых на каждой пристани было не менее двух. Им помогали чины местной полиции.

На пароходе «Царь Михаил Фёдорович», входившем в состав специальной флотилии, находилась команда из шести чинов охраны во главе с подполковником Невдаховым, а на пароходе «Александр Благословенный» – такая же команда под руководством подполковника Эвальда. Команды должны были осуществлять надзор за самими пароходами и лодками с чинами министерства путей сообщения во время стоянок, а также принимать экстренные меры охраны в случае необходимости. Были разработаны ведомости постов охраны, в соответствии с которыми на пароходах чины охраны стояли на

корме, на нижних балконах и у кормовых ворот с обеих сторон кораблей, а на пристанях занимали определенные места, беря под контроль помещения электростанций, арки мостов и лестницы. Часть чинов охраны размещалась на пристанях в лодках.

Аналогичные меры безопасности принимались и при следовании флотилии из Костромы в Ярославль, причем для занятия пристаней в Ярославле заблаговременно отправлялся пароход, на борту которого находились девять чинов охраны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря заблаговременно разработанному плану охранных мероприятий, детальной регламентации обязанностей должностных лиц и возглавляемых ими структур, слаженной работе подразделений императорской охраны и приданных частей все мероприятия с высочайшим участием в Нижнем Новгороде, а также путешествие из Нижнего в Кострому прошли успешно. Император в целом был удовлетворен и пребыванием на родине Второго земского ополчения, и поездкой по Волге. В своем дневнике он отметил: «Уютно и со тщанием устроены наши каюты... Мы шли очень хорошо...» [2, С. 758]. Недовольство плохо продуманной процедурой выдачи билетов, из-за которой многие люди лишились возможности видеть царя, не нашло отражения на страницах дневника. Поэтому можно считать, что напряженная работа, которая велась в течение нескольких месяцев, принесла ожидаемые плоды. Несомненные успехи, достигнутые в самом начале высочайшего путешествия, ободрили и руководство, и рядовых сотрудников охраны, вселили в них уверенность, что они смогут обеспечить выполнение программы юбилейных торжеств в полном объеме.

Библиография/References:

1. Виденеева А.Е. Церемониал пребывания в Ростове императорской семьи в мае 1913 года // История и культура

Ростовской земли, 2013: Материалы научной конференции, проведенной в ГМЗ «Ростовский кремль» 8–10 ноября 2013 года. – Ростов Великий: ГМЗ «Ростовский кремль», 2014. – С. 135–146.

2. Дневники императора Николая II, 1894–1918 / [отв. ред. Мироненко С.В.]. – Т. 2, Ч. 1: 1905–1918. – М.: РОССПЭН, 2013. – 823 с.

3. Инструкция чинам отряда Секретной охраны по охране Их Императорских Величеств во время высочайших путешествий и пребывания вне мест постоянных резиденций. – СПб.: Типография штаба Отдельного корпуса жандармов, 1913. – 46 с.

4. Карнишин В.Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 5–10.

5. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919 гг. – Т. 2. – Париж: Иллюстриров. Россия, 1933. – 504 с.

6. Митрофанов В.В. Пребывание императора Николая II в Нижнем Новгороде во время романовских дней в 1913 г. по «Дневниковым записям» А.Я. Садовского // Пятнадцатые Романовские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция: материалы. – Екатеринбург: Квадрат, 2015. – С. 325–338.

1. Videneeva A.E. (2014) Ceremonial prebyvaniya v Rostove imperatorskoj sem'i v mae 1913 goda [Ceremonial stays of the imperial family in Rostov in May 1913] // Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli, 2013: Materialy nauchnoj konferencii, provedennoj v GMZ «Rostovskij krem'l'» 8–10 noyabrya 2013 goda. Rostov Velikij: GMZ «Rostovskij krem'l'». – S.135–146. (In Russ.)

2. Dnevniky imperatora Nikolaya II, 1894–1918gg [Diaries of Emperor Nicholas II, 1894–1918] / [otv. red. S.V. Mironenko]. T.2, Ch.1: 1905–1918gg. – M.: ROSSPEN, 2013. – 823 s. (In Russ.)

3. Instrukciya chinam Otryada Sekretnoj

Ohrany po ohrane Ikh Imperatorskikh Velichestv vo vremya vysochajshih puteshestvij i prebyvaniya вне мест постойанных резиденций [Instructions to the ranks of the Secret Guard Detachment for the protection of Their Imperial Majesties during the highest travel and stay outside the places of permanent residences]. – SPb.: Tipografiya shtaba Otdel'nogo korpusa zhandarmov, 1913. – 46 s. (In Russ.)

4. Karnishin V.Yu. (2013) 300-letie Doma Romanovyh: za fasadom oficial'nogo prazdnovaniya [The 300th anniversary of the Romanov House: behind the facade of the official celebration] // Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – №1 (25). – S. 5–10. (In Russ.)

5. Kokovcov V.N. (1933) Iz moego proshlogo: Vospominaniya, 1903–1919 gg. [From my past: Memoirs, 1903–1919]. T.2. – Parizh: Illyustrirov. Rossiia. – 504 s. (In Russ.)

6. Mitrofanov V.V. (2015) Prebyvanie imperatora Nikolaya II v Nizhnem Novgorode vo vremya romanovskih dnei v 1913 g. po «Dnevnikovym zapisyam» A.Ya. Sadovskogo [The stay of Emperor Nicholas II in Nizhny Novgorod during the Romanov days in 1913 according to the Diary entries of A.Ya. Sadovsky] // Pyatnadcatye Romanovskie chteniya. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: materialy. – Ekaterinburg: Kvadrat. – S. 325–338. (In Russ.)

УДК 355.123.1(430+477+470)''1918''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-154-176

ЛАННИК Леонтий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва), e-mail: leo-lannik@yandex.ru, AuthorID: 689136

LANNIK L.V., Candidate of Historical Sciences, Higher Senior Officer, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: leo-lannik@yandex.ru, AuthorID: 689136

**ГЕРМАНСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ВОЙСКА И ФОРМИРОВАНИЕ
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ АРМИЙ НА УКРАИНЕ И НА ЮГЕ РОССИИ В 1918 Г.
(по данным германских архивов)**

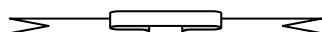
**GERMAN OCCUPATION TROOPS AND THE FORMATION OF ANTI-BOLSHEVIK FORCES
IN UKRAINE AND THE SOUTH OF RUSSIA IN 1918
(according to the German archives)**

Аннотация. Цель статьи – раскрыть на основе германских архивов особенности формирования германских оккупационных войск и антибольшевистских армий на Украине и на юге России 1918 года. В ходе германской оккупации западных окраин бывшей Российской империи одной из базовых проблем устойчивости режима стало формирование вооруженного крыла антибольшевистских сил из остатков распавшейся старой армии и ее командного состава. Эскалация Гражданской войны была бы невозможна без организации тысяч офицеров и их снабжения оружием. В рамках кампании 1918 года Великой войны этим занимались как Антанта, так и Германия и ее союзники. Особенно крупным потенциалом для пополнения белых армий стала Украинская держава. Политика оккупационного командования нередко вступала в полное противоречие с курсом германской дипломатии, направленным на нормализацию отношений с Советской Россией. Поддержка вербовки и транзита офицеров, финансирования и вооружения «великорусских» армий становилась все более острой проблемой и для украинских властей, и для германских штабов. Особенности заключались в том, что они рассчитывали на внешнеполитическую переориентацию Белого движения, особенно до смерти М.В. Алексева. Публикуемые впервые документы позволяют реконструировать процесс становления Южной и Астраханской армий, а также определить их роль в дальнейшей консолидации Белого движения на юге России.

Ключевые слова: Первая германская оккупация, Гражданская война, Украинская держава, Добровольческая армия, Южная армия, Астраханская армия, группа армий «Киев».

Abstract. The purpose of the article is to reveal the peculiarities of the formation of the German occupation forces and anti-Bolshevik armies in Ukraine and southern Russia in 1918 based upon data of German archives. The author draws attention to the fact that during the German occupation of the western outskirts of the former Russian Empire, one of the basic problems of the stability of the regime was the formation of an armed wing of anti-Bolshevik forces from the remnants of the disintegrated old army and its command staff. The escalation of the Civil War would not have been possible without the organization of thousands of officers and their supply of weapons. As part of the 1918 campaign of the Great War, both the Entente and Germany and its allies did this. The Ukrainian state became a particularly large potential for replenishing the White armies. The policy of the occupying command often came into complete conflict with the course of German diplomacy aimed at normalizing relations with Soviet Russia. Support for the recruitment and transit of officers, financing and arming of the «Great Russian» armies became an increasingly acute problem for both the Ukrainian authorities and the German headquarters, counting on the foreign policy reorientation of the White movement, especially before the death of M.V. Alekseev. As a result, the author draws conclusions that the documents published for the first time allow to reconstruct the process of formation of the Southern and Astrakhan armies, as well as to determine their role in the further consolidation of the White movement in southern Russia.

Keywords: First German occupation, Russian Civil War, Ukrainian State, Volunteer Army, Southern Army, Astrakhan Army, Kiev Army Group.

ВВЕДЕНИЕ

Сложный этап становления антибольшевистских вооруженных сил на периферии распавшейся Российской империи проходил при активном взаимодействии с представителями обеих коалиций, сошедшихся в решающей кампании Великой войны. На южном и западном направлении определяющее значение имело взаимодействие с оккупационными войсками Центральных держав, особенно германскими, на северном и восточном – с эмиссарами и контингентами Антанты. До сих пор в силу целого комплекса причин, включая конъюнктурные, сохраняется значительная недооценка историографией Белого движения и Гражданской войны в России масштабов и особенностей воздействия германского фактора на развертывание различных военных проектов, особенно монархической направленности. Именно поэтому до сих пор востребованы труды предшествующих этапов историографии, давно нуждающиеся в корректировке и масштабном дополнении, несмотря на важнейшую их роль 20–30 лет назад [7, 6]. Из эмигрантских трудов до сих пор крупнейшим источником информации по прогерманским проектам остается масштабное исследование Н. Н. Головина [4]. После победы Антанты лидерами формирующихся ВСЮР (Вооруженные силы на Юге России) и их союзниками к началу 1919 года была проведена заметная «зачистка» всех «виновных» в прогерманской внешнеполитической линии вне зависимости от истинной значимости их усилий, в том числе для становления якобы неизменно «верной союзникам» Добровольческой армии. Неоднозначность позиции ее руководителя М. В. Алексеева [16], как и ряда его ближайших соратников и казачьих лидеров, постарались предать забвению, а неудобные фигуры даже масштаба П. Н. Краснова и П. П. Скоропадского – попросту вычеркнуть из дальнейшей, как надеялись, победной истории войны с большевиками на юге России. Далеко не

сразу исследователям удалось перейти к созданию более сложной и не столь антантоцентричной картины истории Добровольческой армии и её союзников на Дону, Кубани и Северном Кавказе. Огромным препятствием в решении этой задачи стал недостаток первичных источников, в том числе посвященных попыткам формирования целого ряда крупных соединений монархической ориентации (в первую очередь Южной и Астраханской армий и их корпусов) в Украинской державе, руководство которой при всем сочувствии Белому движению было крайне заинтересовано в транзите «великоросских» кадров. Концентрация десятков тысяч офицеров в крупнейших городах Украины угрожала монархическим путем и ликвидацией прогерманского гетманского режима. Это прекрасно понимали и в высших штабах оккупационных войск, где на разных уровнях и разными способами содействовали выезду кадров, нелояльных украинской самостоятельности, на Дон и даже в считавшуюся (до конца августа 1918 г.) проантантовскую Добровольческую армию [8, С. 336–349]. До сих пор детали этого направления германской политики на Востоке были известны в лучшем случае по дипломатическим источникам.

Хотя подавляющее большинство оккупационных войск Германской империи было из прусского контингента (их доля на Украине была в целом выше, чем в действующей армии в целом), однако значительную роль в кампаниях на Восточном фронте играли (особенно с зимы 1915 года) баварские и саксонские войска при значительно более скромном участии вюртембергских соединений (особенно корпуса Кнёрцера) и почти полном отсутствии баденских и гессенских частей. Все сколько-нибудь крупные германские государства выпустили особые сборники материалов о роли своих контингентов в Великой войне и их вкладе в нее, однако специальных (и тем более удовлетворяющих научным требованиям) исследований их участие в оккупации Украины до сих пор фактически не достаива-

лось, не считая баварских частей [17]. Зачастую это оправдывается слабой сохранностью военных архивов, однако в действительности объясняется специфическими приоритетами современной западной историографии Великой войны. Откровенное пренебрежение военно-политической историей, особенно на «не-главных» фронтах Первой мировой, включая Восточный, привело к тому, что критически важный сюжет германской гегемонистской политики на просторах распавшейся Российской империи за пределами брестских границ РСФСР почти не рассматривался. Именно поэтому сведения о поддержке германскими военными (но не дипломатическими) инстанциями различных антибольшевистских военных проектов монархической ориентации до этого были разрозненными. Едва ли не единственным специальным исследованием в зарубежной историографии является статья У. Германна [15]. Самое крупное и комплексное исследование германской политики на Востоке (авторства В. Баумгарта) написано более полувека назад (как и ряд ценнейших публикаций источников и статьи по отдельным сюжетам того же автора), а потому переиздавалось сравнительно недавно в силу своей безальтернативности [12]. Публикуемые источники с российской стороны германский фактор в кампании 1918 года в Гражданской войне, как правило, обходят, по-видимому, из-за нехватки соответствующей информации [См., напр.: 10]. Весьма характерна новейшая публикация архивов Ростовской области, почти игнорирующая факт оккупации четверти области Войска Донского в течение полугода, когда с масштабной военно-технической помощью германской стороны проходило становление в боях донской армии [5].

Особую роль в сложном процессе реконструкции событий на оккупированной Украине в марте 1918 года – январе 1919 года играют именно саксонские архивы. Они сохранились значительно лучше прусских благодаря в числе прочего их длительному пребыванию в СССР (до конца

1980-х гг.). 19 из 20 публикуемых документов выявлены в Главном государственном архиве Саксонии (SächsHStA) [20], ведь осуществлявший оккупацию Киевщины и Киева 27-й резервный корпус был саксонским, а командовал им саксонский генерал от инфантерии Б. фон Ватцдорф. В штабной его документации сохранился относительно полный набор приказов, распоряжений и копий документов для сведения от командования группы армий Эйхгорна (затем «Киев»). Это объясняется и сравнительно упорядоченным и благополучным выводом германских инстанций из Киева в декабре 1918 – январе 1919 года. Куда менее благоприятно сложилась судьба штаба вюртембергской 7-й ландверной дивизии из расформированного в начале октября 1918 года корпуса Кнёрцера. Хотя именно эти соединения оккупировали часть области Войска Донского, а потому через их штабы проходили важнейшие документы, связанные с координацией действий атамана Краснова и его правительства и германских оккупационных инстанций, целостность соответствующих фондов в Главном государственном архиве в Штутгарте (HStA Stuttgart) [21] оставляет желать лучшего, в числе прочего потому, что дивизионные штабы были менее осведомлены о политических нюансах проводимой Германской империей в отношении Украины, Дона и Добровольческой армии политики, нежели корпусные. Сказалась и затяжная и сложная эвакуация: переброска с Дона в Одессу, попытки отправить часть сил через Румынию на рухнувший Салоникский фронт и в Болгарию, затем длительное ожидание в Одессе и других черноморских портах эвакуации морем, а также попытки отдельных частей (вплоть до батарей и батальонов) проехать по украинским железным дорогам, а затем через Польшу или Галицию – в Германию. Лишь некоторое представление в отсутствие действительно крупного исследования о трудном пути домой оккупационных германских войск из Причерномо-

ря дают немногочисленные специальные работы [3, 13, 14].

Относительно хорошо сохранившиеся баварские военные архивы достаточно масштабно использованы В. Менджецким не только в его статье, но и в важнейшей монографии [18], однако их ценность для избранной тематики ограничивается отсутствием на Украине сколько-нибудь крупных баварских соединений хотя бы дивизионного уровня. Единственным исключением стала Баварская кавалерийская дивизия. Архивные фонды штабов прусских корпусов, генеральных командований и дивизий, участвовавших в оккупации Украины и сопредельных с ней территорий, за редким исключением, не сохранились (по состоянию на 2020 год). Перспективы пополнения фондов Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА) материалами подобного рода крайне невелики. Релевантные сведения из личных фондов выявить крайне сложно, ведь часто нет возможности установить офицерский состав даже крупных соединений прусского контингента. Документы из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО) [19] по истории Великой войны, оцифрованные благодаря Германскому историческому институту в Москве, релевантных материалов по данной теме, к сожалению, не содержат. Должного разбора сохранившихся в Российском государственном военном архиве (РГВА) германских трофейных фондов (по меньшей мере пять фондов) до сих пор не проводилось, несмотря на действительно значимые названия дел (судя по описям). Это лишь усиливает зависимость от уже известной и продолжающей вводиться в оборот белогвардейской мемуаристики, хотя она часто допускает самые серьезные ошибки относительно германских оккупационных войск. Так, глава харьковской офицерской организации Штейфон описывает свои беседы с неким «баварским» генералом, не называя его фамилии! В действительности имеется в виду командир 1-го армейского корпуса (ак) прусский генерал-лейтенант

Т. Менгельбир, которого и сам мемуарист, и публикатор его мемуаров совершенно напрасно считают баварцем, а сам 1-й ак, оккупировавший Харьковщину и комплектовавшийся в Восточной Пруссии, – баварским. Из баварцев в оккупации Украины участвовали лишь полки Баварской кавдивизии. Другой пример: А. И. Деникин неизменно называет в своих «Очерках русской смуты» германского майора, координировавшего связь атамана Краснова со штабом группы армий Эйхгорна, «Кофенгаузенном», хотя это был Ф. фон Кохенгаузен, вклад которого в снабжение оружием Дона (а значит и Добровольческой армии) летом – осенью 1918 года, да и вообще во внешнеполитическую линию донского правительства был столь масштабен, что подобная небрежность едва ли простительна и даже несколько неправдоподобна. К сожалению, из масштабного наследия Ф. фон Кохенгаузена, поддерживавшего оживленные контакты с казачьей эмиграцией, близкого друга атамана Краснова и плодовитого военного историка и публициста, почти ничего не сохранилось [11]. Не менее явные ошибки (особенно в фамилиях и топонимах) являются отличительной чертой германских документов, в чем несложно убедиться и по данной публикации. Разнится и уровень комплектования уцелевших фондов, однако наиболее интересный с точки зрения данной тематики период – активных попыток получить поддержку германских инстанций в формировании новых антибольшевистских армий (с середины июня 1918 года (миссия князя Д. Тундутова) по начало октября 1918 года (начало вывода германских войск с Дона)) – представлен достаточно хорошо.

При такой источниковой ситуации динамика германских антибольшевистских проектов и взаимодействия различных монархических военных организаций с региональными оккупационными инстанциями реконструируется с трудом, а внимание исследователей по-прежнему привлекают в основном московские (реже петроградские)

контакты подобного рода (на базе Правого центра и различных подпольных кружков). Публикатор надеется на то, что данные документы позволят коллегам, специализирующимся на антибольшевистском подполье на Украине в 1918 году, а также на истории Белого движения на юге России, раскрыть ряд лакун или подтвердить давно намеченные гипотезы.

Документы расставлены в хронологическом порядке и, насколько это позволяет последовательность, с сохранением их положения относительно друг друга в архивном деле. От детального археографического описания документов отказались намеренно в связи с незначительной его ценностью для раскрываемой в источнике фактологии.

Документ 1.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 53. Bl. 5-6.

Фрагмент из общих указаний 27-му резервному корпусу¹ о целях германского военного присутствия на Украине от 13 апреля 1918 года.

VIII. Порядок действий с подлежащими высылке.

1) Военнослужащие, а также уволенные со службы призывного возраста:

а) демобилизованные офицеры и солдаты-великороссы, если только они не выразили согласие стать нашими помощниками, должны вывозиться с Украины железнодорожным транспортом через Гомель, где их следует выгружать из вагонов, так как дальнейший путь на северо-восток они будут продолжать за свой счёт. Согласно распоряжению следует комплектовать их в округах, а затем в штабах корпусов так, чтобы можно было отправлять целостные партии. Необходимо заранее докладывать о размерах очередной партии отправляемых, а также о станциях погрузки в штаб корпуса,

чтобы был подготовлен подвижной состав.

Офицеры и солдаты-великороссы, взятые в плен в бою, и впредь должны рассматриваться как военнопленные и отправляться через Ковель в Германию.

Для тех из офицеров-великороссов, кто не пожелает вернуться в Россию, следует оборудовать на Волыни, в г. Овруч, офицерский сборный лагерь, который будет охраняться, как лагерь военнопленных. Украинское правительство гарантировало обеспечить его продовольствием, а в случае отказа от поставок расходы будут отнесены на счет украинского правительства. В порядке исключения допускается оставлять пожилых и больных офицеров на месте их проживания;

б) демобилизованные офицеры и солдаты-украинцы должны быть постепенно отправлены по домам при согласовании этого с местными украинскими инстанциями. Кроме того, следует без принуждения продолжить попытки побудить украинских офицеров и солдат устроиться к нам на вспомогательную службу.

2) Указания по обращению с перебежчиками и репатриантами последуют позже.

Документ 4.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 57. Bl. 69.

27-й резервный корпус

Is Nr. 10261/31Штаб-квартира,

19 июня 1918 года.

В полевую жандармерию.

23 июня 1918 года в 11 утра на Большой Васильковской, 14, прошло собрание бывших русских офицеров, где намеревались определиться с политической позицией.

Штаб корпуса просит организовать наблюдение, выделив для этого сотрудника, который смог бы из результатов совещания составить представление о политической ориентации бывших русских офицеров. Просят скорее доложить.

Начальник штаба корпуса Гиза.

(Ниже резолюция от 20 июня из жандармерии в киевский комиссариат – наблюдать и доложить).

¹ Войска 27-го резервного корпуса оккупировали Киевскую губернию и город Киев, а его командующий генерал-лейтенант фон Ватцдорф с начала мая 1918 года, через несколько дней после гетманского переворота, был назначен комендантом Киева.

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Документ 2.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 53. Bl. 34.

Список корпусов и дивизий, которые останутся в Украинской державе
(не позднее конца мая 1918 года)

(Прим.: Копия прилагалась вслед за распоряжением группы армий «Эйхгорн – Киев» от 29 мая 1918 г., однако список мог быть составлен и раньше, но вряд ли еще до гетманского переворота 28–29 апреля.)

Номер округа ¹	Название и состав части	Нынешнее место пребывания	Место постоянной дислокации
1. Волынь	25-й армейский корпус (штаб), 11-я пехотная дивизия: штаб, 41, 42, 43, 44-й пехотный полки, 11-я артиллерийская дивизия, 11-й мотострелковый батальон 1-я Украинская дивизия: штаб, 413, 414, 415, 416-й пехотные полки	Вишневец 8 мая отправлены из Мотовиловки, Фастова и Белой Церкви в Житомир	Ровно Луцк Житомир
2. Подолия	5-й смешанный корпус (штаб), 12-я пехотная дивизия: штаб, 45, 46, 47, 48-й пехотные полки и 12-я артиллерийская дивизия 3-я стрелковая дивизия (штаб), 9, 10, 11 и 12-й пехотные полки, 19-я артиллерийская дивизия 12-я кавдивизия: 12-е драгунский, гусарский, уланский полки, 7-й уланский полк	25 апреля штаб корпуса был отправлен из Каменец-Подольска в Винницу, а 12-я дивизия переведена в Проскуров Жмеринка, 26 апреля приказано перебраться в Умань Одесса	Винница Проскуров Умань Каменец-Подольский
3. Киевщина	10-й армейский корпус (штаб), 31-я пехотная дивизия: штаб, 121, 122, 123, 124-й пехотные полки, 31-я артиллерийская дивизия. 9-я пехотная дивизия: штаб, 33, 34, 35, 36-й пехотные полки и 9-я артиллерийская дивизия 9-я кавдивизия: штаб, 9-й и 11-й уланские, 9-й и 11-й Чугуевские полки ²	Полтава и Кременчуг 9-й уланский и 11-й Чугуевский должны быть переведены в Киев	Киев Киев Белая Церковь Киев
4. Херсонщина	8-й армейский корпус (штаб), 4-я стрелковая дивизия: штаб, 13, 14, 15, 16-й стрелковые полки, 4-я стрелковая артиллерийская дивизия. 15-я пехотная дивизия: штаб, 57, 58, 59, 60 пехотные полки, 15-я артиллерийская дивизия	Одесса, приказано перебазируется в Елизаветград	Одесса Елизаветград
5. Черниговщина	21-й армейский корпус (штаб), 83-я пехотная дивизия: штаб, 329, 330, 331, 332-й пехотные полки, 83-я артиллерийская дивизия, 130-я пехотная дивизия (штаб), 517, 518, 519, 520-й пехотные полки, 130-я артиллерийская дивизия		Чернигов Чернигов Конотоп
6. Екатеринославщина	5-й Кавказский корпус (штаб), 123-я пехотная дивизия: штаб, 489, 490, 491, 492-й пехотные полки, 123-я артиллерийская дивизия 10-я Сибирская горная дивизия ³ 127-я пехотная дивизия: штаб, 127, 506, 507 и 508-й пехотные полки, 44-я артиллерийская дивизия	Екатеринослав	Екатеринослав Александровск
7. Полтавщина	26-й армейский корпус (штаб), 65-я пехотная дивизия: штаб, 257, 258, 259, 127-й пехотный полк, 32-я артиллерийская дивизия. 78-я пехотная дивизия: штаб, 309, 310, 311, 312-й пехотный полк, 78-я артиллерийская дивизия		Полтава Лубны
8. Харьковщина	42-я пехотная дивизия: штаб, полки пока не сформированы 33-я пехотная дивизия: штаб, полки пока не сформированы 10-я кавалерийская дивизия: 10-е драгунский, уланский и гусарский полки, 8-й гусарский полк	Харьков Ахтырка	Харьков Славянск Чугуев

¹ В планах по формированию украинской армии имели в виду формирование корпуса полного состава в каждой из 8 губерний Украинской державы.

² Так в оригинале. Составитель ошибся, лишний раз продублировав. 9-й уланский полк был Бугским, а Чугуевским был только 11-й уланский.

³ На самом деле – стрелковая.

Документ 3.

Источник: *SächsHStA Dresden*. 11358. 56. Bl. 128, 130.

Главный комитет Союза георгиевских кавалеров в Киеве Киев, 30 мая 1918 года.

В германскую комендатуру в Киеве.

Генерал Николай Иудович Иванов, бывший командующий Юго-Западным фронтом, в настоящий момент лежит инкогнито в госпитале для иностранных граждан в Новочеркасске, к северо-западу от Ростова-на-Дону. Если он будет узан, то ему угрожает преследование или даже убийство большевиками¹.

Во время большевизма в Киеве генерал Иванов с помощью Союза георгиевских кавалеров, почетным членом которого он был, смог спастись от расстрела, ведь другой казненный имел то же имя, что и генерал Иванов.

Генерал Иванов, проживший в Киеве 24 года и весьма почитаемый и здесь, на Украине, имеющий исключительный вес в обществе, хотел по выздоровлении посвятить все свои силы и навыки возрождению Украины.

Посему Союз георгиевских кавалеров направляет покорнейшую просьбу германской комендатуре выделить для доставки генерала в Киев отдельный вагон.

Союз георгиевских кавалеров отправит для сопровождения генерала несколько бывших русских офицеров, в том числе бывшего много лет адъютантом Иванова князя Куракина или офицера Курского, а также военного врача. Комендатуру также нижайше просят направить в прикрытие небольшой отряд конвоя.

Мы со всей определенностью полагаем, что исполнение нашей просьбы пойдет на пользу германской администрации и, прежде всего, Украины.

Председатель главного комитета

Подпись: Александров.

Штаб 27-го рк

Is Nr. 8973 Штаб-квартира, 3 июня 1918 года.

В комендатуру Киева.

Разрешение на въезд дано.

Командующий корпусом генерал фон Ватцдорф.

Штаб 27-го рк

Is Nr. 8973 Штаб-квартира, 3 июня 1918 года.

В группу армий Эйхгорна.

Штаб корпуса при согласии гетманского правительства дал одобрение на въезд.

Командующий корпусом генерал фон Ватцдорф.

Германская комендатура Киева 19 июня 1918 года.

В штаб 27-го рк

Отправленные сопровождать генерала Иванова члены Союза георгиевских кавалеров выехали в Новочеркасск около недели назад. Они получили удостоверение, где изложена просьба к комендатуре Новочеркасска выделить конвой для генерала Иванова. О прибытии генерала, пока еще не последовавшем, в свое время будет сообщено в штаб корпуса.

Документ 5.

Источник: *SächsHStA Dresden*. 11358. 58. Bl. 168.

Германская комендатура в Киеве Киев, 1 июля 1918 года.

Is Nr. 126 geh.

В штаб 27-го рк, группы армий Эйхгорна.

В связи с донесением от 26 июня 1918 года сообщается, что некий русский капитан, проживающий по адресу: Андреевский спуск, 34 (квартира 30), заявил, что сегодня до 100 русских офицеров должны выехать на Дон в армию великого князя Михаила².

Документ 6.

Источник: *SächsHStA Dresden*. 11358. 58. Bl. 259.

Глава Южного отдела полевой полиции

В штаб группы армий Эйхгорна. Киев, 2 июля 1918 года.

Вернувшийся с Дона агент сообщает:

Среди насчитывающей 10 тысяч человек армии Алексева наступил раскол. В последнее время заметна симпатия к Германии.

² Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) пропал без вести 13 июня 1918 г., однако в Киеве, как и на большей части территории Российской империи, об этом не знали или не желали верить противоречивым сообщениям. Полное отсутствие информации о судьбе Михаила Александровича даже у его ближайших родственников (супруги и матери) фиксируется мемуаристами и позднее, на рубеже 1918 и 1919 гг. См., напр.: Маргулис М.С. Год интервенции: в 3 кн. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 24–25, 104, 184. Слухи о том, что он жив и находится в Сибири, у Колчака или в одной из миссий Антанты, либо тайно выехал за границу с супругой, регулярно появлялись и фиксировались советской и германской разведкой как заслуживающие проверки до конца 1919 г.

¹ Это весьма странно, ведь уже к середине мая 1918 года большевистская угроза Новочеркасску была надолго снята.

Агитирует в пользу нее тот факт, что немцы смогли установить на Украине должный порядок и спокойствие. Кроме того, притягательны, по-видимому, и германские деньги, ведь в настоящее время финансовый вопрос в армии стоит весьма остро.

Капитан резерва (подпись) Людвинк.

Документ 7.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 53. Bl. 65-65a.

Группа армий Эйхгорна Штаб-квартира, 3 июля 1918 года.

Оперативный отдел Ia¹ Nr. 2250/12

Отменяя все прежние распоряжения насчет порядка обращения с русскими офицерами, приказываю:

1) Никаких препятствий вербовке Украинской русских офицеров в украинскую армию не чинить. Украинское военное министерство получило просьбу выдавать всем принятым в армию офицерам соответствующее официальное удостоверение.

2) Намерения выслать в Великороссию всех не вступивших в украинскую армию офицеров либо отправить их в концентрационные лагеря² нет. Никаких помех тем, кто живет на Украине, не принося нам вреда, не будет. Добровольному выезду с Украины в Великороссию не препятствовать.

3) Однако, без сомнения, усилившаяся в последнее время агитация Антанты среди офицеров и связанная с ней вербовка в Добровольческую армию³ агентами генералов Алексеева, Деникина и Романовского делают необходимыми определенные меры безопасности, по крайней мере, до тех пор, пока не прояснится позиция Добровольческой армии. Открытой вербовки с помощью плакатов и через вербовочные бюро до особого распоряжения не допускать. В качестве причины указать, что до тех пор, пока во главе армии находятся вышеперечисленные генералы, мы

вынуждены полагать ориентацию армии проантантовской.

4) Следует отправлять под арест политически ненадежных офицеров, выступающих против Германии или гетманского правительства либо не делающих тайны из своей симпатии к Антанте. Если они не подлежат наказанию, их следует отправлять в тыловые концентрационные лагеря, о чем потом доложить в штаб группы армий. Особенно это касается агентов генералов Деникина, Алексеева и Романовского.

5) Препятствий вербовке и добровольному вступлению в подчинение генералу Краснову не чинить. Также не может быть препятствий к выезду офицеров в Донскую область и в одиночном порядке. Следует, однако, принять меры против того, чтобы таким путем нежелательные элементы не попали в Добровольческую армию, то есть корпус Кнёрцера⁴ во взаимодействии с генералом Красновым и князем Тундутовым должен обеспечить поступление всех прибывающих в Ростов офицеров только к генералу Краснову. Лишь те, кого последний признает годными, должны направляться далее⁵. Со всеми прочими следует обращаться согласно пункту 4 – как с политически неблагонадежными⁶.

6) С русскими солдатами, что отправляются в Донскую область в сопровождении едущих туда офицеров, следует обращаться наравне с последними.

7) Приказ о регистрации офицеров последует позже.

Начальник штаба группы армий генерал-лейтенант

Подпись (от руки): Грёнер.

¹ Главой оперативного отдела, 1-м офицером Генштаба (Ia) группы армий Эйхгорна был майор Ярош.

² Именно так (Konzentrationslager) в тексте!

³ В оригинале – с маленькой буквы, то есть пока как официальное название германскими инстанциями не применяется.

⁴ Части этого корпуса смешанного состава, в основном из вюртембергских частей (7-я ландверная дивизия), с конца апреля – начала мая 1918 г. оккупировали часть Харьковской губернии и области Войска Донского.

⁵ Таким образом, германское командование надеется, что по мере пополнения Добровольческой армии «желательными», то есть лояльными к Германии, элементами внешнеполитическая ориентация первой еще может измениться.

⁶ Весь выделенный курсивом фрагмент в оригинале машинописи приказа вычеркнут красной тушью.

Адресаты: все штабы корпусов, тыловая инспекция «Буг», майор фон Кесслер, представитель при к. и к. Восточной армии¹, майор фон Кохенгаузен, майор барон фон Фуке, майор Маковски, обер-квартирмейстерство, офицеры Іс², офицеры разведки, уполномоченный по железным дорогам.

Сделанная в штабе 27-го резервного корпуса приписка карандашом об адресатах:

Копии в: 1-ю кавдивизию (7 копий), 92-ю (5 копий), 93-ю (2 копии) пехотные дивизии, 15-ю баварскую резервную пехотную бригаду, 33-ю пехотную бригаду, высшие штабы ландштурма.

Документ 8.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 56. Bl. 361.

Штаб группы армий Эйхгорн – Киев³

Ia Nr. 3189/18

3 августа 1918 года.

В штаб 27-го рк

С согласия командования группы армий в Чернигове занимается вербовкой офицеров в Астраханскую армию поручик Винокур.

Вербовке препятствий не чинить. Выше названному офицеру указано доложить в комендатуре Чернигова.

Резолюция штаба 27-го рк: довести до сведения 1-й кавалерийской дивизии.

Документ 9.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 59. Bl. 91. 10 августа 1918 года.

В штаб 27-го рк

В ответ на распоряжение штаба группы армий Ia Nr. 3189/18

Тыловая комендатура в Чернигове доложила:

«Подпоручик Астраханского войска Иванов и поручик Винокур⁴ вступили в конфликт с украинской комендатурой из-за изготовления печатей и ношения военной формы с погонами. Прошу запросить решения украинского военного министерства и известить местную тыловую комендатуру, а также украинские окружные комендатуры.

Тыловая комендатура Чернигова. 168».

Оба офицера – из Астраханской армии. То есть к ним приказ украинского военного министерства о том, что бывшие русские офицеры обязаны снять погоны, не применим.

Вербовка в астраханские части допускается в Киеве и других городах, ведь Украина заинтересована в том, чтобы офицеры, не принадлежащие к украинской армии, покинули страну. Таким образом, нет никаких оснований чинить препятствия вербовке в Чернигове.

Тыловой комендатуре в Чернигове следует дать указание соответствующим образом воздействовать на украинскую окружную комендатуру. Делать специальный запрос в украинское военное министерство не планируется.

Штаб группы армий Эйхгорн – Киев Ia Nr.3592/18.

Верно: обер-лейтенант Ротхардт.

Документ 10.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl.14-14a.

Офицер разведки группы армий «Киев» в Ростове 20 августа 1918 года.

Отчёт:

1) Отношения между генералом Алексеевым и Бычем довольно плохие. Правительство Быча непопулярно. Кубанские казаки предложили пост атамана генералу Деникину. Деникин, однако, отказался, ведь он намерен работать на восстановление единой России. Принять какой-либо политический пост генерал Деникин согласился лишь при том условии, если кубанские казаки выберут атамана, на которого он укажет.

¹ Находился при ее штабе в Одессе, бывшей центром австро-венгерской оккупационной зоны на территории Украинской державы.

² Офицеры Генштаба, отвечавшие за разведку и контрразведку, опрос пленных и т. д.

³ К этому моменту генерал-фельдмаршал Эйхгорн уже был убит, но название «группа армий «Киев»» еще не вполне устоялось.

⁴ Так в тексте, возможно Винокур пользовался и украинским вариантом фамилии.

По другим данным, Деникин намерен с согласия генерала Алексеева принять пост атамана, чтобы иметь возможность распоряжаться кубанскими войсками в ходе их дальнейших совместных операций с Добровольческой армией.

В Кубанской области очень популярны генерал Алексеев и Добровольческая армия. Алексееву при вступлении в Екатеринодар устроили торжественную встречу, в то время как на собственно кубанское правительство толком не обратили внимания.

В настоящий момент последнее нигде на Кубани не пользуется таким влиянием, которым обладает на Дону донское правительство.

Вывезти из Екатеринодара запасы продовольствия возможно лишь обменяв их на другие товары, прежде всего на топливо.

Крупный мост через Кубань под Екатеринодаром взорван, и его починка потребует продолжительного времени.

2) На всех занятых Добровольческой армией территориях ныне объявлена мобилизация всех в возрасте от 18 до 21 года. Офицеры должны доложить в срок 3 дня, в противном случае их предадут военному суду за дезертирство перед лицом неприятеля.

На восстанавливаемом восточном фронте Добровольческая армия намерена занять сложный участок. В случае наступления на север намерены непременно избегать столкновений с немцами и донскими казаками.

Атамана Краснова в Добровольческой армии ненавидят. Поначалу считали, что Краснов обманывает немцев. Теперь же, однако, убедились, что он искренне сотрудничает с немцами.

3) Во время визита германских судов в Ейск германские офицеры намерены были завязать связи с Добровольческой армией. Генерал Алексеев же на соответствующую телеграмму коменданта Ейска будто бы ответил: «Я веду гражданскую войну и не намерен завязывать связи с иностранными державами».

4) Генерал Алексеев не принял графа Келлера. Сопровождение с генералом Ивановым к заметному результату не привело.

Об освобождении царя князем Долгоруким в Добровольческой армии ничего неизвестно. Все определенно считают, что царь убит.

5) У генерала Краснова серьезные шансы быть избранным атаманом. Станицы, которые посетил Краснов, соглашались только на его кандидатуру, то же и со стороны помещиков. Многие избиратели – это пожилые царские чиновники, так что они тоже за Краснова. Лишь на севере, в районе, контролируемом генералом Мамонтовым, казаки хотят выбрать последнего. Противники Краснова во главе с генералом Сидориным в случае, если первого выберут атаманом, намерены устранить его с помощью покушения.

6) Генерал Алексеев, Родзянко и редактор Суворин, некоторое время назад рассорившись, теперь примирились.

Суворин бежал в Екатеринодар.

Французский консул в Новороссийске Дюморен руководил потоплением принадлежащих союзникам¹ судов в его порту. Каждый матрос, участвовавший в затоплении кораблей, получил по 6 тысяч рублей.

В Ростове образовалось новое общество с капиталом в 1,5 миллиона рублей, целью которого является закупка типографий для всех крупных городов Дона и Кубани. В случае если в городе запрещена газета, настроенная в пользу Добровольческой армии, намерены иметь возможность тут же возобновить её выпуск в другом городе.

Отдел разведки Добровольческой армии в Ростове, который возглавлял до сих пор поручик Карпов, ныне расформирован. Предположительно потому, что его заподозрили в работе на немцев. Новым начальником разведки в Ростове является Коральков. Ему поставлена задача наблюдать за агентами Карпова. Коральков живет в Ростове, Паллада, дом 28.

Купец Иванов из Ростова, Большая Садовая улица, дом 81, поддерживает Доброволь-

¹ То есть Антанте. Здесь явно перевод с русского текста, поэтому «союзников» не заменили на Антанту. Фамилия французского консула искажена, более верно: Дюморье или Дюмурье. Такое написание также встречается в иных документах германских инстанций.

ческую армию. У него часто проходят встречи ее представителей и курьеров.

Поручик Асмолов из Ростова, живет на углу Таганрогского тупика и Казанского переуллка, привез из Москвы деньги для Добровольческой армии. Он ездил под видом школьного учителя.

Один только поручик Новосильцев привез из Москвы 600 тысяч рублей для Добровольческой армии. По дороге на него напали большевики и ограбили.

Профессор Юрий Михайлович Лебедев работает на разведку Добровольческой армии (место жительства устанавливается).

Госпожа Кочеткова (Почтовая, д. 66, Ростов) в пятницу или в субботу поедет с разведанными в Екатеринодар, а оттуда – к Алексееву.

Во главе общества, занятого закупками типографий для всех крупных городов, стоит директор М. А. Лосев (кредитное общество Ростова).

Парамонов снабжает французских и английских агентов деньгами (должно быть, послан Лосевым)¹.

Кескевич (эсер) поддерживает контакты с военно-политическим отделом Добровольческой армии (место жительства устанавливается).

Миллионер Рябушинский (живет под Ялтой) поддерживает Добровольческую армию. У него и прошло совещание московских магнатов о финансовой поддержке Добровольческой армии. По вопросу о займе к Рябушинскому был направлен полковник Н. Н. Богданов.

Глава политического отдела Добровольческой армии Лисовой выехал в Полтаву. Либо он порвал с Добровольческой армией и оста-

нется там, либо у него какая-то особая миссия. Замещать его будет поручик Кравченко.

(Пометка офицера разведки группы армий «Киев» от 12 сентября, что отчет принят к сведению).

Документ 11.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358.54.BI. 4. 22 августа 1918 года.

Штаб группы армий «Киев»

Оперативный отдел Ia Nr. 4172/18

В штаб 27-го резервного корпуса

Запрет на вербовку в Добровольческую армию на занятой германскими войсками территории Украины распространяется и на все прочие вербовки, в том числе и относительно комплектования неукраинских формирований. В частности, недопустимы публичные воззвания, объявления в газетах и соответствующие статьи. Реализовывать этот запрет штаб корпуса будет совместно с украинскими властями.

Верно: обер-лейтенант Ротхардт.

Документ 12.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. BI. 5. 22 августа 1918 года.

Штаб группы армий «Киев»

Оперативный отдел Ia Nr. 4177/18

В штаб 27-го резервного корпуса

В пояснение к Ia Nr. 4172/18:

Этот приказ стал необходимым, так как от соответствующего нашего распоряжения зависит подписание Добавочного договора с Россией². В действительности необходимо воспрепятствовать только публичной процедуре вербовки. Но тому, что происходит без огласки, мы помешать не можем. Ответственные за вербовку офицеры долж-

¹ В обстановке острейшей политической борьбы перед созывом Круга, где должен был быть вновь избран атаманом П. Н. Краснов в начале сентября известнейший донской миллионер Н. Е. Парамонов был арестован. Об этом с возмущением говорили на Круге: Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. Т. 2. С. 63–64. Это не помешало ему прожить почти всю эмиграцию в Германии, а его содействие отставке Краснова в феврале 1919 г. не прервало их последующего сотрудничества.

² Оно готовилось с начала июня, крайне напряженно согласовывалось в Берлине около двух месяцев, а сам акт подписания последовал днем 27 августа 1918 года, причем к договору прилагались секретные ноты, в том числе регламентировавшие военное взаимодействие Германской империи и Советской России. См., подр.: Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 года: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2021. – № 5. – С. 208–230.

ны приписать тот факт, что на это обратило внимание Советское правительство, своим же крайне неосторожным действиям.

Верно: обер-лейтенант Ротхардт.

Документ 13.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl. 9.

Штаб группы армий «Киев»

Оперативный отдел Ia, офицер разведки Nr. 9038/A Киев, 29 августа 1918 года.

С учетом до сих пор неопределенной позиции Алексева и Добровольческой армии необходимо, с одной стороны, воспрепятствовать вербовке, чтобы она по меньшей мере частично не пошла бы на пользу Антанте, а с другой, однако, не следует бесполезно раздражать офицеров, а наоборот – пытаться привлечь их на нашу сторону.

Поэтому рекомендуется, как только становится известно о вербовке, немедленно ее запрещать, а ответственным за нее офицерам тут же делать предупреждение, указав, что мы вынуждены это сделать в связи с проантантовской ориентацией влиятельных в Добровольческой армии лиц. Но полицейские или судебные меры следует применять лишь в том случае, если, несмотря на предупреждение, вербовка продолжается.

Помимо этого, следует действовать согласно указанию Ia 2250/18 от 3 июля 1918 года, согласно которому следует пресекать антантовскую агитацию против нас и гетманского правительства, но без применения полицейских или судебных мер.

Начальник штаба группы армий генерал-лейтенант Грёнер.

Документ 14.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl.15.

Офицер разведки штаба группы армий «Киев» 7 сентября 1918 года.

Наш информатор сообщил:

Полковник Арнольди получил письмо от своего родственника офицера Добровольческой армии следующего содержания. Армия

настроена антигермански. Казаков легко побудить выступить против немцев, чтобы «спасти их украинских братьев из грязных рук всё под себя загребающих немцев». Содействие Астраханской армии обеспечено и является лишь вопросом времени. Среди офицеров армии находятся и (великие князья) Сергей и Александр Михайловичи, а также многие молодые гвардейские офицеры. Когда они разделяются с большевиками, все эти группировки открыто выступают против немцев, чего следует ожидать к началу этой зимы. Финансовых средств вполне достаточно. Не хватает оружия. Своего очень мало, а то, что отобрали у большевиков, плохого качества. Очень мало и патронов, а вот довольствия и оснащения более чем достаточно.

Агент подтвердил газетные сообщения, что генерал Семенов отправлен из Харькова в Воронеж на пост губернатора территорий по ту сторону демаркационной линии¹.

Лейтенант (подпись неразборчива)

Копии: штаб 27-го рк, офицерам разведки Обер Оста, группы армий «Киев» и подчиненных им соединений.

Документ 15.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl.16².

Представитель Астраханской казачьей армии Киев 19 сентября 1918 года.

№ 901.

В 27-й резервный корпус

Сим имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что наш поручик гвардии Вальдемар фон Легатовиц³ барон Кому-

¹ Имеются в виду территории Воронежской губернии, которые были уже заняты германо-украинскими войсками, в том числе Валуйский и часть Богучарского уезда, а также те земли, что еще планировалось отбить у большевиков в ходе совместного наступления донских войск и частей Южной армии.

² Документ рукописный, на немецком языке, на русскоязычном бланке Астраханской казачьей армии. Внизу штамп на русском языке: «Представитель Астраханской казачьей армии».

³ Имеется в виду Владимир Легатович, выпущенный в 1916 году прапорщиком в Павловский полк из Пажеского корпуса.

зиус фон Хойнин с 6-го числа сего месяца назначен нами офицером для связи при Его Превосходительстве начальнике штаба группы армий «Киев».

Подписи: подполковник Крышановский (?); адъютант поручик Алукин.

Документ 16.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl.17.

Группа армий «Киев», 1-й офицер Генштаба, Ia Nr.5584/1826 сентября 1918 года.

В штаб 27-го резервного корпуса

Подпольно работающее в зоне ответственности корпуса вербовочное бюро Астраханской армии пытается привлечь украинских офицеров указанием на то, что гетман всё равно долго не удержится, ведь он слишком слаб.

Если в ходе вербовки вновь будет допущена агитация против гетмана, то следует немедленно закрыть данное бюро и доложить об этом в штаб группы армий.

Верно: обер-лейтенант Ротхардт.

Документ 17.

Источник: HStA Stuttgart. M 410. Bd. 793. Bl.7-15.

Офицер связи из ОХЛ при корпусе Кнёрцера.

Осведомительное бюро в Ростове.

Дневник. №151. Ростов-на-Дону

28 сентября 1918 года.

Строго конфиденциально!

Отчёт о военно-экономическом положении Добровольческой армии, ее политической ориентации и намерениях с характеристикой некоторых ее командиров.

26 сентября мне представилась возможность иметь обстоятельную беседу с ротмистром одного из входящих в Добровольческую армию черкесских конных полков Андриановым, который находится в Ростове в отпуске. В ходе разговора я узнал от него, весьма дружелюбно относящегося к немцам мусульманина, чей отец при царском дворе занимал прогерманскую позицию, о Добровольческой армии и ее лидерах следующее:

Военное положение Добровольческой армии к настоящему моменту очень благоприятное. Большевики явно в стадии разложения и более не способны к длительному энергичному сопротивлению, ведь они предпринимают отчаянные попытки вырваться из-под оказываемого на них со всех сторон давления Добровольческой армией, казаками, а также еще и явно восставшими горными народами. То, что подобные усилия нередко увенчиваются успехами, вполне понятно, ведь большевики имеют значительное численное превосходство над Добровольческой армией. Кроме того, у них слабое командование, почти необученный личный состав, низкая мораль, да и оснащение в последнее время значительно хуже, нежели раньше. Выстоять против укомплектованных офицерами частей большевики не могут. Они попросту авантюристы, которые думают только о грабеже и разбоях, так что заняты мыслями лишь набить себе по возможности карманы. Из-за такого поведения они лишились некогда сильной симпатии к ним населения, которое теперь встает на сторону Добровольческой армии и казаков. Таким образом, крушение большевизма на Кавказе теперь лишь вопрос времени.

Добровольческая армия, которая до сих пор несла всю тяжесть боев с большевиками, теперь постепенно сменяется на фронте казаками и горскими народами, готовясь к новым более мощным операциям.

Кубанские казаки, в настоящий момент составляющие значительную часть Добровольческой армии, в военном отношении весьма хороши; они обладают высокой боеспособностью, храбры, стойки в бою, неприхотливы и до сих пор не слишком заражены большевизмом. Сравнение кубанских казаков с их соседями на Дону слишком уж в пользу первых. Донские казаки в течение последних десятилетий более охрану границ не несли, большая часть их территории уже была занята промышленными и горными предприятиями. Это обстоятельство привело туда массу неподходящих элементов, которая разбавила само по себе ценное донское казачество. К тому же Донская область слишком долго пробыла под

властью большевиков, чтобы их воздействие не смогло бы не сказаться. Добровольческая армия, разумеется, в решении дальнейших своих задач вынуждена рассчитывать и на донских казаков, однако при надежде на то, что под целеустремленным, энергичным и деятельным руководством в них можно будет вновь пробудить лучшие их качества.

Терские казаки по своим боевым качествам могут сравниться с кубанскими. В вечной борьбе с горскими народами обе стороны смогли в полной мере развить свои военные навыки, блестяще проявив себя в тяжелых боях войны 1914–1917 гг.

Всякая критика горских народов излишня. «Дикая дивизия» вполне хорошо известна, а кавказские корпуса блестяще сражались как в Европе, так и в Малой Азии, ни разу не подвывая.

Оснащение Добровольческой армии к настоящему моменту можно признать хорошим. Хотя в ее распоряжении лишь одна-единственная фабрика боеприпасов в Екатеринодаре, причем существующая лишь недавно, однако у большевиков захватили очень много военных материалов и оружия, так что на ближайшее будущее снабжение армии обеспечено.

Добровольческая армия, ведущая силами 4 дивизий бои на кавказском фронте, якобы отравила одну дивизию на Царицын. Состав дивизий часто меняется, в зависимости от соотношения сил с большевиками. Несмотря на численное превосходство большевиков и их мощный, вызванный нервнострелом огонь, в ходе всех атак Добровольческой армии потери оказывались чрезвычайно низкими в процентном отношении. В связи с ощущением морального превосходства расход патронов Добровольческой армией всегда оставался невелик; офицерские полки, как правило, атакуют без единого выстрела, даже на большие дистанции. Боеспособность офицерских полков следует оценить как очень высокую.

В настоящий момент предметом забот ее лидеров является экономическое положение Добровольческой армии. Хотя орудий, винтовок и патронов достаточно много, однако ар-

мии явно не хватает обуви и обмундирования; нет полушубков на зиму, теплого белья и формы. Однако Деникин надеется, что еще сможет решить этот вопрос.

В качестве ближайших операций после разгрома большевиков в Кубанской и Терской областях называются марш на Москву и изгнание большевиков из центральной России с помощью донских, кубанских и терских казаков, а также горских народов.

Относительно политической обстановки в Добровольческой армии можно сказать следующее:

В начале наступления на Тихорецкую генерал Алексеев созвал большой совет в станице Егорлыкской, где обрисовал политическое положение Добровольческой армии. Он отстаивал мнение, что армия должна высказаться в пользу Учредительного собрания. Однако в Добровольческой армии у этого очень мало сторонников; поэтому такая позиция Алексеева вызвала известное отчуждение. То, что Алексеев заявил о поддержке Учредительного собрания, убеждает в немалом дипломатическом даровании этого так называемого боевого генерала. Учредительное собрание должно включить все без исключения партии; за счет выступления в его пользу Алексеев сможет привлечь на свою сторону всех истинно-русски мыслящих людей, однако одновременно ему не придется связывать себя какой-либо конкретной формой правления. Выступить в пользу монархии было невозможно; реальная ситуация такова, что, несмотря на крепнущее монархическое движение в России, эта партия еще долгое время не сможет одержать верх. А Добровольческая армия нуждается для решения своих задач в людях, причем в таком количестве, которое лишь монархическая партия предоставить не может. О восстановлении Учредительного собрания в армии не думают. Ведь даже после окончательного разгрома большевизма во всей России Учредительное собрание будет опять-таки во многом состоять из большевиков, а Добровольческой армии придется начинать борьбу с нуля. Единственно возможная форма правления была и остается монархия; будет ли она абсолютистской или

конституционной – будущее покажет. Прежде всего, необходимо установить военную диктатуру, которая бы огнем и мечом очистила страну от негодных людей. Но пока страна ещё не созрела для столь решительных перемен. Большевизм явно выживет; час его разгрома уже приближается, народ уже начинает прозревать, понимая, что даже абсолютная монархия куда лучшая форма правления, чем большевизм. И чем хуже сейчас складываются дела в России, тем лучше будет потом для страны. Нынешних лидеров большевиков, Троцкого и Ленина, все здравомыслящие люди полагают мошенниками и эгоистичными авантюристами, которые своими действиями, направленными лишь на удовлетворения своих нужд, поставили страну на край гибели. Идеи социализма и равенства, справедливости, братства использованы ими только для того, чтобы одурманить этими лозунгами народ и набить себе карманы.

Мир в Брест-Литовске большинство русских не признаёт. Хотя и признают, что заключившее его большевистское правительство тогда было признанным российским правительством, однако Добровольческая армия не считает возможным согласиться с договором, подписанным убийцами и грабителями, и надеется, что после разгрома большевизма договор будет пересмотрен.

Враждебности к Германии нет. Слухи о наступлении Добровольческой армии против Германии – полная нелепица; даже если бы Добровольческая армия вместе с казаками, горскими народами и т. д. и сравнилась бы с германскими войсками по численности, то и тогда схватка ее с Германией означала бы сражение против Круппа и Эрхардта голыми руками. Англия и Франция далеко, надеяться на действенную их поддержку в обозримом будущем не приходится. Потому война с Германией, то есть с Центральными державами, – утопия. К тому же крепнет осознание, что Англия всегда останется Англией, которая за последние 150 лет всегда была против России во всех её войнах; в 6 против турок, в Крымской, в войне с Японией и даже в нынешней схватке народов она постоянно политически

стягивала России руки, лишая её успехов и обращая их в свою пользу. Появилось понимание того, что сотрудничество монархической России с республиканской Францией и демократической Англией, где король играет лишь представительскую роль, не имея какого-либо влияния на политику, в противостоянии с монархической Германией, чья армия стоит на схожих основаниях, что и русская, было тяжелой ошибкой. Вследствие этого нарастает желание взаимодействия с Германией. И то, что это всеобщее стремление всё еще не было реализовано, но это зависит от нынешней раздробленности России, а в Добровольческой армии всё еще сказывается сильное ощущение незаслуженного поражения, хотя ненависти к Германии нет. Ведущие круги Добровольческой армии всё еще не могут решиться на то, чтобы объединиться с теми, кто их победил; но всё же стремление к союзу с Германией есть, большая часть Добровольческой армии настроена дружелюбно к немцам и испытывает к Германии подчеркнутое уважение.

На мой вопрос об отношении Добровольческой армии к чехословакам, англичанам на Мурмане и к японцам в Сибири в случае возможного наступления армии на Москву и свержения большевистского владычества Андрианов ответил, что пока что они будут только за содействие указанных наций в борьбе с большевизмом; ведь за счет этого их задача существенно облегчится. А как будет выглядеть ситуация в дальнейшем, об этом в армии пока никто особенно не переживает. Если окажется необходимым силой выбить из России англичан, японцев и чехов, то они далеко не первые противники, а Добровольческая армия за последние 4 года имела дело с боями со всевозможными войсками.

По мнению многих чинов Добровольческой армии, взаимодействие с Германией необходимо хотя бы по экономической причине. Россия – страна, благословением которой являются необъятные запасы различных природных ресурсов, однако у нее слабая промышленность, да еще и до основания разрушенная большевистским владычеством. Германия с ее высокоразвитой индустрией могла бы легко

принять на себя переработку российского сырья; в союзе с Германией огромная Россия с ее крупными запасами людской силы, при условии обучения ее германскими инструкторами, превратились бы в такой военный, экономический и технический блок, который бы включал в себя половину Европы и большую часть Азии и был бы способен отразить любые нападения как военного, так и экономического характера. Постоянную конкуренцию с Англией и Америкой, этими двумя крупнейшими капиталистическими державами, которые черпают свои силы в огромных колониальных владениях, вести невозможно; к тому же Россия при союзе с ними очень скоро угодила бы в полную от них финансовую зависимость. Поэтому остается лишь вариант союза с Германией.

Вновь собравшаяся после взятия Екатеринодара Кубанская рада полностью зависит от Добровольческой армии. Кубанское правительство придерживается демократической ориентации; но даже если демократический принцип противоречит устремлениям Добровольческой армии, то всё же Деникин – Алексеев допустили формирование подобного правительства, чтобы не утратить симпатий кубанских казаков. Кубанский атаман Филимонов всего лишь орудие в руках Деникина; не Филимонов правит, а Деникин – Алексеев. Несмотря на столь часто и настойчиво подчеркиваемую приверженность демократии, кубанские казаки настроены сплошь монархически. Ведь лишь монархия сможет им вернуть и гарантировать прежнее их привилегированное положение.

Аналогичная ситуация и в Донской области. Там тоже образовалось якобы демократическое правительство, устремления которого идут, однако, лишь к тому, чтобы добиться для казаков привилегий, пожалованных им некогда российским императором. Реализация подобных намерений да еще за счет не-казацкой части населения в стране, которая месяцами находилась под уравнивающим всех и вся правлением большевиков, возможна лишь после тяжелой внутренней борьбы. Из-за этого однажды и донские казаки окажутся вынуждены обратиться к монархии, ведь лишь таким

способом они смогут гарантировать себе прежние привилегии.

Верны царю и горские народы. Их дворянство и князья десятилетиями служили при русском дворе, занимая там видное положение. Кавказец предан своему князю, он идет за ним на смерть, так что отправится вслед ему и на Москву, чтобы свергнуть большевизм. Вечные конфликты между различными горными племенами, порой приводившие к ожесточенным схваткам, стихнут, как только в России будет царь.

О личности лидеров Добровольческой армии Андрианов высказывался так:

Алексеев: Он так называемый боевой генерал; на передовой он всегда пользуется большой симпатией, хотя кое-где к нему относятся плохо за то, что он стал делать карьеру после свержения монархии, согласившись принять пост Верховного главнокомандующего. Политическая его ориентация не вполне ясна; номинально, по дипломатическим соображениям, он заявляет о поддержке Учредительного собрания.

Деникин: Он пользуется в армии большим авторитетом. Начитанный, образованный, при этом смелый и осмотрительный командир, он весьма хорош в стратегии. В политических вопросах он существенной роли не играет. Прежде он был вовлечен в политические интриги, вследствие чего в свое время не попал в Генеральный штаб. Долгое время он был в немилости при дворе. Несмотря на это, он, по видимому, монархист.

Романовский: начальник штаба у Деникина. Очень любим в армии за свою прямоту, честность и храбрость.

Дроздовский: настроен прогермански. Дроздовский – тип образованного военного, более теоретик, нежели практик; его очень любят, однако большого влияния не имеет.

Покровский: давно знакомый с ним лично Андрианов описал его как авантюриста. Как солдат отличается порывом и неистовостью, однако определенных политических воззрений не имеет, а примыкает к тому, кто больше ему предложит. Не отказывается от алкоголя!

Шульгин: его в армии ненавидят. Утверждает, будто он монархист, однако был среди тех, кто вместе с Гучковым настоял на отречении императора. Настроен резко антигермански, но поддерживает ли он связи с Антантой, Андрианов сказать не смог.

Приписка офицера-переводчика из разведывательного отдела:

Приведённый выше отчёт – результат почти трехчасовой беседы, явно отражает, скорее, личное мнение Андрианова, скорее, желаемое им в текущей ситуации, нежели реальную обстановку по всем пунктам. Вне всякого сомнения то, что большая часть Добровольческой армии, и Андрианов в том числе, настроены прогермански. Здравомыслящие элементы в армии стремятся к союзу с Германией, что однозначно следует из бесед и с рядом других лиц. Приведенные выше данные явно отражают и личные симпатии; однако они не исключают того, что настроения в Добровольческой армии действительно изменились и что рано или поздно последует поворот в сторону германской ориентации. По моему мнению, это следовало бы только приветствовать.

Подпись: лейтенант резерва (от руки).

Адресаты: офицер для связи из ОХЛ при корпусе Кнёрцера (4 экз.), майор фон Кохенгаузен, штаб 7-й ландверной дивизии, отдел прессы в Ростове, в дело – итого 8 экземпляров.

Документ 18.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 53. Bl.97.

Военный округ Киев.

27-й резервный корпус Штаб-квартира корпуса, 1 октября 1918 года.

2-й офицер Генштаба lb Nr.20781/3093.

Во всеобщих интересах, чтобы как можно больше великороссов было бы депортировано в Великороссию. Соответствующие прошения на въезд и выезд обратно в Великороссию следует представлять в штаб корпуса.

Начальник штаба корпуса Бёме.

(31 копия в различные инстанции корпуса).

Документ 19.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 54. Bl.32-34.

Офицер разведки ОХЛ при военном округе в Киеве

Штаб-квартира корпуса 2 октября 1918 года.

При обыске в вербовочном бюро в Полтаве 25 сентября был обнаружен ряд бумаг, а также установлено:

В Киеве на Большой Владимирской в номере 100 отеля «Прага» находится главное вербовочное бюро Астраханской казачьей армии. Руководитель – полковник Зубарев, кроме того, там же – полковник Ратманов, подполковник Крышановский, подполковник Полоцкий и поручик Флакс.

В Полтаве вербовочное бюро находится в отеле «Петроград», комната № 14. Руководитель – подполковник М. М. Янушевич, кроме того, там же – поручики Ремнев и Топаев, в бюро работают еще Николай и Елена Янушевичи и Мария Ремнева.

26 августа подполковник Янушевич пытался получить у командующего украинского корпуса Слюсаренко¹, а через него и у украинского военного министерства разрешение на свою вербовочную деятельность, однако получил отказ. Обнаружена бумага из штаба 6-го корпуса в 67-ю мобильную тыловую комендатуру в Полтаве от 29 августа, где заявляется о запрете на вербовку в Добровольческую армию и о распространении этого запрета на все другие неукраинские формирования (см. выше). Из этого следует, что подполковник Янушевич был признан неблагонадежным. И всё же в газете «Родной край» от 11/24 сентября появилось такое объявление:

«Сим доводится до сведения тех, кто намерен вступить в Астраханскую казачью армию, что никаких извещений в газетах или публичных объявлений об открытии бюро не будет. Полтавское вербовочное бюро, отель «Петроград», № 14».

Кроме того, из обнаруженных бумаг установлено, что вербовочное бюро в Полтаве поддерживало постоянную связь с Главным

¹ Имеется в виду формировавшийся 6-й Полтавский корпус гетманской армии.

вербовочным бюро в Киеве, получая отсюда указания. 23 сентября полтавское вербовочное бюро отправило еще 12 офицеров и нижних чинов в Харьков к офицеру по вербовке штабс-ротмистру Калискому.

Штаб-квартира армии находится на станции Морозовская.

Из Киева каждые 3 недели отправлялись военные эшелоны для армии, уже 15 штук. Полтавское бюро 9 августа получило из Главного бюро в Киеве 25 тысяч рублей.

Вербовочное бюро в Полтаве сообщило в Киев об открытии вербовочного бюро для Южной армии, с которым установлена связь.

Вербовочное бюро Южной армии находится в Полтаве в отеле «Европа», комната 34, с 1 сентября 1918 года. Руководитель – полковник Юргенс (придан штабу Южной армии), далее – полковник Николай Карпов, подполковник Евгений Кочанов, адъютант поручик Владимир Алекс. Луговой.

Южная армия имеет Главное бюро в Киеве на Прорезной, дом 3, квартира 5. Руководитель – генерал-майор Литовцев¹, подполковник Чесноков, поручик Шабалин. Начальник штаба – генерал-лейтенант Литовцев².

В Киеве в настоящий момент должны заниматься вербовкой:

Полковник 8-го драгунского полка (Астраханского) Ставинский,

Генерал-майор 13-го Белозерского пехотного полка Буневский,

Сибирского батальона капитан Шумаховский.

Штаб-квартира Южной армии находится на станции Чертков. Через центральное бюро в Харькове (ул. Екатерининская, отель «Россия» – полковник Домашнево) до сих пор в Чертков отправлены 16 офицеров и чиновников.

Цель формирования Южной армии заключается в:

1. С помощью усилий по комплектованию армии для спасения России способствовать выполнению программы монархистов по установлению приемлемого для них режима в стране.

2. Армия должна включать в себя все рода войск.

3. Выполнение программы Главного комитета «Нашего Отечества»³, которая обсуждалась с Корниловым, участником⁴ первого церковного собора, и соратником Дутова, членом Казачьего союза по восстановлению казачьего войска⁵, который возглавлял политический отдел Круга. Во главе комитета – помощник председателя Думы граф Владимир Алекс. Бобринский.

Кроме того, об организации известно:

1. Во главе Главного комитета находится многолетний председатель Всероссийского национального клуба Акацатов.

2. Во главе военного отдела находится «Военное товарищество» из неких специалистов.

3. В союзе «Наше Отечество» – целый ряд национальных организаций, Всероссийский национальный клуб, Великорусский народный союз, всероссийские организации домовладельцев, купцов, монархические союзы⁶.

4. Насчет Донской области царит полное единение.

5. Насчет политики в отношении Антанты?

6. С немцами – компромисс.

7. Средства армии: только русские.

В качестве программы союз «Наше Отечество» заявляет:

1. Форма правления: монархия с двухпалатным народным представительством.

¹ В оригинале зачеркнуто, от руки вписано «Шульгин», очевидно, описка.

² Генерал-лейтенанта с такой фамилией обнаружить не удалось, однако весьма вероятно ошибка германских инстанций, часто путавших фамилии иностранных офицеров. С некоторой вероятностью имеется в виду генерал Я. Н. Литот-Литоцкий (1869 – после 1920), имевший звание генерал-хорунжего и должность командира 16-й пехотной дивизии в армии Украинской державы, а затем воевавший в составе ВСЮР.

³ В документах того же дела хранится и протокол собрания монархических организаций в Киеве 17 августа, где заявлены цели союза «Наше Отечество» и Южной армии. Там же и доклад в штаб группы армий от организаторов этого собрания с объяснениями их прогерманской позиции.

⁴ Далее в оригинале зачеркнута и нечитабельна примерно строка текста.

⁵ Текст явно был искажен еще при переводе как названий различных организаций, так и фамилий.

⁶ Часть текста неразборчива.

2. Ответственное, но не парламентское министерство.

3. Цензовая (но не только по имущественному, а также и по образовательному признаку) избирательная система для выборов в парламент и органы сословного самоуправления.

4. Равноправие всех граждан, особая роль русского языка и свобода развития – всем другим народам.

5. Всеобщее обязательное школьное обучение, народное просвещение должно быть в руках правительства и соответствовать духу времени.

6. Защита частной собственности на землю: отчуждение земель только через покупку. Особые органы с помощью Земельного банка должны проводить наделение земель. Масштабное переселение в плохо освоенные области.

7. Уменьшение размеров губерний и рассмотрение границ уездов для облегчения администрирования и местного самоуправления.

8. Кредит переходит в руки государства, налоговая система должна быть приспособлена к уровню благосостояния народа.

9. Торговля должна находиться под государственным контролем. Следует полностью или частично ограничить влияние монополий и зерновых перекупщиков.

10. Повысить уровень образования чиновников, важно повысить их материальный и общественный статус.

11. Защита крестьянской общины, законность, свобода личности, судов и прессы.

12. Инстанции должны иметь право принимать меры против тех движений, которые угрожают монархическому устройству.

13. Следует дать полную гарантию отношениям между церковью и государством, а также православной вере. Следует улучшить материальное положение духовенства, которое призвано кормить народ.

О программе Южной армии известно:

1. Борьба с большевиками, восстановление России и монархии, затем внутреннее развитие России.

2. Во главе армии находится известный генерал, который пока на большевистской территории, поэтому имя его не называется¹.

Временно командующим является бывший начальник штаба 23-го армейского корпуса² генерал-лейтенант Литовцев. Формирования других корпусов пока что не планируется.

3. Всё, что возможно, отправляется на театр военных действий. Там же находится и генерал Семенов, командир 1-й дивизии, в распоряжение которого и направляются люди. Вооружение производится в полосе боев по его указаниям.

4. Армия содержится на средства союза «Наше Отечество», пожертвованные его членами для главной цели – восстановления России, по достижении которой они будут возвращены.

В подписанном подполковником Качановым письме слабые результаты работы объясняются вышедшим запретом на официальные извещения и листовки, да и командование корпуса не работает. Он полагает, что дело продвинется только за счет устной передачи известий. Здесь он ожидает эффекта. В ответ на его запросы полковник Домашнево сообщил, что:

1. Довольствие оставшимся в тылу семьям будет платить Д. и Киев.

2. Следует быть как можно ближе к Дону, пока не будет собрано достаточное количество сил.

3. Указания будут посылаться с учётом позиции германских инстанций и их возможного вмешательства. В случае возможных осложнений будет установлена связь с германскими ведомствами, однако необходимо соблюдать осторожность. Направленное полковнику Качанову из харьковского центрального бюро указание по вербовке от 16 августа гласит:

¹ Любопытная деталь, хотя в данном случае явно имелся в виду генерал Н. И. Иванов, который находился в Киеве и никак не соглашался возглавить армию без соответствующих консультаций с Алексеевым.

² Среди начальников штаба 23-го армейского корпуса такого генерала не обнаружено.

«...Вы должны содействовать вербовке офицеров и солдат в Южную армию для восстановления единой и конституционной России. Офицерам из бумаг достаточно короткого письменного заявления либо удостоверения двумя штаб-офицерами из его части, либо из Союза георгиевских кавалеров в Полтаве с соответствующей печатью. При приёме солдат справьтесь через союз хлеборобов и полтавскую окружную комендатуру у полковника Ильина. Транспорт следует направлять полковнику Попову на станцию Полтава-Южная. Эшелоны едут через Дебальцево – Зверевое – Каменскую в Чертковое. Следует отправить курьером офицера в Харьков для Лозовой.

Необходимые средства можно затребовать из Киева по телеграфу. Всех принятых в армию необходимо снабдить билетами 3-го класса через подполковника коменданта станции».

Подписанные руководителем главного бюро (подполковником) условия службы таковы:

- 1) безусловное повиновение начальству;
- 2) обязательство служить бессрочно, дезертирство карается военным судом;
- 3) действуют уставы гарнизонной службы и дисциплинарные нормы со всеми поправками вплоть до 1917 год. Изменения: а) обращение на «Вы», б) к командирам обращаются по их званию, за исключением генералов, к которым обращаются «Ваше Превосходительство», с) вставать во фронт необязательно;
- 4) сохраняются военные суды и суды чести, как они были до 1917 года;
- 5) служба засчитывается как государственная. Представленные к повышению офицеры могут при необходимости получить полагающееся звание. Юнкера и солдаты с аттестатом об окончании 5 классов гимназии могут быть произведены в подпоручики;
- 6) оплата составляет для офицеров (кандидатов в офицеры) 250 рублей, для генералов – 1500. Нижние чины получают 90 рублей в месяц, фельдфебели – 200 рублей;
- 7) доплату 100 рублей и 50 рублей на ребенка получают (женатые) офицеры, за 6-месячную непрерывную служ-

бу – 500 рублей, за ранение, повлекшее неспособность продолжать службу, – единовременно пока что 500 рублей. Жена и дети погибшего получают 1000 рублей. Нижние чины получают за 6-месячную службу 200 рублей, за утрату здоровья по ранению – 300 рублей, за погибшего – 1000 рублей. Довольствие и обмундирование для всех безвозмездно. Назначение проводится по старшинству в службе, лица женского пола и моложе 18 лет не принимаются.

Относительно формирующегося в Южной армии «Сибирского отряда», куда могут вступить и не-сибиряки, сведения может дать капитан Мартин – Киев, Столыпинская, 1. Главная контора в Киеве на Перечной (?), 5. Письма отправлять в штаб 13-го Белозерского генерал-фельдмаршала князя Волконского полка в киевскую гостиницу на углу Крещатика и Фундуклеевской, комната 26.

Просят относиться с благодарностью к Украине за прием неместных уроженцев, а потому любую агитацию среди ее офицеров необходимо прекратить.

Документ 20.

Источник: SächsHStA Dresden. 11358. 57. VI.260.

Германская комендатура Киева, Ic Nr. 14570 Киев, 19 октября 1918 года.

В штаб 27-го рк.

1. Надёжный агент сообщает, что полковник Бермонт¹ рассказывал в кругу знакомых в помещении вербовочного бюро на Прорезной, дом 3, в квартире Шувалова, следующее:

В ближайшее время большевики предпримут попытку овладеть Киевом, а именно ворвутся в город с севера. Германские военные при этом разойдутся по казармам и по

¹ Так в оригинале, не приходится сомневаться, что имеется в виду П.Р. Бермондт-Авалов, киевский период деятельности которого до сих пор известен достаточно поверхностно. См.: Баринов И., Стрелков И. «Кто Вы, князь Авалов?» Портрет политического авантюриста времен Гражданской войны в России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2017. – № 2 (28). – С. 136–156.

отношению к происходящему в городе будут соблюдать нейтралитет. У него будто бы кругом в германских частях агенты, так что он осведомлен самым точным образом. В целом же полковник Бермонт ссылаясь на свои связи со штабом группы армий, где он 19 октября вновь будет на заседании, посвящённом обороне города.

2. Генерал Литовцев и господин Акацтов, согласно тому же источнику, в последние дни пытались получить у ряда местных крупных банков средства для Южной армии – до 40 миллионов рублей, но пока безрезультатно. При этом они пытались привлечь внимание заявлениями вроде того, что указано в пункте 1, указывая, что при таком развитии событий украинские войска разбежались, а потому должную защиту имущим классам смогу обеспечить только войска Южной армии.

Капитан Генштаба (подпись от руки): Кульманн.

Библиография /References:

1. Баринов И., Стрелков И. «Кто Вы, князь Авалов?» Портрет политического авантюриста времен Гражданской войны в России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2017. – № 2 (28). – С. 136–156.

2. Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 года: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2021. – № 5. – С. 208–230.

3. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / науч. ред.: Л.В. Ланник; [пер. с нем. и коммент. Л.В. Ланника]. – М.: Посев, 2014. – 250 с.

4. Головин Н.Н. Российская контрреволюция 1917–1918 гг.: в 2-х т. – М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2, кн.6–12. – 2011. – 702 с.

5. Дон в годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. Сборник документов: В 2-х т.; Т. 1: Март 1917 – май 1918 / Науч. ред. д-р ист. наук, проф. О.М. Морозова. – Ростов н/Д,

2017; Т. 2: май 1918 – март 1920. – Ростов н/Д., 2020. – 234 с.

6. Зими́на В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг.: монография. – М.: РГГУ, 2006. – 465 с.

7. Зими́на В.Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на юге России в годы Гражданской войны и интервенции. – Калинин: КГУ, 1989. – 87 с.

8. Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. – СПб.: Евразия, 2020. – 528 с.

9. Маргулиес М.С. Год интервенции (Летопись революции; № 11). – Берлин: Гржебин, 1923. – 20 с.

10. Посадский А.В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус: эпизод Гражданской войны. – М.: АИРО –XXI, 2018. – 515 с.

11. Штейфон Б.А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / Публ. А.В. Левченко // Исторический вестник. – Т. 27. – 2019. – С. 16–229.

12. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966 (Mainz, 2010).

13. Fest W. Nikolajew, der letzte deutsche Posten am Schwarzen Meer. Duisburg, 1919. (рус. пер.: Фест В. Николаев: последний форпост немецких войск на Черном море. – Николаев, 2016).

14. Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrussland 1918/19. Boppard/R., 1973

15. Gehrmann U. Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit des Brest-Litovsker Friedens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd. 41. Hf. 3. S. 394–421.

16. Lannik L.V. Germany and the White Movement in the South, 1918 // Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations / Ed. by D.R. Stone, J.D. Smele, G. Swain, A. Marshall, S. Marks, A.V. Ganin. Bloomington, 2021. – P. 45–62.

17. Mędrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918 // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Rußland, der Ukraine und Weißrußland / hrsg. von H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. – S.441-460.
18. Mędrzecki W. Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.
19. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12479; <http://tsamo.german-docs.inrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>.
20. SächsHStA Dresden. 11358. 53-58.
21. HStA Stuttgart. M 409. Bd. 793.
1. Barinov I., Strelkov I. (2017) «Kto Vy, knyaz' Avalov?» Portret politicheskogo avanturista vremen Grazhdanskoy voyny v Rossii [«Who are you, Prince Avalov?» Portrait of a political adventurer during the Civil War in Russia] // Forum novyyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury. – №2(28). – S.136–156. (In Russ.).
2. Vatlin A.YU., Lannik L.V. (2021) Taynyye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 goda: neizvestnyy syuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnosheniy na iskhode Pervoy mirovoy voyny [Secret notes to the Addendum Treaty of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // Novaya i noveyshaya istoriya. – №5. – S. 208–230. (In Russ.).
3. Opisaniye poslevoynnykh boyev german-skikh voysk i fraykorov. Vyvod voysk s Vostoka [Description of the post-war battles of the German troops and freikorps. Withdrawal of troops from the East] / nauch. red.: L.V. Lannik; [per. s nem. i komment. L. V. Lannika]. – M.: Posev, 2014. – 250s. (In Russ.).
4. Golovin N.N. (2011) Rossiyskaya kontrrevolyutsiya 1917–1918 gg. [The Russian counter-revolution of 1917–1918]: v 2-kh t. – M. Ayris-press. T. 2, kn.6–12. – 702s. (In Russ.).
5. Don v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gg. [Don during the Revolution and the Civil War: 1917–1920 Collection of documents] Sbornik dokumentov: V 2-kh t.; T.1: Mart 1917 – may 1918 / Nauch. red. d-r ist. nauk, prof. O.M. Morozova. – Rostov n/D, 2017; T. 2: may 1918 – mart 1920. – Rostov n/D., 2020. – 234s. (In Russ.).
6. Zimina V.D. (2006) Belaye Delo vzbuntovavsheysya Rossii. Politicheskiye rezhimy Grazhdanskoy voyny 1917–1920gg. [White Case of rebellious Russia. Political regimes of the Civil War 1917–1920]: monografiya. – M.: RGGU. – 465s. (In Russ.).
7. Zimina V.D. (1989) Krakh germanofil'skoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii na yuge Rossii v gody Grazhdanskoy voyny i interventsii [The collapse of the Germanophile monarchist counter-revolution in the south of Russia during the Civil War and intervention]. – Kalinin: KGU. – 87s. (In Russ.).
8. Lannik L.V. (2020) Posle Rossiyskoy imperii: germanskaya okkupatsiya 1918g. [After the Russian Empire: German Occupation 1918]. – SPb.: Yevraziya. – 528s. (In Russ.).
9. Marguliyes M.S. (1923) God interventsii (Letopis' revolyutsii; № 11) [Year of intervention (Chronicle of the Revolution; No. 11)]. – Berlin: Grzhebin. – 20s. (In Russ.).
10. Posadskiy A.V. Polkovnik V.K. (2018) Manakin i Saratovskiy korpus: epizod grazhdanskoy voyny [Colonel V.K. Manakin and the Saratov Corps: an episode of the civil war]. – M.: AIRO-XXI. – 515s. (In Russ.).
11. Shteyfon B.A. (2019) Khar'kovskiy glavnyy tsentr Dobrovol'cheskoy armii. 1918g. [Kharkov main center of the Volunteer Army. 1918] / Publ. A.V. Levchenko // Istoricheskiy vestnik. – T.27. – S. 16-229. (In Russ.).
12. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. – Wien; München, 1966 (Mainz, 2010). (In Germ.).
13. Fest W. Nikolajew, der letzte deutsche Posten am Schwarzen Meer. – Duisburg, 1919. (рус. пер.: Фест В. Николаев: последний форпост немецких войск на Черном море. – Николаев, 2016). (In Germ.).
14. Fischer K. Deutsche Truppen und Entente-Intervention im Südrußland 1918/19. Boppard/R., 1973. (In Germ.).
15. Gehrmann U. Turbulenzen am Stillen Don. Zur deutschen Kriegsziel- und Ostpolitik in der Zeit

des Brest-Litovsker Friedens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1993. Bd. 41. – Hf.3. – S.394-421. (In Germ.).

16. Lannik L.V. Germany and the White Movement in the South, 1918 // Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations / Ed. by D.R. Stone, J.D. Smele, G. Swain, A. Marshall, S. Marks, A.V. Ganin. Bloomington, 2021. – P. 45–62. (In Engl.).

17. Medrzecki W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918 // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Rußland, der Ukraine und Weißrußland / hrsg. von H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. – S.441-460. (In Germ.).

18. Mędrzecki W. Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000. (In Poland).

19. TsAMO. F.500. Op.12479; <http://tsamo.german-docsinrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>. (In Russ.).

20. SächsHStA Dresden. 11358. 53-58. (In Germ.).

21. HStA Stuttgart. M 409. Bd. 793. (In Germ.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).**

Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.

При перепечатке материалов ссылка на журнал

«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик Е. А. Князькова

Корректор И. Л. Кургузова

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

**Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.**

Подписано в печать 26.06.2022. Дата выхода тиража в свет 08.08.2022.

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

© Вестник государственного и муниципального управления

Научно-образовательное издание

№ 2 (44) 2022г.